

ДВОЙНОЙ
Артефакт
ДЕТЕКТИВ

Елена АРСЕНЬЕВА

КОЛЛЕКЦИЯ
КИТАЙСКОЙ
ИМПЕРАТРИЦЫ

ПИСЬМО
ФРАНЦУЗСКОЙ
КОРОЛЕВЫ

Двойной артефакт-детектив

Елена Арсеньева

**Коллекция китайской
императрицы. Письмо
французской королевы**

«Автор»

2015

Арсеньева Е. А.

Коллекция китайской императрицы. Письмо французской королевы / Е. А. Арсеньева — «Автор», 2015 — (Двойной артефакт-детектив)

ISBN 978-5-699-77008-3

Коллекция китайской императрицы Последняя императрица Поднебесной Цыси была весьма изобретательна в искусстве любви. В этом ей помогала коллекция статуэток, принадлежавших легендарной богине... Как-то на ярмарке писательница Алена Дмитриева купила три простеньких браслета. Но одно из украшений похитили среди бела дня. След воровки приводит Алену в старинный замок Талле, где исчез «Летящий белый тигр» – древнекитайская фарфоровая статуэтка. Да еще и мертвое тело обнаружено, и первой на него наткнулась именно Алена!.. Письмо французской королевы Алена Дмитриева нередко попадала в ситуации, полные риска и приключений. На сей раз ей пришлось, махнув рукой на прогулки по Парижу, участвовать в расследовании двойного убийства русских туристов. А кровь их пролита в ходе поисков письма королевы Марии-Антуанетты, казненной два века назад. Роковой листок спрятал в свое время адвокат Мальзерб, пытавшийся спасти опальную королеву от гильотины. Если письмо не будет найдено – умрут еще двое, ибо старинный документ бесценен и на нем можно заработать баснословные деньги!..

ISBN 978-5-699-77008-3

© Арсеньева Е. А., 2015

© Автор, 2015

Содержание

Коллекция китайской императрицы	6
Неотправленное письмо	6
Наши дни, Франция	7
Начало 20-х годов XX века, Россия	10
Наши дни, Франция	13
Вторая половина XIX века, Китай	16
Наши дни, Франция	19
Сказки дальних стран и далеких времен	24
Наши дни, Франция	26
Начало 20-х годов XX века, Россия	29
Наши дни, Франция	34
Вторая половина XIX века, Китай	39
Наши дни, Франция	42
Сказки дальних стран и далеких времен	45
Наши дни, Франция	47
Начало 20-х годов XX века, Россия	50
Наши дни, Франция	52
Вторая половина XIX века, Китай	55
Наши дни, Франция	57
Сказки дальних стран и далеких времен	61
Наши дни, Франция	63
30-е годы XX века, Париж	67
Наши дни, Франция	70
Вторая половина XIX века, Китай	73
Наши дни, Франция	75
Сказки дальних стран и далеких времен	78
Наши дни, Франция	80
20-е годы XX века, Россия	83
Наши дни, Франция	86
Вторая половина XIX века, Китай	90
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Елена Арсеньева
Коллекция китайской императрицы;
Письмо французской королевы (сборник)

© Арсеньева Е.А., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

* * *

Коллекция китайской императрицы

*Орхидею нашел и склонился над ней,
Упоенный ее красотой.
Прихотлив тот, кто создал наш мир!
Прихотлив и умом изощрен.
Как хитер... как жесток...
Почему совместил он в создание одном
Несравненную эту красу лепестков
И коварство, подобное яду змеи, —
Аромат, отравляющий тех,
Кто приблизит лицо свое к лику цветка?!
... Умер я, красотой твоей наслаждаясь.
Я умер...*

Из старинной китайской поэзии

Неотправленное письмо

Привет, нелюбимый!

Ах, как ты удивился... Верно? Ведь раньше я звала тебя совсем иначе – любимый. Но это мое прощальное письмо, и я наконец могу сказать тебе правду.

Итак, мне это удалось! Почти удалось. Но осталось ждать недолго – завтра все закончится. Не верю... Боюсь верить! И все-таки моя душа поет от счастья, мне нужно с кем-то поделиться своей невероятной удачей. Поделюсь с тобой. Ведь у меня нет ни друзей, ни подруг. Я никого не люблю. Я использую людей в собственных целях, хотя те уверены, что именно они используют меня.

Точно так же, как был уверен ты.

Я вернусь домой. Завтра. Все сделаю – и сразу в аэропорт. Сразу на самолет. Я брошу все и улечу отсюда свободной от всего того, что связывало меня с прошлой жизнью.

Я оставлю все. Всех. И тебя тоже.

Ну что же, ты это заслужил. Ты лгал мне каждым словом, каждым поступком, уверенный, что перед тобой маленькая простушка, которая верит твоим лживым глазам и лживым поцелуям.

Глупый мальчик. Глупый и самонадеянный. Тебе предстоит убедиться, что и ты, и все твои предшественники, те, кого я называла своими друзьями или любовниками, – не более чем ступеньки, по которым я долго и трудно поднималась к своей цели.

Я решила написать тебе. Написать и рассказать правду. Мне хочется причинить тебе боль – такую же, какую ты причинил бы мне, если бы я и в самом деле была той глупенькой влюбленной девчонкой, которой ты меня всегда считал...

Наши дни, Франция

«Раз, два, три, четыре... Десять, пятнадцать... Двадцать шесть... тридцать девять...»

– Господа, всех прошу перейти в малый салон.

«Сорок пять... пятьдесят три...»

– Господа, убедительная просьба – ничего не трогать, особенно обивку мебели и фарфор.

«Пятьдесят... шестьдесят... семьдесят... восемьдесят... восемьдесят три... Восемьдесят три!»

Ничего себе, аж шея замлела...

– Мадам, прошу, мы все вас ждем.

– Ах, извините!

Алёна так улыбнулась высокому, худощавому, невыносимо корректному гиду, что холодноватая вежливость на его лице сменилась некоей блаженной растерянностью. Да, она умела улыбаться этак вот... И всякому мужчине, ловившему такую ее улыбку, казалось, будто именно его, только его всю жизнь ждала эта прелестная женщина, всю жизнь она мечтала только о нем. Дураком был тот, кто сей улыбке верил, вот что я вам скажу, господа! Сойти с ума без малейшей надежды на выздоровление и, главное, не желать выздороветь. Ох, сколько проблем обрела Алёна Дмитриева из-за своего неконтролируемого обаяния!

Правда, порой на ее пути все же встречались адекватные представители мужского пола, твердо знающие, что первым делом – самолеты. И сегодняшний гид, похоже, принадлежал к их числу. Потому что не рухнул морально и физически к ногам русской писательницы Алёны Дмитриевой, а, подавив восхищенный вздох, быстренько мобилизовался и сказал с легкой улыбкой:

– Прошу вас пройти вон туда. В малом салоне вы увидите великолепные образцы охотничьих натюрмортов, собиранием которых очень увлекался один из графов Талле. Поверьте, в своем роде они не менее интересны, чем эти рога.

И он окинул рукой вестибюль шато, сплошь, от пола до потолка, украшенный рогами оленей, косуль и разных прочих рогатых животных, которые водились в окрестных лесах и отстрелом которых развлекались в свободное время графы Талле, а также гости их сиятельств.

Писательница огляделась. Она одна задержалась в вестибюле, вся группа уже миновала его.

Алёна послушно прошла в малый салон, удивившись, что народу вроде бы гораздо больше, чем было во дворе, когда формировалась группа. Наверное, запоздавшие набежали. Она разглядывала людей, стараясь не смотреть на стены. Натюрмортов – а сочетание этих слов, *nature morte*, означает в переводе с французского не что иное, как мертвая природа... б-р-р! – наша героиня терпеть не могла, ну разве что за исключением тех, которые изображали изобилие роскошных цветов и фруктов. Живописание же убоины в стиле Вильяма ван Аелста или унылую изысканность «завтраков» Питера Класа на дух не переносила. Рога, украшающие вестибюль, тоже были, само собой, типичной *nature morte*. Однако Алёна ими вовсе не любовалась, как подумал гид, она их примитивно пересчитывала. И вот почему.

Давным-давно, еще в ту пору, когда одну шестую часть мировой суши занимало государство Советский Союз, Лена Володина – так изначально звали писательницу – смотрела какой-то польский фильм, жутко смелый по тем временам. Смелость, в частности, выражалась в том, что главный его герой появлялся перед камерой в плавках, плотно обтягивающих все его немалое мужское достояние, и демонстрировал гостям свою квартиру, стены в которой были оклеены фотографиями мужчин, с женами коих сей молодчик наставлял им рога. И все фотографии были украшены нарисованными рогами! Так что сейчас, при взгляде на охотничьи трофеи семейства Талле, Алёна Дмитриева, дама довольно циничная, вспомнила тот фильм и нашла

некоторую аналогию с украшениями графского вестибюля. Но, надо сказать, их сиятельства явно перещеголяли польского донжуана: у того в активе имелось около тридцати рогоносцев, а тут Алёна насчитала восемьдесят три пары рогов. С другой стороны, пан старался сам-один, а графы – поколениями!

Против ожидания, натюрморты в малом салоне оказались не очень противными. Не так много охотничьих трофеев, никаких тебе Аелстов, зато парочка подлинных – надо думать, графы Талле не потерпели бы в своем историческом великолепии подделки! – картин Бальтазара ван дер Аста с его пестрыми лилиями, и баснословными розами, и бесстыжими ирисами. Впрочем, наличествовали тут и полотна позднейших времен – вроде бы даже Клод Моне, чудесный, веселый, солнечный. Лучи так и играли в гранях хрустальной вазы, полной цветов, аж глаза слепили!

Гид между тем продолжал рассказывать об уникальных коллекциях картин и предметов искусства, которые были размещены в шато:

– Однако это увлечение началось сравнительно недавно, точнее – в восемнадцатом веке, когда Талле перешел из рук потомков неистового гугенота Франсуа Колиньи, брата знаменитого адмирала Гаспара Колиньи, убитого католиками во время Варфоломеевской ночи, к новым хозяевам. Они отнюдь не придерживались пуританских принципов в убранстве шато. А поскольку один из графов служил консулом Франции в Маньчжурии, Талле обогатился и коллекцией китайского фарфора: сервизами и статуэтками. Часть ее составил подарок императрицы Цыси, сделанный во время его службы в Китае. Некоторые из экспонатов одно время считались бесследно пропавшими, однако впоследствии коллекцию удалось частично восстановить. Впрочем, после скорострительной смерти графа Эдуара Талле – не нынешнего, а его деда, того самого, который и был консулом, – коллекции не уделялось того внимания, которого она заслуживает. – В голосе гида прозвучало нескрываемое неодобрение. – Самые любопытные экспонаты хранятся в выставочной комнате, а копии вы увидите в туалетной комнате при парадной спальне.

– В туалетной комнате?! – низким голосом, еще более отягощенным ужасным акцентом, удивленно воскликнула высоченная костистая дама с ярко-рыжими волосами, пунцовыми губами, в красном платье. У нее были сплошь веснушчатые лицо, шея и руки, а также, вполне возможно, и ноги, однако их милосердно скрывало длинное платье, вернее, такой индийский, очень красивый балахон, оставляя на виду только острые носы туфель очень даже немаленького размера.

– Это помещение предназначено не для пользования, а только для демонстрации туристам, – пояснил гид. – Оно замечательно тем, что в точности копирует туалетную комнату королевы Марии-Антуанетты, в числе фрейлин которой была одна из графинь Талле.

Алёна при упоминании о королеве встрепенулась.

Не далее как минувшей зимой при самом непосредственном участии нашей героини было обнаружено личное письмо этой самой королевы. Российская сторона пока не собиралась возвращать уникальный документ Французской республике, не то, очень может быть, писательница Дмитриева удостоилась бы даже ордена Почетного легиона за спасение национальной реликвии.

А что? Не так плохо было бы занять этот орден! Среди его кавалеров около семидесяти человек, более или менее могущих называться русскими. В их числе, к слову, презираемый Пушкиным, Лермонтовым и иже с ними – не факт, что заслуженно, скорее, вероятно, из творческой зависти к дикой популярности романа «Иван Выжигин», – загадочный человек по имени Фаддей Венедиктович Булгарин: бывший солдат армии Наполеона, тайный агент Третьего отделения корпуса жандармов, один из первых русских писателей-фантастов (Булгарина можно считать изобретателем путешествия во времени, подводных ферм, парашютно-десантных войск, субмарин – задолго до Жюль Верна! – а также самописцев, акваланга и гидроко-

стюма). Орденом Почетного легиона, среди прочих русских, были награждены и княгиня Вера Оболенская – героиня французского Сопротивления, более известная как Вики Оболенская (к ней писательница Дмитриева питала особый интерес, ну просто как женщина к женщине), и Зиновий Пешков, приемный сын Максима Горького, в честь которого – Максима, а не Зиновия! – был в советские времена назван родной город Алёны Дмитриевой, ныне именуемый жителями попросту Нижний Горький. Между прочим, там есть маленькая площадь Свердлова, а большевик Яков Свердлов (кстати, он такой же Свердлов, как Алёна Дмитриева – китайский поэт Ли Бо) был младшим братом вышеупомянутого Зиновия. Вот такие сложные семейные связи бытовали в революционно-писательской среде начала минувшего столетия!

Это все к чему сказано? Да к тому, что не худо было бы украсить список кавалеров ордена Почетного легиона именем прекрасной дамы – Алёны Дмитриевой. Однако минуточку! А как бы ее называли тогда? Тоже кавалером? Или все же дамой Почетного легиона?

Очень красиво звучит. Только несколько фривольно и двусмысленно.

Или все же каждый понимает вещи согласно своей испорченности?

Начало 20-х годов XX века, Россия

Из дневников и писем графа Эдуара Талле

Сегодня нашел наконец в себе силы проверить, что у нас осталось. Два дня мы с Шарлотт пребывали в кошмарном состоянии – не могли даже чемоданы открыть. Она говорила, что не испытывала такого потрясения с того самого дня, когда в ветку цветущего шиповника рядом с ее головой вонзилась стрелка, от которой почернел цветок, – отравленная стрелка! Больше десяти лет прошло с тех пор, пережитые ужасы начали забываться, и мы были уже на пути домой. Казалось, вот-вот – и уедем из обезумевшей страны, в которую вдруг превратилась Россия. Однако всему этому нет конца, а ведь мы уже добрались из Владивостока до Петербурга, и до Франции осталось не так уж далеко.

Шарлотт приходила в себя, лежала в постели, а я обивал пороги в ЧК, пытаясь воззвать к тому подобию власти, которая теперь управляет сей несчастной страной. Ни подобия власти, ни подобия порядка не нашел. И это притом, что к советским санкюлотам обращался иностранец, десять лет содействовавший укреплению отношений Франции и России, да еще в таком трудном для жизни, богом забытом уголке, как русский Дальний Восток! Но теперь тот край не часть России, а отдельная Дальневосточная республика, и всем наплевать на тех, кто откуда приезжает. В Петрограде сейчас всем на все наплевать. Тут ищут врагов революции, ищут в каждом встречном и поперечном, а кругом царят голод, нищета, разруха, и я видел, что на меня смотрят как на безумного, потому что я говорил, что у меня украли не хлеб, не муку, не бидон с маслом или керосином, а какие-то глиняные черепки, как выразился человек на Гороховой улице¹, порог кабинета которого я обивал. Вместе со мной тот же порог обивали десятки человек, несчастных, обездоленных, напуганных, ничего не понимающих, – какие-то старики и старухи, женщины, а при них дети с ничего не видящими от ужаса глазами. Но это только у некоторых. У многих же в глазах таилась такая ненависть, что мне становилось страшно за них. Они потеряли все, а потому ненавидели всех, кто у них это отнял, и еще не боялись смерти. Только старики ее боялись, а эти юнцы с трудом сдерживали себя, чтобы не рвать руками и зубами новую власть, кроваво-красную, как демон Чжун Куй – в Китае его рисовали красной краской на дверях, и он был демоном-охранником. Так же и здешние красные демоны, слуги новой власти, охраняли всех в огромной и страшной каторжной тюрьме, в которую вдруг превратилась Россия.

Думаю, я никогда не забуду их лиц. Того бледного мальчика, которого повергло в припадок эпилепсии известие о расстреле его отца. Ту изящную брюнетку с растрепанными, коротко остриженными волосами, которую провели в кабинет начальника с таким издевательским почтением, что у меня руки чесались отвесить ее сопровождавшим пощечину (конечно, ничего подобного я не сделал – два матроса с винтовками зорко смотрели по сторонам). Того почтенного господина с тонким, породистым лицом, одетого в бархатный халат – видимо, его привезли в том, в чем мужчина был при аресте, но и в халате он выглядел как настоящий аристо...²

Но я постараюсь их забыть. И они, наверное, забудут все случившееся... если переживут это время, которое, от души надеюсь, скоро минует. В конце концов, Франция тоже перенесла столь же безумный период – и ничего, все нормализовалось, даже не всю аристократию успели повесить на фонарях и отправить на гильотину. В большинстве городов, правда, поотрубили головы статуям святых около соборов и церквей, но в Талле ничего не тронули...

Боже, как я мечтаю вернуться домой! Двадцать лет назад, когда я был одержим манией повидать мир, утвердиться, жить отдельно от семьи, с которой был в постоянных распрях,

¹ В описываемое время на Гороховой в Петербурге размещалась Чрезвычайная комиссия. (*Здесь и далее примеч. авт.*)

² Во времена Французской революции так именовали аристократов – *aristo*, сокращенно от *aristocrate*.

я был счастлив уехать в Китай. И даже после того, как мы с Шарлотт бежали оттуда, я не собирался возвращаться во Францию. Мне было гораздо интересней работать в консульствах, видеть иные страны, изучать незнакомые обычаи, чем все гулять и гулять по Бургундии, смотреть и смотреть на серые стены шато Талле, видеть свое отражение в зеленой, наполовину затянутой ряской воде, окружающей его стены, снова и снова бродить по Grande Galerie и смотреть на фрески в Башне Лиги, каждую линию в которых я знал наизусть. Да, я мог бы и сейчас сказать, куда смотрит лицо Дианы де Пуатье и каким выражением наполнены глаза Екатерины Медичи, королевы-отравительницы... Тогда мне казалось: все это знакомо, привычно, а далекий мир полон загадок, и надо попытаться их разгадать... Не знаю, удалось ли мне что-нибудь разгадать, но, даже если удалось, сейчас мне ничто уже не интересно.

Теперь я думаю только о Талле. Беспрестанно – о Талле.

Я хочу вернуться туда. Пройти по залам и комнатам шато. Зайти в конюшню и самому оседлать для себя одного из скакунов. Ах, давно стали старыми одрами те жеребята, которых любил покупать отец, чтобы выезжать и выращивать их самостоятельно... Я хочу смотреть на натюрморты в залах первого этажа и видеть, как солнце дробится в гранях хрустальной вазы кисти Моне. Отец писал мне, что рядом повесил мой натюрморт с белыми пионами и одним из подарков Цыси, статуэткой, которая называется «Летящий белый тигр»...

Я обещал привезти ту самую статуэтку домой. И ту вазу – тоже. Но отец – мы помирились заочно, в письмах, простили друг друга и вновь обрели любовь друг к другу – не увидит их: сегодня, когда мы с Шарлотт пересмотрели коллекцию, я обнаружил, что статуэтка пропала. И он не узнает, что я в очередной раз нарушил обещание, – отец умер пять лет назад.

Когда-то, в далекие годы, когда я со скандалом уезжал из Талле, он кричал мне вслед, что я обманул его надежды, его ожидания, что ни одному моему слову верить нельзя... И вот я опять солгал. Талле не обогатится уникальным экспонатом – подарком императрицы Цыси, статуэткой, которая, по легенде, вышла из рук одного из возлюбленных Серебряной Фей...

Иногда приходят в голову подозрения: а что, если тот оборванец, который схватил два наших чемодана, знал, что находится в одном из них? Мне показалось или он сознательно отшвырнул ногой саквояж Шарлотт, который та от испуга выронила и схватить который было куда проще, чем два чемодана, лежащие на тележке носильщика?

Да нет, чепуха. Даже я смутно помнил, в котором именно лежит «Летящий белый тигр», ведь Мин-хао упаковывал его семь месяцев назад – именно столько длился наш путь по разоренной России. Конечно, морем через Америку мы добрались бы проще и быстрее, но до Америки мы не доплыли бы, я в этом ничуть не сомневаюсь, я верю Мин-хао. Нас убили бы раньше... может быть, мы не добрались бы даже и до парохода... нас убили бы еще во Владивостоке и швырнули бы в море где-нибудь в бухте Золотой Рог... Именно поэтому мы отправились тем путем, который казался на первый взгляд самым трудным, опасным, невероятным: по суше, по остаткам железной дороги, по лесным тропам и проселкам. Это невероятно, но мы добрались-таки до Петербурга, потратив невероятное количество денег, зато – со всем своим багажом. Мне не было жаль тех бумажек, которые в несметном количестве печатает любое правительство, приходящее к власти, и не было жаль тех заранее собранных, купленных золотых монет царской чеканки, которые и спасли нам жизнь в этом путешествии. Мне не будет жаль того, что мы еще потратим, чтобы добраться до Франции. Нет ничего дороже жизни – жизни моей жены и моего сына. Какое счастье, что Альбер уже дома! Какое счастье, что мы отправили его во Францию пять лет назад! Но тогда мы думали, что те, кто преследовал нас, оставили эту цель...

А что, если они-то и настигли нас? И именно их руками был украден чемодан с коллекцией?

Нет, повторяю: мы с Шарлотт и сами не могли вспомнить, куда именно положили шкапулку с фигурками. Произошла просто случайность, одна из тех нелепых случайностей, которые преследуют людей – и иногда настигают их, чтобы ударить или даже убить.

Но мы-то хотя бы остались живы!

Я размышляю: не махнуть ли рукой на дальнейшие поиски, на попытки вернуть вещи? Не перестать ли дразнить фортуны? Она была к нам благосклонна, но вдруг ей надоест опекать нас? Может, лучше уехать из Петрограда ближайшим поездом до Киева... потом дальше... Говорят, это возможно! Ходят также пароходы в финские порты, а оттуда добраться до Парижа уже не составит труда. В ЧК, хоть и отнеслись с насмешкой к моим потерям, обещали не задерживать с выездом...

Да, решено. Сегодня же скажу Шарлотт, что мы уезжаем. И как можно скорей. Завтра же начнем хлопотать...

Наши дни, Франция

– Прошу теперь в малую столовую, – пригласил гид, пропуская мимо себя туристов и с легкой обеспокоенностью оглядываясь на Алёну. Наверное, проверял, не считает ли она что-нибудь еще.

Она не считала. Просто рассматривала еще один натюрморт, подписанный именем некоего Эдуара Талле и называющийся «La nature morte avec le tigre volant blanc» – «Натюрморт с летящим белым тигром». На картине был изображен букет белых пионов – чрезмерно роскошных, как бы усталых от собственной красоты и пышности и уже роняющих отливающие перламутром лепестки. Букет раскинулся в просторной белой вазе с изображением необычайно красивой китаянки в синих одеждах и с высокой прической, держащей в руке изящный жезл. Рядом с вазой, на темном резном столике, стояла маленькая статуэтка. Один из опавших пионовых лепестков целомудренно ее прикрывал, однако все же легко можно было разглядеть, что статуэтка запечатлела пару в любовной позе: женщина лежит вниз лицом, мужчина совокупляется с ней, стоя на коленях меж ее раздвинутых ног.

«Э-э... впечатляет, конечно. А где же тигр? Или это сорт пионов так называется? Надо спросить у гида», – подумала Алёна.

Рядом выразительно хмыкнули, и наша героиня, повернув голову, увидела невысокого и какого-то очень тонкого молодого человека с разлохмаченными, довольно длинными черными волосами, облаченного во все черное. На нем были просторная рубашка-балахон с такими длинными рукавами, что они почти полностью закрывали кисти рук, черная жилетка, черные джинсы, черные мокасины. А в придачу на лице незнакомца черные изящные усики над тонкими – не черными, но все же очень темными – губами. Да и глаза за решеткой очень черных длинных, сейчас опущенных ресниц тоже, надо полагать, были черными. Кроме того, Алёна обратила внимание, что и на его коротких, но ухоженных ногтях лежит черный лак. Да еще узкое запястье оказалось плотно оковано тяжелым серебряным браслетом с вкраплениями черной смальты.

Ёлы-палы, как говорит один ее знакомый из Нижнего Горького... И по-другому ведь не скажешь! Во-первых, браслет явно жутко дорогой – самый писк моды. Во-вторых, мужчин с браслетами не так часто встретишь. Стоп! А с ногтями, покрытыми черным лаком, – часто?

Экое же декадентское создание!

Гид смотрел на «декадентское создание» как-то очень странно – не то с грустью, не то с отвращением. И ничего удивительного, Алёна смотрела на незнакомца примерно так же.

Нормальная реакция нормальных натуралов!

В это время молодой человек обернулся и взглянул на Алёну. Глаза у него и впрямь были черные, огромные, непроницаемые.

Интересно, юноша догадался, о чем Алёна с гидом подумали?

Ей стало неловко, и она быстренько спросила:

– А кто автор картины?

– Он не принадлежит к числу известных художников, – ответил гид. – Его имя Эдуар Талле. Именно о графе Эдуаре я упоминал, говоря, что один из представителей фамилии служил в начале двадцатого века консулом в Маньчжурии.

– Не знаю, какой из него был консул, а вот художник он прекрасный, – сказала Алёна. – Великолепные пионы, прямо как живые! И прелестный рисунок на вазе...

– Это легендарная красавица китайской мифологии, Серебряная Фей, или Дева Фей, как ее иногда называют, – пояснил гид. – Считается также, что статуэтки, подобные той, которая стоит рядом с вазой, изображают ее и ее многочисленных любовников. Согласно легендам,

именно она научила мужчин и женщин предаваться плотской любви не только ради продления рода, но и для удовольствия.

– Вот именно, – пробормотал молодой человек меланхолично.

Гид почему-то побагровел и насупился.

Молодой человек прошел мимо него в соседнюю комнату, присоединился к группе туристов, точнее, к той даме в красном, на которую Алёна уже обращала внимание, и что-то быстро сказал ей. Женщина оглянулась, словно хотела выйти, но молодой человек поймал ее за руку и остановил. Гид, пропустив вперед Алёну, уже прикрыл дверь и начал рассказ о малой столовой шато.

Была она примечательна прежде всего тем, что здесь некогда обедал знаменитый адмирал Гаспар Колины, однажды посетивший замок своего брата Франсуа. Кроме того, всем своим готическим убранством столовая сильно напоминала дворцовый тронный зал – если угодно, тоже малый.

На стене от пола до потолка висела карта Парижа конца XVI века. Как раз эпоха, когда произошла Варфоломеевская ночь!

Алёна подошла ближе. Совсем небольшим городом, оказывается, был тогда Париж! Сейчас он, конечно, значительно разросся, многое перестроено. Кольцо бульваров, созданное архитектором Османом, сделало его неузнаваемым, однако Латинский квартал, остров Сите и прилегающие к Лувру улицы не изменились. Вот знаменитое предместье Сент-Оноре, вот не менее знаменитое Сен-Жермен, вот один из старейших мостов Парижа – Сен-Мишель, ведущий к острову Сите, а вот Пон-Неф, кажется, еще более старый, а может быть, и нет. Наверное, самый старый – мост Менял, построенный еще в девятом веке... Хотя нет, старейший – Малый мост, его длина всего тридцать два метра, и он соединял берега Сены, как пишут в путеводителях, еще в те времена, когда Юлий Цезарь завоевывал Галлию. А вот мост Турнель, в ту пору еще деревянный, за проезд по нему взималась плата – сколько-то там дублонов. Какое красивое слово – дублон! И какая замечательная карта! Дома у Алёны имелась похожая, правда, значительно меньшего размера: изображение Нижнего Горького начала XIX века. Так интересно находить на ней дома, которые существуют и теперь!

Писательница подошла ближе к карте, вчитываясь в названия улиц, и нахмурилась, увидев какие-то каракули, нарисованные красным фломастером как раз посреди моста Сен-Мишель. Вроде бы сердечко, а в нем буквы... Что за непутевый турист распустил свои шаловливые ручонки и испортил такое сокровище?! Причем мост находился не так чтобы низко, нужно было еще дотянуться, чтобы на нем знак поставить! А может, мелкий пакостник даже становился ногами на раритетный стул, чтобы достать до моста Сен-Мишель? Дался же ему именно этот мост!

Алёна осуждающе покачала головой и огляделась.

Как ни странно, карта никого, кроме нее, не заинтересовала. Экскурсанты теснились вокруг закрытых стеклянных горок. Что и говорить, такое столовое серебро надо держать крепко запертым! Алёна обратила внимание, что почти каждый турист украдкой подергал дверцы. Забавно, тут клептоманы собрались, что ли? Или просто любители прикоснуться ко всему, на чем ощущается незримое музейное клеймо: *«Руками не трогать!»*?

Однако и в самом деле запретное притягательно. Вот ведь и сама наша героиня не удержалась – взяла да и приподняла за чем-то крышку невероятно красивого музыкального ящика, тоже напоминающего готический дворец и втиснутого на не больно-то почетное место – за дверью. Приоткрыла – и замерла от возмущения: между гофрированными складками мехов был втиснут клочок лиловой бумаги, оказавшийся билетом на автобус Roissy Bus, который курсировал между центром Парижа, площадью Оперá, и аэропортом Шарль де Голль.

Ну и ну, ну и народ... Некуда больше выбросить мусор, что ли? Конечно, урн тут поблизости не просматривается, но неужели несчастная бумажка так уж жгла кому-то карман, что нельзя было ее еще немножко поносить с собой и выбросить потом в более подходящем месте?!

Алёна торопливо выдернула билетик и закрыла крышку антикварного изделия. Очень вовремя – гид уже приглашал пройти в соседнюю комнату и заботливо оборачивался к Алёне – готова ли она?

Вторая половина XIX века, Китай

– Ее родителям, наверное, горные демоны разум помutilи, если те решили назвать это отродье Лан Эр. Какое имя, какое прекрасное имя – Орхидея! Но какая же она орхидея? Так себе, маньчжурский репейник. И до чего убогое княжество – Ехэ. Сочетание слов «Лан Эр Ехэнара», орхидея из Ехэ, просто оскорбляет мой слух! Конечно, отец ее – маньчжурский мандарин, но что такое вообще – Маньчжурия? Жалкая провинция с непомерным самомнением. И каждая девка считает себя красавицей, хотя и смотреть-то не на что.

– Зачем же ты прихватил девушку с собой, если тебе ничего в ней не нравится?

– А что мне оставалось делать? Поездка не удалась – ни одной красавицы не везем императору. Эта девчонка хотя бы свежа и не так уж безобразно толста, как все деревенские красотки. И ножки у нее маленькие, хотя их и не бинтовали, как положено, – варвары-маньчжуры не приемлют изысканных обрядов Поднебесной. И строение «пещеры наслаждений» у нее правильное, повивальная бабка проверила... А потом, ты же видел: девчонка сама хотела, чтобы мы ее заметили. Невежественные, дикие маньчжуры попрятали от нас своих дочерей. Некоторые из их «красоток» даже специально себя уродовали, хотя и так невзрачны. Как будто невесть какое горе, невесть какое бесчестие – попасть в число наложниц Сына Неба! А эта девка вылезла вперед: мол, вот она я, поглядите на меня!

– Зря старалась, дурочка, – глядеть особо не на что. Ничего у нее не выйдет, не понравится новая наложница императору. А с другой стороны, ну что у них за жизнь, у бедняжек, в нашем Запретном городе? Император один, наложниц у него бессчетное количество. Целая жизнь пройти может, а Сын Неба ни разу не призовет к себе, так и состарятся, зачахнут...

– Ну что ж, на сей предмет и существует Палата Важных дел³. Там за очередь следят, чтобы каждой счастье выпало, чтобы к каждой император изволил войти.

– Император изволил? Да как же он может *изволить*, когда ему надо разрешение супруги получить? Письменное, с печатью – для каждого раза...

– Ну, ради девчонки, которую мы сегодня привезли, разрешение и брать-то не стоит. Не заслуживает она того, чтобы Сын Неба изливал в ее чрево драгоценное семя драконов!⁴

Старый опытный евнух как в воду смотрел... Честолюбивая девчонка, которая нарочно постаралась попасться на глаза императорским посланцам, приехавшим в маньчжурское селение за юными красавицами, просчиталась.

Ну да, Лан Эр думала, что главное – оказаться во дворце, а уж там-то все пойдет как по маслу. И вот оказалась она во дворце... всего лишь одной из многих.

Три тысячи наложниц и три тысячи евнухов жили здесь. Рассказывали, будто спальню императора посещали десять любовниц в день. Но это были только слухи. Сянфэн был даосом и берег свое здоровье от избытка наслаждений. Все хорошо в меру. Не более одной женщины за ночь, потому что женщина не должна отнимать у мужчины силу – она должна даровать ему здоровье!

Совершенно как в мудрых старинных стихах:

Тысячу двести наложниц
Имел в гареме
Желтый император.

³ Так называлась особая контора при китайских императорских дворах, которая регистрировала и регламентировала интимную жизнь Сына Неба, государя, и его окружения.

⁴ Императоры Китая исчисляли свою родословную от божественного Дракона – священного существа китайской мифологии.

Он знал секрет
Совокупленья,
Который отдает мужчине
Жизненную силу женщины.
Желтый император
Взял жизненную силу
Всех своих наложниц.
И, обрета бессмертие,
Умчался на небеса
На желтом драконе.

У императора Сянфэна, имевшего от рождения имя Ичжу, были одна жена-императрица, одна «императорская драгоценная наложница», или хуан гуй Фей; две обычные «драгоценные наложницы» – гуй Фей; четыре обычные наложницы, называвшиеся просто Фей; шесть конкубин, или бинь, то есть сожительниц. А все остальные – бесчисленное количество «дам для услуг» разных рангов. Ранги именовались так: «драгоценные люди» – гуй жень, «постоянно находящиеся» и, наконец, «отвечающие согласием» (правда, никому и в голову не могло бы прийти, что они вдруг согласием не ответят). Последние являлись низшим рангом наложниц, и именно к этому рангу была причислена Лан Эр. Потому что не настоящая красавица – ножки-то не перебинтованы!

А вот, кстати, о ножках. Китайским девочкам начиная с пяти лет, бинтовали ноги так, что ступня не могла расти. Пальцы загибались внутрь, кости плюсны выгибались дугой, и ступня превращалась в «копытце». Причем идеальными по размеру ножки считались, когда длина основания ступни не превышала трех дюймов – примерно семи с половиной сантиметров. Ходить на таких ножках без специальной обуви было невозможно, дама так и клонилась из стороны в сторону, словно тростник под ветром, передвигаясь маленькими шажочками. Иногда красавица вовсе не могла ходить, что еще более подчеркивало ее изысканность: стало быть, ее следует носить в паланкине. Впрочем, в глазах мужчин это лишь прибавляло женщине очарования. Перебинтованные ножки назывались «Золотистые Лилии» или «Золотистые Лотосы». А занятие любовью именовалось «Прогулкой меж Золотистых Лилий».

Рассказывают, что у одного из императоров династии Тан была наложница по имени Яо Нян. Император повелел ювелирам сделать золотой лотос высотой в шесть футов. Внутри цветок был выложен нефритом и украшен драгоценными камнями. Яо Нян приказано было туго забинтовать ноги, придав им форму молодого месяца, и в таком виде танцевать внутри цветка. Говорили, что танцующая Яо Нян была столь необыкновенно легка и грациозна, что, казалось, скользила по цветку. Так, по преданию, танцевала сама Серебряная Фей, волшебная красавица, та, что научила мужчин и женщин встречаться на ложе не только ради продолжения рода, но и ради восторгов сладострастия... Восхищенный император повелел отныне бинтовать ножки всем красавицам, а в названиях их рангов появилось слово «Фей».

Конечно, император Сянфэн посещал не только хуан гуй Фей, гуй Фей или просто Фей. Он любил разнообразие и порою достаивал своим вниманием новеньких. И как-то раз увидел в списке девушек низшего ранга красивое имя – Лан Эр.

Какой же китаец не любит орхидей? Сколько стихов посвящали восхитительному цветку поэты дней минувших и поэты, ныне живущие! Ну вот хотя бы это:

Орхидею нашел и склонился над ней,
Упоенный ее красотой.
Прихотлив тот, кто создал наш мир!
Прихотлив и умом изощрен...

И вот из дворца Сына Неба в Запретный двор пришло распоряжение насчет Лан Эр. Орхидею из Маньчжурии принялись готовить к августейшей ночи. Ее хорошенько помыли, умастили благовониями, а потом, не одевая, завернули в покрывало из пуха цапли (цапля издревле считалась символом чистых намерений). Появился евнух для особых поручений (поручения эти состояли в том, чтобы приносить девушек на ложе Сына Неба). Евнух взвалил Лан Эр, завернутую в покрывало из пуха цапли, на спину и понес в спальный дворец, где осторожно опустил на императорскую постель.

Император уже возлежал на ложе. Таков был обряд – ожидать женщину в постели. Лан Эр скользнула к нему под одеяло – и замерла от страха... Так, не шевелясь, и пролежала все время, пока ею владел Сын Неба.

Все закончилось очень быстро – так быстро, что Главноуправляющий Палаты Важных дел, который вместе с евнухом, принесшим Лан Эр, ожидал окончания постельной церемонии в соседней комнате, даже не успел крикнуть: «Время пришло!»

Да, был такой обычай: если наложница задерживалась в опочивальне надолго, Главноуправляющий, заботясь о том, чтобы император не перетрутился, обязан был прокричать: «Время пришло!»

Не откликнется Сын Неба в первый раз – кричи еще. Не откликнется и теперь – кричи в третий раз. Ну а на третий раз государь просто обязан был отозваться, как бы ни был увлечен «прогулкой меж Золотистых Лилий». Иначе какой же он даос, если не в силах в любое мгновение воспротивиться наслаждению?!

Услышав отклик императора, Главноуправляющий и евнух входили. Главноуправляющий вставал на колени возле постели и спрашивал: «Оставить или нет?»

Вопрос означал, оставить ли в лоне женщины драгоценное семя государя, достойна ли она такого счастья, как понести от Сына Неба. Если ответ был отрицательным, Главноуправляющий нажимал на живот женщины так, что все «семя драконов» выливалось из нее. Если же император повелевал семя в даме оставить, то в специальный журнал заносилось, что такого-то числа государь осчастливил такую-то. То есть, если зачатие происходило, оно фиксировалось с точностью до часа (ведь жители Поднебесной ведут отсчет своего дня рождения с момента зачатия, так что все китайцы как бы на девять месяцев старше европейцев). После чего женщину снова заворачивали в пуховое покрывало, и евнух ее относил в ее обычные апартаменты.

Лан Эр не повезло – Сянфэн остался недоволен ею: недра «драгоценной яшмовой пещеры» наложницы оказались столь тесны, что первые же движения его «нефритового жезла» привели к извержению. А это примитивно, это достойно только крестьян! Девчонка не умеет длить любовь, не способна наслаждаться сама и улаждать мужчину – зачем императору такая наложница?

«Семя драконов» было из нее выдавлено, но в утешение император подарил ей крохотные жемчужные сережки – по две для каждого ушка. Лан Эр дала себе клятву носить их не снимая.

На счастье Лан Эр, древний дворцовый обычай не велел изгонять из дворца женщину, к которой хоть один раз прикоснулся император. Так тоже велось со времен Серебряной Фей: люди однажды прогнали ее от себя и были за это жестоко наказаны. Во искупление былых ошибок всех наложниц держали при дворе до смерти. Лан Эр поселили на отшибе Запретного двора, в домике, который назывался «Тень платанов», – и забыли надолго.

Наши дни, Франция

Хорошо, что гид не видел, как Алёна шарила в музыкальном ящике, а то небось решил бы, что она и сунула в его антикварные, может быть, даже средневековые недра билетик.

Да, вот такое невезение преследовало ее всю жизнь. Почему-то еще в школе, в случае какой-нибудь неприятности, учителя первым делом смотрели на Лену Володину, как наша героиня звалась во времена своего детства... А представители внутренних органов разных стран (и внешних тоже!) немедленно начинали именно писательницу-детективщицу Дмитриеву подозревать во всяких противоправных деяниях. Что-то в ней было такое... Склонность к авантюрам всяческого рода, от любовных до межгосударственных, вот что это было такое. И пронизательный взор профессионалов улавливал данную склонность мгновенно.

Но сейчас ничего противоправного она не совершила, напротив, навела порядок. Однако на воре шапка горит при любых обстоятельствах, поэтому Алёна приняла самый благонадежный вид и торопливо проскользнула в соседнюю комнату, оказавшуюся парадной спальней, и торопливо окинула взглядом группу экскурсантов. Интересно, кто из них напакостил в музыкальном ящике? Та рыжая женщина в красном платье? Или черненький молчел с черными ногтями? Стоя рядом, они напомнили ей даму и валета из карточной колоды. Красная дама, черный валет...

И Алёна, которая обожала импровизировать, мигом сложила стишок:

Красная дама, черный валет
Вместе готовят роскошный обед.
Ведь от тайги до британских морей
Нет не любящих покушать людей!

Бред, конечно, особенно последняя строка, которая звучит очень двусмысленно, ну прямо антропофагией отдает... Да и ладно, это же, как принято выражаться, не для печати. Однако сочетание слов «красная дама, черный валет» очень даже ничего. Вполне можно написать романчик с таким названием. Дама – какая-нибудь пламенная революционерка (без разницы, кто и откуда, что-то вроде француженки Теруаль де Мерикур или русской Александры Коллонтай), ну а валет, конечно, аристократишка презренный, белогвардеец... Любовь на фоне обострившихся донельзя классовых противоречий...

Хм, может быть, Алёна что-нибудь в таком роде и напишет. Вообще практически каждый встречный способен стать героем романа – книжки, в смысле.

Вот хотя бы эта пара, которая внимательно слушает гида... Она – изящная, очень красивая молоденькая женщина, не то японка, не то китайка или, что тоже вероятно, кореянка (боже, ну зачем, обладая столь обворожительной внешностью, еще и так краситься: румяна, на веках аж четыре оттенка теней, губы вызывающе алые... Хотя, кажется, могучий макияж – восточная традиция. В прошлом году Алёна в городе Ха общалась с одной криминальной китайкой⁵, которая ну просто картины косметические на своем лице рисовала!), одним словом, экзотическая красotka, а он – красивый кареглазый мужчина лет тридцати с каштановыми волосами (судя по языку, на котором он говорил со своей спутницей, итальянец). Очень яркая пара! В Западной Европе все в бóльшую моду входят браки с азиатками. Можно себе представить, сколько дам и девиц, знакомых этого привлекательного итальянца, страшно ревнуют его к залетной жар-птице и строят против нее козни!

⁵ Подробнее читайте в романе Елены Арсеньевой «Чаровница для мужа», издательство «Эксмо».

Или вон стоит очень толстая девушка с прекрасными золотыми волосами, длинными и пышными, словно у какой-нибудь Рапунцель⁶. Совершенно сказочные волосы, другого слова не подберешь! А сама страшненькая, бедняжка, – и толстая, и прыщавая, и глаза навывкате... Может быть, у нее есть очень красивая подруга. У той волосы – ну просто жуть, смотреть противно, а она мечтает сниматься в роликах, рекламирующих шампуни или еще какие-нибудь штучки для волос, и потому страшно завидует золотым локонам уродины, которая завидует ее красоте... Чем не сюжет?

Или вот невысокий, можно даже сказать, маленький, но широкоплечий, плотный и очень смуглый мужчина в «стетсоне», клетчатой рубашке и джинсах. Забавный ковбой! Со шляпой не расстался, даже когда гид вежливо намекнул, что в покоях замка принято находиться без головного убора... Впрочем, довольно угрюмый араб из группы тоже не снял свою арафатку, но никто не посмел сделать ему замечание. А дяденька в «стетсоне» вообще сделал вид, что не слышит гида, только достал из кармана сигару и сунул демонстративно в рот (правда, через минуту убрал).

Ну до чего же он смуглый, этот «ковбой»! И на кого-то похож своей смуглостью... А, вспомнила! На Сергея Бондарчука в роли Отелло. Вообще-то, Отелло венецианский мавр, но в той ленте – натуральный черный негр.

Невероятно плотный, крепкий мужчина. Похож на просмоленный дубовый бочонок для воды из старинных фильмов про моряков. Как такой бочонок называется? Ах да, анкерок. Наверное, если этого дяденьку положить на воду, он не потонет, а поплывет, словно анкерок. Очередной сюжет!

«Стоп, писательница Дмитриева, ты сейчас на отдыхе? – остановила себя Алёна. – Вот и отдыхай, не выдумывай глупостей, а просвещайся, слушай гида и смотри не на экскурсантов, а на экспонаты».

Она так и сделала.

В шато еще витал дух суровых кальвинистов Колиньи, потому что стулья кое-где были обиты ну таким простеньким ситчиком, что становилось, честное слово, стыдно за графьев, последних хозяев замка. Однако в парадной спальне все оказалось чин чинарем: огромное ложе под парчовым покрывалом, невероятных размеров зеркало чуть ли не во всю стену, как в хорошем танцзале, поставец с фарфоровыми фигурками, мраморный камин, украшенный грифонами, ну и рядышком – тот самый знаменитый клозет, скопированный с аналогичного помещения несчастной Марии-Антуанетты...

Все устремились именно к туалету, а Алёна задержалась перед зеркалом.

Наша героиня вообще любила смотреть в зеркала – и было-таки чем полюбоваться, глядя на себя, было! – а особенно в такие вот старинные. Чудилось, вот-вот выглянет из-за спины какой-нибудь призрак прошлого, задержавшийся между двумя мирами... А что, в таком шато просто обязано обитать фамильное привидение! И чертовски жаль, если его нет. Однако пока в зеркале отражалась только стройная, хоть и весьма фактурная фигура русской писательницы Дмитриевой, облаченная в легкомысленные, сползшие на бедра штаники и не менее легкомысленную маечку-размахаечку. Правда, фоном для фигуры – кудрявая голова, серые глаза, курносый нос – являлась эта кровать... Ну просто развратнейших габаритов кровать. Каким только видам сексуальной акробатики на ней невозможно не предаться... Вот только на этом сине-золотом парчовом покрывале будет, пожалуй, колко... Хотя оно вроде бы не сине-золотое, а скорее зеленое с золотистым. Или это парча так переливается, как бы меняет цвет? Стоп, а с чего вдруг кто-то из туристов вздумал на кровати посидеть... полежать...

⁶ Героиня сказки братьев Grimm. Она была заточена в башню, однако возлюбленный взбирался к ней через окошко по ее длинным волосам.

Алёна так и замерла, уставившись в зеркало, – две нагие фигуры, мужская и женская, извивались в объятиях друг друга на зеленом покрывале... Или на траве? Мелькнули раскосые глаза, искривившийся в страстной судороге пунцовый рот...

Наша героиня резко обернулась.

Роскошное ложе, покрытое золотисто-синей парчой, величаво пустовало.

Но около кровати стояла экзотическая красотка-азиатка в зеленом платье. Видимо, она и примерещилась Алёне.

С чего бы? И нет бы увиделось что приличное, ну там Гаспар Колиньи на смертном одре... Хотя одра у несчастного адмирала практически не было: одуревшие от опиума для народа католики убили его около дома в Париже, на улице Бетизи, а потом долго таскали труп по залитому кровью городу... Нет уж, лучше пусть мерещится непристойщина, чем Варфоломеевская ночь!

– Обратите внимание на камин, – проговорил в это время гид. – Он украшен фигурами грифонов с человеческими головами. В образе грифонов потомки злосчастного адмирала Колиньи изобразили королеву Екатерину Медичи, гонительницу и истребительницу гугенотов.

Вот что называется – вовремя сказано!

Алёна снова посмотрела в зеркало. Гид тоже повернул голову, и их глаза встретились. И снова писательнице показалось, что покрывало позеленело, а на нем...

Ей стало жарко. Интересно, а гид, как его там, похожий на графа, видел то же, что видела она?

Да ну, глупости. Как он мог видеть то, что создано ее больным от любовного воздержания воображением? Совершенно никак не мог!

– Кто-нибудь уже был в туалете? – прервал мысли Алёны шепот, обращенный не к ней, но такой громкий и возбужденный, что было слышно каждое слово.

Наша героиня обернулась – невдалеке стоит Рапунцель. Но что это с ней – ужасно раскраснелась, смущена донельзя...

– Там таки-ие статуэтки в шкафчике, ужас! – прошептала все так же громко толстая некрасивая девушка с золотыми волосами. – Китайские. Камасутра китайская.

– Да? Очень интересно!

Смуглый «стетсон» двинулся вперед, расстегивая чехол, висевший на плече.

– Фотографировать тут ничего нельзя, – разочарованно предупредила его маленькая женщина лет сорока с точеным, красивым, но недобрым личиком, одетая в слишком короткую, какую-то детскую, клетчатую юбку в складку. – Вон та китаянка достала камеру, но гид сразу велел убрать.

– Жалко. Ладно, я просто посмотрю, – дернул плечом «стетсон» и, оставив чехол в покое, пошагал к туалетной комнате.

Алёна двинулась за ним.

Да уж... Фигурки оказались как раз в стиле той, которая была изображена на картине с пионами. Алёна вспомнила, что хотела узнать, при чем там вообще тигр, да еще белый, но тут же опять про это забыла, поглядывая то на замечательные своей раскованностью статуэтки, то на лица туристов. Уж, казалось бы, чего только не нагляделся нынешний народ, однако все смущались, отводили глаза и снова с откровенным любопытством тарасились на изящные фигурки... Впрочем, может быть, экскурсанты восхищаются качеством работы?

– Они что, в самом деле принадлежали императрице Цыси? – недоверчиво спросила красивая китаянка. – Разве не опасно держать такую драгоценность на виду? Вряд ли замок у шкафчика столь крепок...

– Разумеется, не крепок, – улыбнулся гид. И пояснил: – Вы видите здесь копии, изготовленные лет десять назад, когда во Франции воскрес интерес к Китаю вообще и ко времени правления императрицы Цыси в частности. Граф Альбер Талле, сын графа Эдуара Первого и

отец нынешнего графа, счел, что семейные реликвии могут быть интересны посетителям шато, но все же их надо оберегать. Сама коллекция, как я уже упоминал, хранится в выставочной комнате, однако вам не удастся ее увидеть, к сожалению.

– Почему? – разочарованно протянула китайянка.

– Внезапно возникли небольшие неполадки... разбилось окно... потребовалась уборка... – с извиняющимся видом сообщил гид. – Словом, сегодня доступ туда закрыт.

– То есть экскурсия будет сокращена? – сердито воскликнула китайянка. Затем вынула билет. – Здесь написано: демонстрируется девять покоев. А мы, выходит, посмотрим только восемь?

– Вы посмотрите только семь, – уточнил гид. – Ремонтируется также переход в Башню Лиги: там неожиданно обвалился участок потолка с фресками, составляющими огромную историческую ценность. Работы на несколько дней, и сегодня La Tour de la Ligue закрыта для посещения. Желающие после экскурсии могут подойти к кассе и получить назад часть суммы, уплаченной за билет, а всех остальных – опять же после экскурсии – приглашаем проследовать в винную лавку в подвалах шато и попробовать вино «Château Tallai» урожая прошлого года. Поверьте, бокал этого вина стоит куда дороже тех нескольких евро, которые вам вернут в кассе. Одно из лучших бургундских красных вин! Так что решайте, господа, время подумать у вас еще есть. А теперь прошу вас в Большую Галерею, являющуюся одной из основных достопримечательностей шато Талле. Там вы сможете фотографировать.

Все потянулись к выходу.

Китайянка надула и без того очень пухлые напомаженные губки. Наверное, ей очень хотелось посмотреть коллекцию китайского фарфора, и никакая Grande Galery вместе с бокалом вина «Château Tallai» не могла ее утешить.

Алёна понимала экзотическую красоту. Сама она терпеть не могла красное вино и никогда его не пила.

Итальянец приобнял спутницу за плечи и осторожно поцеловал в наруганную щечку. Рапунцель тяжело вздохнула, с завистью глядя на пару.

«Так, сюжет развивается...» – подумала писательница Дмитриева, еле сдерживая улыбку. Рапунцель в этот момент обернулась и взглянула на нее подозрительно.

Пытаясь скрыть неуместную улыбку, Алёна выхватила из кармана бумажный платочек, прижала к лицу, делая вид, что сморкается, но тут лиловый прямоугольничек билета Roissy Bus, прицепившийся к платку, упал на пол – на исторический мраморный пол! Она поспешно его подхватила и наконец-то заметила за дверью мусорную корзинку. Шагнула к ней и, убедившись, что в корзинке не хранится никакого бесценного антикварного мусора, а лежит пошлая бутылка из-под пепси, собралась бросить туда билетик. И увидела на нем какую-то надпись – на обратной, незапечатанной стороне. Вгляделась...

Странная это была надпись!

Выглядела она так:

Os de V afei

Алёна повертела билетик так и сяк. Вообще, если абстрагироваться от загадочного os и забыть, что V была единственной прописной среди строчных букв, получалось, что на билетике написано следующее:

Os deVa fei

По-русски звучит как «ос деВа фей».

Дева Фей? Про сказочную Деву Фей, Серебряную Фей говорил гид. Та самая, которая научила людей предаваться любви ради удовольствия...

Да ну, не может быть.

Или может?

А что может-то?!
Но при чем тут *os*? И почему выделено *V*?
Загадочно...

Сказки дальних стран и далеких времен

Во времена, которые считались древними еще в незапамятную пору, жил в земле, что лежит среди Четырех Морей, человек по имени Чжу. Имя его означает «свеча». Верно матушка Чжу нарекла своего сына! Был он высок и строен, силен, как тигр, но сердцем добр и кроток нравом. Никто не знал целебных растений так хорошо, как Чжу. Не иначе сам бог Шэнь-нун открыл ему тайны разнотравья! На склонах Тэншань, Чжушань, Цзяньшань собирал он траву хуангунь, врачующую злые нарывы, янтао, что исцеляет опухоли, цбио, согревающую кровь... Знал Чжу и тайну носорожьей кости, умел резать из нее куайцзы – палочки для еды, которые предохраняют от ядов.

Чжу слыл великим знахарем, шел к нему и бедный, и богатый. Но иные считали слово Чжу целительней снадобий. Искал он знания в горах и долинах, мудрости спрашивал у небес, проводил дни в одиночестве, пред ликом звезд не помышлял о почестях и наградах, хвале и хуле, удаче и неудаче, о князьях и их дворах. Случались дни, когда не отвеживал Чжу даже похлебки из диких трав, в странствиях души забывая о брэнном теле... Мирно текла его жизнь, был спокоен и счастлив он тем, что имел.

Однажды в поисках трав заплутал Чжу в зарослях терновника, сумаха да дикого винограда и вышел к подножию незнакомой горы. Ее вершина лиловела сквозь дымку тумана, словно цветок. А на самом верху разглядел Чжу диковинное дерево. Его ствол как будто врезался в небесный свод! На ветвях того дерева увидел Чжу десять золотых воронов-солнц и подумал: «Уж не шелковицу ли Фусан вижу я пред собою, небесную лестницу, по которой поднимаются с земли души людей? Как бы и мне взобраться по его веткам, чтобы попасть в небесные чащи? Что за дивные травы смогу собрать я в тех лесах!»

Бросился Чжу вверх по склону. Путь ему преграждали заросли кленов, пуэрарии и повилика, глухой бамбук. Чжу оступался на камнях и срывался с утесов, но все-таки достиг вершины и начал взбираться на дерево.

Трудненько ему пришлось, ведь прочная кора Фусан отделялась от ствола, будто кожа желтой змеи. Кое-как удалось ему схватиться за нижнюю ветку, потом за другую, повыше, за третью...

Карабкается Чжу ввысь, а сам нет-нет да и оглянется. Вот уже землю застлали туманы высот, но порою раздвигал их взглядом Чжу и видел спящие синие и зеленые горы, движение темных рек. Он узнал прихотливый узор Водяного Ложа Белого Дракона, Волнуемого Бурями⁷, и едва с ветки не свалился, впервые поняв, как величава река, на берегах которой он вырос. На севере ее увидел он неведомых белых зверей, которые играли в хрустальных чертогах. На западе рассмотрел людей, которые складывали из камня города выше гор и выпускали в небо черных и желтых дымных драконов. А на востоке вдруг увидел Чжу свое родное селение, где жили юноши, не знавшие любви, женщины, которые не умели рожать детей, и девушка Ай, которую сосватали для Чжу еще в детстве, но он не хотел брать ее в жены, хотя и знал, что она мечтает служить ему с совком и метелкой... Вот Ай отставила мотыгу, выпрямилась и поглядела из-под ладони куда-то в высоту. Уж не туда ли, где был сейчас Чжу?

А он взбирался выше и выше... Волшебный Стрелок Вечер целился в жестокие пылающие солнца: день шел к исходу, девять солнц теперь тлели, подобно далеким кострам, оставляя лишь одно: ведь солнца по очереди согревают землю, чтобы не испепелить ее своим жаром.

⁷ Волнуемое Бурями Водяное Ложе Белого Дракона – древнее маньчжурское название реки Амур.

Но вот и солнца остались далеко внизу, и Чжу увидел, что с востока, окутанного теперь полуночным мраком, несутся на запад кони заката с золотыми глазами и пламенной гривой. Чжу поднялся до самых берегов Серебряной Реки!⁸

Вновь бросил он взгляд на землю – его односельчане плелись к бедным хижинам своим. «Где же бессмертные сады, в которых произрастает блаженство богов бессмертных? Я добуду его для людей!» – подумал Чжу и осмотрелся.

Мир вокруг был просторен и тих, и возникли впереди очертания дворца... Яшмовые купола и халцедоновые террасы, выложенные из жемчуга столбики и перила из резного абрикоса... Наверное, это и есть один из пяти звездных дворцов! Вот расступились белые и зеленые нефритовые стены, открыв взору небесные покои...

И увидел Чжу ложе ночи. Увидел он созвездия рук, и белые облака груди, и черную тучу возле истока ног. И сердце его бросилось вскачь, а тело уподобилось боевому коню.

Звездная дева – она была жемчужины светлее! – не то дремала в полете, не то летела сквозь сон, осеняя небосклон своею тенью.

«О, кто она, кто?! Быть может, одна из семи сестер, бессмертных фей, что за ночь могут соткать десять кусков парчи, тонкой, как облака? Или же это Хэ Сянь-чу – богиня, что сметает цветы персикового дерева подле небесных врат? Не она ли спит, утомленная заботами дневными? Или я вижу ниспосылающую снег и иней Яшмовую Деву Цинн, которая ждет, когда наступит ее черед окутать землю зимнею одеждой?»

Чжу глазами жаждал тела серебряной девы, и сердце его норовило покинуть клетку-грудь, как вдруг дева, не открывая глаз, протянула руку и, подхватив Чжу, украсила им свое лоно, как будто цветком. Но едва его жаркое тело коснулось ее облаков и звезд, как дева согрелась, словно в жилах ее забурлило вино, порозовела, точно цветок персика, вздохнула глубоко... Чжу ли стал подобен ей, она ли сделалась ему под стать, но соприкоснулись их плечи, и колени, и бедра. Чжу схватил жадными руками звезды Циминсин и Цзиньсин, что сияли на остриях ее груди, дева затрепетала... да только не удержался Чжу на скользком, серебристом, белом атласе ее живота и полетел вниз, путаясь в нитях созвездий, исцарапал кожу о ветви небесной шелковицы, помянул стенами каждый камень на склоне... В конце концов рухнул у подножия Лиловой горы – спустился с небес, как сказал бы поэт, не взнуздав облаков и не оседлав тучу!

⁸ Серебряная Река – в древней китайской астрономии так назывался Млечный Путь.

Наши дни, Франция

Гранд Галери Алёне совершенно не понравилась, потому что оказалась, на ее взгляд, какой-то глупейшей имитацией, которая вполне годилась для театральной декорации, но величие шато Талле оскорбляла. Создатели галереи затянули ее стены драпировками, на которых с великим умением изобразили мраморные статуи римских богов со всей атрибутикой. Первое впечатление было очень сильным, но уже через миг становилась ясна подделка.

Однако, поскольку все же было заявлено, что это, мол, одна из основных достопримечательностей шато Талле и здесь разрешено снимать, туристы знай щелкали затворами камер и мерцали мобильниками. Алёна тоже сделала своей «Нокией» одно или два фото, но потом убрала ее в сумку. Ну что тут особенного снимать? К тому же ей почему-то не давал покоя лиловый прямоугольничек – билетик Roissy Bus с загадочной надписью.

Алёну не очень смутило, почему странные слова были написаны на французском автобусном билетике. Что тут особенного? Какой-то турист или командированный (бывают же такие счастливики, которые в самый прекрасный город мира ездят по служебным надобностям и еще небось ворчат, что это происходит слишком часто или не ко времени!) ехал автобусом из аэропорта Шарль де Голль в Париж и должен был невесть почему эти слова немедленно записать – ну и записал на первой попавшейся бумажонке... Сама писательница Дмитриева не раз записывала поразившие ее мысли, фразы или просто яркие словечки на ресторанных салфетках, на одноразовых платках, на немислимых каких-то клочках бумаги, если под рукой не оказывалось блокнота.

Она вспомнила также историю про одного знаменитого аргентинского композитора и дирижера Эдгардо Донато, автора многих прелестных танго. А поскольку наша героиня обожала аргентинское танго и очень, очень многие ее приключения так или иначе были с ним связаны⁹, то, пожалуй, есть смысл чуточку отвлечься и поведать эту историю здесь и сейчас.

Итак, однажды Эдгардо Донато ехал по Монтевидео (надо сказать, он был родом из Уругвая, а Монтевидео, как известно, столица этой страны) на трамвае. Донато очень любил данный вид транспорта и, несмотря на то что мог бы ездить на авто, всегда предпочитал трамвай. И вот на улице Монтойя, возле дома 348, трамвай вдруг сломался – отключилось электричество.

Сгущались сумерки. Донато решил подождать, пока трамвай починят. Сумерки были любимым временем композитора. Он смотрел на окна дома 348 и думал, как красиво мерцают в стеклах остатки дневного света и вечерние тени – то, что художники называют волшебным словом чиароскуро. Донато в ту пору был влюблен в знаменитую певицу Луси Клори и сейчас вообразил, будто у них тайное свидание в одной из квартир. Он сидел и мечтал, напевая: «Монтойя, трез, кватро, очос...» (то есть Монтойя, три, четыре, восемь)... Постепенно родилась мелодия прелестного танго, которое он немедленно назвал «A Media Luz» – «В сумерках».

Прошло часа два, в трамвае не осталось ни души, кроме дремлющих водителя, кондуктора и Донато, который придумывал свое танго. Однако композитор боялся забыть мелодию, надо было ее поскорей записать. Но, как назло, в его карманах не оказалось ни клочка бумаги. Тогда он подошел к спящему кондуктору, осторожно снял с него катушку с билетами и написал на них мелодию знаменитого танго. Потом посчитал билеты, которые были исписаны нотами, достал деньги, положил в сумку кондуктора – и наконец-то сошел с трамвая.

Теперь нужны были слова для песни. Их написал приятель Донато Карлос Лензи, а первым, кто услышал новое танго, еще дома у Донато, был знаменитый певец Карлос Гардель, который часто наезжал в Монтевидео, поскольку тоже был уругвайцем по происхождению.

⁹ Читайте, например, романы Елены Арсеньевой «На все четыре стороны», «Черная жемчужина», «Чаровница для мужа», «Мужчины Мадлен», «Письмо королевы», а также рассказ «Рождественское танго», издательство «Эксмо».

– Я буду петь это танго! – воскликнул он. – Но при одном условии...

Донатو насторожился. Конечно, если Гардель споет «A Media Luz», можно считать, что танго обречено на успех. Но какое у певца условие?!

– Ты должен заменить название улицы. Пусть будет не Монтойя, а Коррьентес, – заявил Гардель. – С адресом Коррьентес, 348, для меня очень многое связано.

Друзья Гарделя знали, что по этому адресу в Буэнос-Айресе находилась квартира, куда певец приводил своих тайных возлюбленных. Это тронуло Донато, который вспомнил свою несбывшуюся любовь к Луси Клори.

Слово «Коррьентес» замечательно вписывалось в ритмику, и Донато дал согласие. С тех пор танго «A Media Luz» начинается со слов «Коррьентес, трез, кватро, очос», и оно действительно было одним из самых любимых танго Гарделя.

А ведь чудесной мелодии могло не быть на свете, не окажись под рукой у Эдгардо Донато катушки трамвайных билетов!

Вот такая история. Но вернемся теперь к нашей детективщице.

Повторяем, сам факт того, что некая фраза была написана на автобусном билетике, казался для Алёны вполне объясним. Да все, по сути, можно так или иначе объяснить! Кроме одного или, точнее, двух моментов: при чем тут Дева Фей и почему билетик понадобилось засунуть в музыкальную шкатулку? Ну что ему там делать? То бишь зачем его понадобилось туда положить?

А что, если... если это намек на знаменитую китайскую коллекцию графов Талле? Вдруг задумано ее похищение? И музыкальный ящик служит почтовым ящиком для преступников?

Хм, между прочим, не такая уж бредовая идея...

Надо сказать, что мания преследования, вернее расследования, у писательницы Алёны Дмитриевой была чисто профессиональная. Столько преступлений придумать и, можно сказать, осуществить (правда, на бумаге, но все же!), а потом и раскрыть – конечно, это не может не отразиться на психике.

Но вот интересно: предположим, подойдет она сейчас к гиду... Тот, кстати, произносит фамилию де Талле с такой небрежной элегантностью, что, очень может быть, сам принадлежит к числу ее носителей, а экскурсии водит по шато или из любви к искусству, или просто потому, что вульгарно надо деньги зарабатывать на содержание и ремонт такого огромного имения. Ведь здесь, в шато, все как у людей: и двери надо чинить, и окна разбиваются. Что же касается работающих графов, то это тоже совершенно не нонсенс. К друзьям писательницы Дмитриевой, Морису и Марине Детур (у этой русско-французской пары Алёна всегда останавливалась, приезжая в Париж, супруги брали ее с собой в загородный дом в Муляне, бургундской деревне... собственно, и сейчас Алёна приехала на экскурсию в Талле именно оттуда, ну а друзья ее остались дома, потому что не раз уже бывали в замке, находящемся в каких-то паре десятков километров от Муляна) – ну так вот, к Морису и Марине чинить всякую сантехнику приходили люди из фирмы, которую возглавляет самый настоящий граф. Мужчина, надо сказать, совершенно очаровательный – высокий, стройный, черноглазый, молодой, наверняка светский... Одним словом, граф. И притом сантехник! Он просто обожает сам, своими руками, что-нибудь чинить, его просто хлебом не корми – только дай поменять кран или прочистить трубу. И если бывает граф-сантехник, то почему бы не быть графу-гиду?

Итак, подойдет Алёна к предполагаемому графу и покажет билетик... И что?

Да ничего. Он пошлет ее на беашвэ. В смысле – на три буквы.

Что касаето «беашвэ»... Аббревиатура заслуживает небольшого лирического отступления с пояснением.

На их с Мариной (и с Морисом, посвященным в данную тайну) языке сказать «пошлют на беашвэ» значило то же, что послать на три буквы, в неприличный пеший путь. Вообще-то, BHV – огромный, очень хороший хозяйственный магазин в Париже на rue Rivoli, неподалеку от

Hôtel de Ville, в котором находится муниципалитет Парижа. В этот магазин Морис одно время – когда в доме делали ремонт – весьма часто ходил. И как ни спросишь, где Морис, Марина непременно отвечала: «Пошел в ВHV». А Лизочка никак не могла запомнить аббревиатуру и говорила: «Папа пошел в магазин, где три буквы». Постепенно выражение стало простым и сакраментальным – пошел на три буквы или пошел на беашвэ.

Ну и пошлет ее гид-граф, подумала Алёна. И, собственно, что? Зато она будет совершенно уверена, что выполнила свой долг перед Францией вообще и перед таким бесценным достоянием любимой страны, как шато Талле, в частности. Все-таки семейство Колиньи... и «Анжелика и король»... и вообще красота несусветная... Жаль, если замку будет нанесен хоть малейший ущерб.

Нет, надо все-таки мало-мальски поднять тревогу. Разумеется, в полицию или к охранникам она не пойдет, а вот поговорить с приятным и элегантным гидом, который к тому же не перестает поглядывать на нее с таким интересом, можно.

Решено!

Но, конечно, только после окончания осмотра шато. А то вдруг этот мсье примет Алёнины слова совершенно всерьез, мобилизует охрану, вызовет полицию и окончательно испортит людям и без того сокращенную экскурсию.

С другой стороны, затягивать с разговором нельзя. Если дело и правда нечисто, надо повнимательней присмотреться к туристам. Кто-то же из них положил бумажку, кто-то задумал аферу с Девой Фей, какой бы смысл ни вкладывать в это выражение...

Пока гид занят, присматриваться придется Алёне. Ну что ж, чай, не впервой!

Начало 20-х годов XX века, Россия

Алексей Максимович стоял за дверью и слушал, как Гумилев читает свои новые стихи:

И совсем не в мире мы, а где-то
На задворках мира средь теней,
Сонно перелистывает лето
Синие страницы ясных дней.
Маятник старательный и грубый,
Времени непризнанный жених,
Заговорщицам секундам рубит
Головы хорошенькие их.
Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под уздцы к нам белый серафим...

Стихи назывались «Канцона», и слово это раздражало Горького так же, как раздражало все, что исходило от Гумилева. Читал тот медленно, торжественно, явно упиваясь своим голосом, и Алексей Максимович чувствовал, что поэт гордится каждой строкой, созданной им, каждым исторгнутым звуком, что он испытывает огромное уважение к себе, создателю таких восхитительных ценностей.

Это было понятно Горькому потому, что и он сам, читая свои произведения на публике, испытывал совершенно такие же чувства. Более того! Если Гумилев читал свои стихи несколько отстраненно, не без высокомерия жреца, который презирает непосвященных, то Горький ужасно переживал о том впечатлении, которое произведет. Причем и волновался, и стыдился своего волнения. Оно как бы унижало его, как бы ставило под сомнение мастерство, силу его творчества...

Однажды, давно, когда он был уже признанным писателем и даже разжалованным почетным академиком (покойный государь император, не дав насладиться званием и новыми правами, исключил его, поскольку Горький находился под надзором полиции за антиправительственную деятельность, в связи с чем Чехов и Короленко отказались от членства в академии, ну а Горькому сие событие только надбавило популярности), он читал труппе театра Станиславского свою новую пьесу «На дне» – и аж расплакался, когда Анна умирала. Помнится, просморкавшись трубно, выговорил умиленно: «Ах, хорошо написал!» И все умилились вместе с ним: и Константин Сергеевич, и Коля Телешов, друг-приятель, и актеры, и, конечно, она, Машенька, Марья Федоровна Андреева, тогдашняя прима, будущая любовь Горького... такая горькая любовь... А какая любовь была у него не горькая? Разве с той, для кого звенит фанфарами и кимвалами голос Гумилева, не горькая?

Зачем, ну зачем Варваре этот пустозвон? И вообще, что за стихи?

И в твоей лишь сокровенной грусти,
Милая, есть огненный дурман,
Что в проклятом этом захолустьи
Точно ветер из далеких стран.
Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, – мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье

Полонил гниющий водоем.

Вот именно – гниющий водоем, а не поэзия!

Что? Гниющий водоем?

Тем временем Гумилев умолк и внутри комнаты возникла пауза. Потом восторженно затараторил Чуковский:

– Коля, Николай Степанович... Это великолепно, это...

И он аж подавился от восторга, закашлялся. Послышались хлопки тонкой, с длинными пальцами – белая кость, голубая кровь! – гумилевской ладони по костлявой, чахоточной – разночинец, интеллигенция гнилая! – чуковской спине. И легкий, словно бы затаенный смешок.

Наконец-то и она подала голос...

Ни слова одобрения, ни ахов, ни охов. Горькому в его укрытии стало чуточку легче. Гумилев таскается сюда не только ради прекрасных очей Варвары Васильевны – вбил себе в голову, что она необычайно тонко воспринимает поэзию... Вот и получи ее тонкое понимание – смешок. Да-с!

Чуковский вечно являлся вместе с Гумилевым. Корнея, как подозревал Горький, влекло вино, итальянское вино, которого – разумеется, стараниями Алексея Максимовича – у Варвары Васильевны имелся немалый запас. Разумеется, Горький не препятствовал ей принимать друзей и угощать их его вином. Однако задолго перед тем, как Чуковский с Гумилевым должны были прийти – а те повадились ходить каждое воскресенье, часам к четырем-пяти, как на вечернюю службу (не на советскую службу, понятное дело, Чуковский в своем издательстве появлялся годом-родом, а как раньше добрые люди на церковную хаживали), – Горький в предчувствии неизбежности дурно себя чувствовал. Представлял: вот они идут, идут по великолепному мертвому Петрограду... Вышли загодя, потому что дальний конец пешком предстояло одолеть. Воздух чист, как в деревне: ни верениц автомобилей, отравляющих воздух, ни дымов из труб – все теперь жили в лютном холоде, горячей пищи не готовили. Горький знал, что только в его одиннадцатикомнатной квартире на Кронверкском топились ванны – сказочная роскошь! – другой ванной не было на десять километров в окружности. Ну и ладно, каждый живет так, как он живет. В квартире у Варвары Васильевны ванной не было тоже. Ну да Гумилев ведь не за ванной сюда ходит...

Алексей Максимович глянул в щелку и увидел: Варвара Васильевна, слушая стихи, сидит на диване, зябко кутаясь в кашемировую шаль. Гумилев изредка потягивал вино и попыхивал длинной папироской, а потом продолжал читать.

А Горький думал про гниющий водоем. Опасные строки... Вообще все стихотворение опасно. Опасны слова о том, что мы живем на задворках мира, среди теней, опасна строка про головы заговорщиц, которые отрублены старательным и грубым маятником времени, опасны мечты о каком-то ветре из далеких стран, которого не хватает в «проклятом этом захолустье». Ну а уж за слова «здесь же только наше отраженье полонил гниющий водоем», услышь их какой-нибудь ретивый чекист (а те умеют все выворачивать наизнанку, даже самые невинные строки, а здесь и выворачивать ничего не нужно, все налицо и набело... вот именно, набело!), можно и к стеночке встать. Зря Гумилев уверяет, что он демонстративно аполитичен, революцию попросту не замечает, – он самый настоящий, типичный, как модно говорить теперь среди молодежи, белогвардеец.

Вдруг приступ зависти, ревности – мужской ревности, писательской зависти – сделался невыносим. Горький не выдержал и вошел в комнату.

Корней вскочил. Гумилев отставил стакан, но не поднялся на ноги. Варвара Васильевна в уголке дивана переводила глаза с любовника на поклонника. Лицо ее, очень красивое, кому-то казавшееся загадочным, кому-то простоватым, ничего не выражало, хотя в душе она так и трепетала от любопытства: что сейчас будет? Сцена? Или обойдется?

Горький ощущал, что в присутствии тонкого, надменного Гумилева сам он движется с какой-то застенчивой неуклюжестью, сутулится более обычного. Отчего разозлился и с трудом выдавил из себя:

– Отлично вы прочитали стихи... особенно последнее. Но о чем они? Да ни о чем! Метафоры ваши насквозь прозрачны. И уж очень вы на аллитерацию упираете, хотя «ж» – звук неблагозвучный. А у вас каждая строка жужжит:

Там, где всё сверканье, всё движенье,
Пенье всё, – мы там с тобой живем.
Здесь же только наше отраженье
Полонил гниющий водоем.

Гумилев изогнул одну бровь (как у них, у дворян, так получается, Горький понять не мог, сам-то он со своими мохнатыми седеющими бровищами никогда не мог сладить) и заговорил, спокойно стряхивая пепел с папироски:

– Ну да, гораздо сложнее метафоры *уж* и *сокол*. – Уголок рта его насмешливо, издевательски дрогнул. (Тоже барские штучки!) – И вообще, если бы вы понимали поэзию... – Горькому показалось, что он выговорил это слово как-то особенно высокомерно и надменно, получилось *пуэзию*. – Если бы вы понимали поэзию, то никогда не написали бы целую строку из односложных слов: «Вполз уж и лег там». Русский стих не терпит такого скопления односложных. Если сказать: «*Вполз уж и...*» – это будет дактиль. Если сказать: «*Вполз у́ж и...*» – будет амфибрахий. А если сказать: «*Вполз уж и́...*» – получится анапест¹⁰.

Горький вздохнул. Он никогда не умел отличить дактиль от амфибрахия, тем паче от анапеста. И не он один. Вон, говорят, и Евгений Онегин меж ямбов и хореев путался, а анапесты с амфибрахиями для него небось и вовсе темным лесом были. Гумилев явно желал его унижить при женщине, и Горький произнес со смирением, которое, как известно, паче гордости:

– Ну какой же я поэт!

Гумилев и Чуковский переглянулись и поднялись, стали откланиваться. Горький молча кивнул. Варвара Васильевна встрепелась было, но тоже не стала их удерживать.

Непрошенные гости ушли.

Алексей Максимович пошатался по гостиной, поглядывая на хозяйку квартиры. Варвара Васильевна смотрела на какой-то листок, лежащий на столике. Листок был кругом исписан мелким, совершенно неразборчивым почерком.

Горький взял и попытался прочесть. Не скоро, но удалось-таки разобрать строки:

Моя любовь к тебе сейчас – слоненок,
Родившийся в Берлине иль Париже
И топающий ватными ступнями
По комнатам хозяина зверинца.
Не предлагай ему французских булок,
Не предлагай ему кочней капустных,
Он может съесть лишь дольку мандарина,
Кусочек сахара или конфету.
Не плачь, о нежная, что в тесной клетке
Он сделается посмеяньем черни,
Чтоб в нос ему пускали дым сигары

¹⁰ Гумилев ведет речь о знаменитом стихотворении в прозе М. Горького «Песня о Соколе», которое считалось среди символистов весьма убогим с точки зрения архитектоники стиха.

Приказчики под хохот мидинеток.
Не думай, милая, что день настанет,
Когда, взбесившись, разорвет он цепи
И побежит по улицам и будет,
Как автобус, давить людей вопящих.
Нет, пусть тебе приснится он под утро
В парче и меди, в страусовых перьях,
Как тот, Великолепный, что когда-то
Нес к трепетному Риму Ганнибала.

– А это что такое? – изумился Горький.

Варвара Васильевна пожала плечами:

– Николай Степанович в прошлый раз оставил. Что-то из нового. Я насилу прочла. Ну и почерк у него!

– Опять Николай Степанович?! – вспыхнул Горький. – Опять гумилиятина?!

Женщина не удержалась и хихикнула:

– Гумилиятина... Ой, вы как скажете, Алёша! Теперь это к нему прилипнет. А стихи смешные, он же знает, как я люблю слонов.

И правда, Варвара Васильевна обожала картинки, фигурки, игрушки, которые изображали слонов. Жила она в квартире своего бывшего мужа, Шайкевича, с которым рассталась уже давно, однако жить-то надо было где-то в нынешнее разоренное время, и здесь еще оставались фарфоровые и костяные статуэтки, изображающие миролюбивых, разъяренных и сонных слонов. Прежняя коллекция! Но имелось и кое-что новенькое, подаренное уже Горьким. И еще сегодня он собирался вручить ей маленький презент.

Поспешил в прихожую, достал из кармана шубы бумажный сверток и шелковистый пыльный мешочек. Она, эта странная фигура, так и лежала в мешочке там, где Горький ее взял. Принес в комнату.

Варвара Васильевна сделала огромные глаза и резко покраснела.

Было от чего...

Фарфоровая фигурка изображала мужчину и женщину в совершенно срамной позе. Он лежит на спине, подогнув ноги к груди, она сидит на его бедрах, совокупившись с ним. Фигурка была сделана с той изумительной тонкостью, которой отличались поистине великие произведения древнего искусства. Явственно было видно выражение огромного наслаждения, которое испытывали эти двое. Складочки на животе женщины, острые соски, напряженные мышцы нежных ног... можно было разглядеть даже крохотный пальчик, которым женщина добирала капельки наслаждения, лаская себя между ног.

– Что это? – спросила Варвара Васильевна низким голосом, который всегда появлялся у нее в *особые* минуты. – И при чем здесь слон?

Горький кивнул с обещающим видом и развернул бумажный сверток. В нем оказалась книга без переплета, с кое-где выдранными страницами (он сегодня ее попросту спер, украл, стащил из хранилища – не смог удержаться). Перелистал, почитал и сказал, по-волжски окая:

– Поза слона, вот как это называется у них, у китайцев-то.

Варвара Васильевна вскинула на него глаза, ткнула недокуренную папиросу в пепельницу и порывисто вскочила.

Горький улыбнулся в усы.

Он своего добился. «Гумилиятина» была забыта. Надо думать, надолго!

Обнимая Варвару Васильевну, он вдруг подумал, что первое стихотворение белогвардейца было, пожалуй, не только про политику, но и отчасти *про это*. Как у него там...

Так пыльна здесь каждая дорога,
Каждый куст так хочет быть сухим,
Что не приведет единорога
Под узды к нам белый серафим...

Единорог, вот именно! Поза единорога. Совершенно точно, в книжке про такую тоже есть. И про тигров есть, да еще летающих.

Эх, жаль, Гумилев не написал про летающих тигров, очень бы кстати пришлось...

Наши дни, Франция

– О, бедный музыкальный ящик! – засмеялся гид. – Честно говоря, я заметил, как вы открываете его крышку, и решил, что вы тоже не удержались от искушения сунуть туда автобусный билет или обертку от конфеты. Когда вечером, после окончания экскурсий, начинается уборка, из этого ящика достают множество мусора. Причем особенно стараются именно русские.

Показалось Алёне или мужчина посмотрел на нее с таким намеком? Кстати, откуда бы ему знать, к примеру, что она русская? Да, говорит Алёна по-французски с акцентом, конечно, однако поди знай, с каким именно! Или... или он угадал потому, что...

Не очень скромно, конечно, но невольно вспоминается один случай на милонге в Париже... На любимой Алёниной милонге в «Retro Dancing» подошел к ней один молодой человек и пригласил танцевать – но пригласил по-русски. Оказалось, он некогда был влюблен в русскую девушку и изучал язык.

– А откуда вы узнали, что я русская? Вам кто-нибудь сказал? – спросила у него Алёна.

– Нет, никто не сказал, но вы... – Молодой человек понизил голос: – Вы очень красивая. Сразу видно, что русская!

Здорово, правда?

Кстати, иногда и Алёна узнавала за границей соотечественников по особенной красоте. Может, и гид оценил ее внешность? Не хочется, конечно, быть нескромной, но, видимо, придется...

– Почему я знаю, что забавляются таким образом в основном русские? – проговорил в ту минуту гид. – Вы когда-нибудь видели в наших магазинах конфеты в бумажках? Никогда. Они могут быть в коробках, в особых упаковках, но в бумажках... Разве что в прозрачных обертках. А раскрашенные бумажки с непрочитаемыми надписями, на которых нарисованы почему-то в основном медведи – то белый среди льдов и снегов, то медвежата, которые возятся около упавшего дерева, – русские реалии. Почему русские туристы считают, что нет лучше мусорного ящика, чем музыкальный, я не понимаю, но факт остается фактом. Находим мы и билеты – то парижского метро и RER, то автобусов «Air France» или «Roissy Bus», так что ничего удивительного. Иногда на них что-нибудь написано, например номера телефонов. Шеф охраны шато Талле половину этого мусора коллекционирует. Его дочь, вообще-то, ксерофилка¹¹, так что русские бумажки для нее настоящий клад. Моя дочь когда-то тоже собирала обертки от маленьких фирменных шоколадок – конечно, давно, когда была совсем ребенком. Хотя, может, и до сих пор собирает, но...

Он умолк.

Почудилось Алёне или в голосе мужчины прозвенела нотка горечи? Возможно, он разошелся с женой и давно не видел семьи?

Ну что ж, у каждого свой скелет в шкафу, в том числе и у гида замка Талле, а может, даже и графа.

Алёна вспомнила свое «босоное детство». Разумеется, и она прошла через безумное увлечение собиранием фантиков, тем паче что конфеты, хорошие конфеты, были в ту пору в чудовищном дефиците (как и все остальное – духи, мыло, одежда, книги, колбаса), но не знала, что это по-научному называется ксерофилия. Впрочем, наверняка французы знать не знают такого слова, как фантики. Так что один – один.

– Значит, вы считаете, что ничего особенного в этом билете нет? – спросила писательница Дмитриева.

¹¹ Ксерофилия – увлечение сбором оберток от шоколада.

– Считаю, что нет, – кивнул гид. – Надпись довольно невразумительна, мне кажется, это случайное совпадение букв с именем Серебряной Фей.

– Но дева, дева! – воскликнула Алёна.

И осеклась. Балда она, конечно. Это для русского восприятия *deva* – дева, а во-французском языке и слова-то такого нет.

Конечно, может быть, надпись на латинице сделал кто-то из русских, но... зачем? Почему? Неужто Алёна вляпалась в очередные разборки с очередной русской мафией?

А может, ей и в самом деле мерещится то, чего нет? Так очень часто бывало, между прочим...

– Если вы решили, что кто-то покушается на китайскую коллекцию замка, – продолжал гид, – то спешу вас предупредить: ценность статуэток совершенно условная, они сделаны из фарфора довольно низкого качества, поскольку являются копиями с подлинников, которые по-прежнему хранятся в Пекине, в музее. Наши же фигурки, я имею в виду собственно коллекцию, созданы, за исключением одной, в начале двадцатого века придворным мастером Цыси. Строго говоря, ценность их именно в том и состоит, что мы знаем: статуэтки – подарок императрицы графу Эдуару Талле. Если же этого не знать... В любом случае ни на каком аукционе всерьез к таким безделушкам не отнесутся. Ну а документа об их происхождении мы, конечно, никому не выдаем. Так что, повторяю, нет поводов для беспокойства. – Мужчина успокаивающе кивнул Алёне, словно не сомневаясь: больше вопросов у нее нет. – Кстати, вы как решили: попросите вернуть деньги в кассе или пойдете выпьете вина? Очень рекомендую последнее. Великолепное бургундское.

– Извините, я не пью красного вина, – отрезала Алёна, прекрасно понимая, что падает ниже низшего предела в глазах этого гида (а может, даже и графа), да и вообще в глазах любого француза. Ведь они-то все готовы пить красное с утра до вечера, а Алёна не может, совершенно не может его пить. Бывает же такое: кто-то на дух водку не переносит, а писательница Дмитриева – красное вино.

– Честно говоря, я тоже его недолюбиваю, – усмехнулся тот, очень возможно, граф, но наверняка гид. – Однако меня в родной стране подвергнут остракизму, если я в этом признаюсь. Поэтому в компаниях я говорю, что вовсе не пью – по состоянию здоровья, а вечером, дома, открываю бутылку белого шабли. Белого или розового. Кстати, здесь неподалеку, километрах в двадцати, есть городок, который называется Троншуа, и там некий мсье Гийом Моро продает в базарные дни вино из своих погребов – красное, розовое и белое. Так вот розовое – одно из лучших ординарных шабли, которые я пробовал.

– Я не настолько люблю вино, чтобы ехать за ним в другой город, – заметила Алёна сдержанно. – К тому же у меня нет машины, я здесь в гостях у друзей.

– А где вы гостите, в Тоннере? – спросил гид с вежливым интересом.

– Нет, они в Нуайере живут, – соврала Алёна, черт знает почему.

Нет, а правда, почему? Почему не сказала правду: в Муляне? Почему назвала Нуайер, который всего в шести километрах от Муляна, а не согласилась на Тоннер, который все же в семнадцати? Почему не сослалась на какой-нибудь Оксер или Монбар – те еще дальше?

Впрочем, что за глупости? Какое имеет значение, где живут или отдыхают ее друзья и она вместе с ними?

– А вообще вы откуда приехали? – спросил гид.

– Из Парижа, – не стала скрывать Алёна.

В самом деле, в Мулян писательница приехала именно из Парижа. А ежели гид хотел узнать, из какого она русского города, то ему надо задавать новый вопрос... Задаст или нет? И если да, что она ответит?

Он ничего не спросил, и Алёна нахмурилась.

– Ну что ж, – сказала холодно, – если вы считаете, что записка ничего не значит, тогда я ее выброшу, как только увижу ближайшую мусорную корзинку. А на будущее советую вам побольше этих самых корзинок расставить по шато. Тогда не придется всякую ерунду из музыкального ящика вытаскивать.

– Мой карман вполне может такой корзинкой послужить, – предложил гид, протягивая руку. Но Алёна уже сунула билет в карман, обронив:

– Да ладно, где-нибудь потом выброшу. Большое спасибо за экскурсию. Всего наилучшего.

И быстро пошла прочь.

– И вам всего доброго, мадам, – пробормотал гид несколько озадаченно. С чего вдруг мадам стремглав ринулась от него подальше? Чем он ее обидел?

На самом деле – ничем. Просто у нее внезапно расстегнулись брюки.

Ну да, вообразите, сидели-сидели себе на бедрах очень плотно, в обтяг, – и вдруг начали сползать. Шансов на то, что по причине внезапного похудения нашей героини на пару-тройку килограммов, не было никаких. А жаль! Значит, отвалилась пуговица. То-то Алёне утром показалось, что она как-то хлипко держится... В таких случаях надо сразу хвататься за нитку с иглой, но ведь лень раньше некоторых родилась. К тому же Алёна торопилась – Морис спешил отвезти семью в Тоннер в бассейн. Из Тоннера в Талле шел автобус. Вся Алёнина поездка должна была занять два часа. Когда Алёна вернется, семейство ее друзей уже вволю накупается, и они все вместе где-нибудь в Тоннере пообедают, а затем поедут домой, в Мулян. Отличная программа.

Вообще даже хорошо, что гид так наплевательски отнесся к истории с билетиком, подумала Алёна. Если бы началось какое-то разбирательство, она бы точно опоздала на автобус – и чудесная программа могла бы сорваться. Правда, получается, она зря присматривалась и прислушивалась ко всем экскурсантам так внимательно, что теперь вполне могла бы составить словесный портрет каждого, вместо того чтобы любоваться замком. Кстати, очень возможно, билетик положил турист вовсе из другой группы, так что Алёна вдвойне зря старалась.

Так, хватит размышлять о всякой бессмыслице, нужно срочно застегнуть штаны булавкой. Как женщина опытная и довольно часто оказывающаяся в подобном положении из-за лени и рассеянности, Алёна всегда носила с собой булавочку, а то и две, постоянно подумывая и о том, чтобы завести привычку носить еще и так называемый набор туриста, с нитками и иглами (а что, можно прямо сегодня и купить в Тоннере). Но как ни была раскованна и рискована наша героиня, все же вот так взять, задрать длинную майку и начать демонстрировать всем свою неряшливость она не могла. Требовалось найти укромный уголок.

Алёна окинула взглядом двор шато, заодно проверяя, не следит ли за ней гид, а может, и граф. С облегчением вздохнула: тот как раз входил в дом. И продолжила осматриваться. Здесь, перед главными воротами, никаких таких закоулков нет, кругом народ, а вон там, если перейти подъездную дорогу, видны какие-то низкие строения вроде конюшен или сараев. Самое то!

Она ринулась вперед, посвистев на прощание графским собакам, лениво дремавшим перед крыльцом. Выглядели те, прямо скажем, довольно непрезентабельно – дворняжки какие-то, а не их сиятельства. Однако небольшие каменные львы у террасы смотрели грозно, как и подобает графским львам.

Часы над входом как остановились на без четверти пять какого-то там века, так и стояли.

Красота, какая красота... Каждый камень прекрасен, каждый платановый лист, чьи тени дрожат на стенах... Хорошо бы еще вернуться сюда, ну хоть еще разик приехать бы! Не бросить ли через парапет монетку в пруд?

«Ага, пока ты будешь шарить в кармане, штаны точно свалятся!» – одернула себя Алёна.

Придерживая их рукой через майку, отчего имела вид человека, которого внезапно схватила колика, она засемила к конюшне. По пути сообразила, что из-за такой походки напоми-

нает также человека, которому срочно, архисрочно понадобилось сделать небольшое и деликатное пи-пи. А может, и не небольшое и не деликатное...

Ой, а вдруг кто-нибудь обратит внимание на то, как она идет и куда идет? И подумает, что экскурсантка решила превратить графскую конюшню в туалет? Не плюнуть ли на приличия и не начать ли застегиваться прямо на улице?

А, ладно! Каждый понимает вещи согласно своей испорченности, Алёна-то знает, что совесть ее чиста.

Она влетела в низенькую дверь, мельком глянула вокруг и убедилась, что и в самом деле попала в конюшню. Да какую чистенькую, уютную! Только холодно здесь. Бедные лошади, наверное, мерзнут в этих каменных денниках... Или животные не мерзнут так, как люди? Теперь-то точно не мерзнут – хотя бы потому, что их здесь нет, только лежит сено в очень аккуратных тюках (один на другом до потолка) да висят седла и прочая верховая сбруя на крюках. Алёна отстегнула заветную булавку с внутренней стороны кармана и принялась торопливо прилаживать ее на брюках. Бог весть почему, руки так дрожали, словно она, по старинному присловью, кур воровала. И возилась с минутным делом наша героиня как-то очень долго, причем ей все время чудилось, что кто-то сейчас заглянет в дверь и спросит, как в том замечательном детском фильме давно ушедших времен: «А что это вы здесь делаете?» Или, сообщаясь с местоположением: «Et que faites-vous cela ici?» Никто не заглядывал. Но Алёне все равно казалось, что кто-то смотрит, смотрит на нее...

Булавка гнулась – оказалась маловата и тонковата для поддержки штанов. Алёна дважды уколола палец и дважды шепотом употребила инвективную лексику, нарушая одно из своих строжайших табу... Еще и сумка соскользнула с плеча, задела ремешком по руке – вот подлость! – булавка упала на пол, усыпанный сенной трухой, и немедленно сгнула с глаз. Искать булавку в сене – наверное, все равно что искать в нем иголку. На счастье, у нашей запасливой героини лежала еще пара булабочек в сумке. Они оказались побольше и покрепче.

Наконец дело было сделано. Алёна подергалась так и этак, опустила на корточки, чтобы проверить, не расстегнется ли булавка, когда в автобусе сядешь, – и тут боковым зрением отметила что-то коричневое... что-то, высывающееся из-за сложенных один на другой тюков с сеном...

Башмак! Нога в мокасине! Больше ничего не было видно, только эта нога в коричневом мокасине. Кажется, какой-то человек, устроившись поудобней на одном из тюков, сейчас наблюдал за писательницей Дмитриевой, проковыряв в сене дырку! Алёне даже почудился в щелке между тюками внимательный глаз! Хотя ерунда, конечно, ничего такого она видеть не могла.

Надо ли говорить, что наша героиня вылетела из конюшни с такой скоростью, будто там вспыхнул пожар и Алёна торопилась набрать номер 01... нет, номер 17, по которому вызывают во Франции пожарных, называемых здесь сапер-помпье?

Во дворе она снова огляделась. Вокруг было пусто, гида не видно, никто за ней не наблюдал. Ну, кроме того типа в коричневом ботинке, который остался в конюшне.

Извращенец несчастный! Он, наверное, нарочно там устроился, чтобы подглядывать за дамами, которые могут забежать в конюшню, чтобы украдкой сделать маленькое и деликатное пи-пи или кое-что иное. И решил, что Алёна зашла туда именно за этим! Но какой смысл пакостить в благородной конюшне, если вон, за воротами шато, стоит сакраментальное здание с сакраментальными же фигурками?

Хотя, видимо, всякое случается. Возможно, были прецеденты, потому извращенец и устроился в укромном уголке. Интересно, он из персонала замка или турист? Да ладно, какая разница! Ничего компрометирующего Алёна все равно не делала, так что можно спокойно ехать домой.

Так она и поступила. Только спокойно не получилось – неприятный эпизод почему-то заслонил все эмоции, испытанные в Талле: и восторги, и волнения, и... Просто все!

Бывают же такие чувствительные натуры...

Ну и дуры!

Вторая половина XIX века, Китай

Император забыл о Лан Эр. Однако та не забыла своей неудачи, своего позора. Другая зачала бы от тоски – а вот цепкая, упрямая, как маньчжурская сосенка, Лан Эр решила... расцвести.

Каждой императорской наложнице в год полагалось 150 лянов в год¹² – на украшения и маленькие – совсем маленькие! – удовольствия. Но маленькие удовольствия были Лан Эр совершенно ни к чему. Ей требовалось кое-что побольше! На всякую ерунду Лан Эр драгоценные ляны тратить не стала, подкупила младшего евнуха Ши Цина, который был пристрастен к опиуму и которому, конечно, никогда не хватало денег на тайные посещения опиекурильни (за это можно живо распротиться с головой, однако Ши Цин готов был на все ради нескольких затяжек «волшебной трубкой»!), и тот несколько раз украдкой выводил Лан Эр из дворца. Путь ее лежал в квартал «чанцзя», квартал «домов певичек» – к тому дому, где обитала самая знаменитая городская проститутка Сун по прозвищу Слива Мэйхуа. Ходили слухи, что нет в столице никого искусенней, чем она, в искусстве любви. Многие аристократы просаживали целые состояния, только бы добиться ее благосклонности и изведать в ее объятиях неземное блаженство. Ведь она исчисляла свой род прямым от немногих потомков Серебряной Фей! Госпожа Мэйхуа могла бы стать очень богатой, однако на севере, на берегах реки Мангун¹³, у нее было множество родственников, совершеннейших бедняков, которым Мэйхуа и отсылала почти все деньги.

Узнав про это, Лан Эр только губы презрительно скривила. Какая глупость! Она так даже и не вспоминала ни отца, никого иного из родных, а чтобы деньги на них тратить... Нет, право, доброта – самое невыгодное свойство характера!

А между тем именно из доброты – не такие уж большие деньги платила Лан Эр – госпожа Мэйхуа взяла ее в ученицы. Она просто пожалела свою землячку – ведь они обе были маньчжурками, затерявшимися в далеком и таком огромном городе. Из сочувствия госпожа Мэйхуа начала учить Лан Эр самым изощренным тонкостям своего ремесла, читая при этом старинные любовные стихи, которых знала великое множество:

Янь —
Мужчина,
Белый Тигр.
Он свинец,
Он огонь,
Это запад.
Инь —
Женщина,
Желтый Дракон,
Она киноварь,
Она вода,
Это восток.
Когда они сливаются,
Ртуть рождается —
Вечное начало всему.

¹² Около 400 долларов по современным меркам.

¹³ Одно из маньчжурских названий реки Амур.

Слива Мэйхуа была заботливой учительницей. Кроме того, ей все-таки льстило, что императорская наложница приходит к ней брать уроки... Сливе Мэйхуа казалось, что так император становится ближе к ней. Она думала: «Я вложу в Лан Эр свою душу и свою способность усладить мужчину. Сын Неба возьмет ее, но на самом деле он возьмет меня! Я, Сун, по прозвищу Слива Мэйхуа, приму семя драконов!»

Ну что ж, бедняжка Сун была слегка не в себе. Она слишком много думала о том, что ведет свой род от самой Серебряной Фей. Однако ее фантазии были вполне безобидны, а ремесло свое она знала очень хорошо.

Иногда Сун открывала заветный шкафчик и, приложив палец к губам, доставала оттуда шкатулку, обитую изумрудным шелком. В шкатулке, каждая в отдельном мешочке – они были разных цветов, и Мэйхуа знала наизусть, что в котором лежит, – хранились драгоценные статуэтки. Сун, которая, как известно, была не совсем в своем уме, говорила, что они достались ей через много поколений, но в незапамятные времена их вылепили с самой Серебряной Фей. Конечно, Лан Эр была не так глупа, чтобы в это верить. Тысяча лет статуэткам, что ли? Фигурки выглядели как новенькие!

Смотреть на них было очень интересно. Все они изображали мужчину и женщину в позах сладострастия, и Слива Мэйхуа подробно рассказывала Лан Эр, что в такой-то позе чувствует мужчина, а что – женщина, как соприкасаются «яшмовая пещера» и «нефритовый жезл», что может сделать женщина, дабы усилить страсть, продлить или ускорить соитие.

Сун обожала статуэтки и уверяла, что обязана им удачей своей жизни. Это были ее талисманы, божества, верные друзья... Доставая их из мешочков, она целовала сначала мужчину, а потом и женщину в голову и ласково здоровалась с ними, прижимая к груди. Женщину звали Фей, мужчину – Чжу, и Слива Мэйхуа часто рассказывала их историю Лан Эр, хотя та и без того знала ее наизусть: ведь в Маньчжурии все знают сказку о Серебряной Фей. И только одну статуэтку госпожа Сун никогда не целовала. Ту, что хранилась в белом мешочке и называлась «Летящий белый тигр».

Как-то раз Лан Эр спросила свою наставницу, почему эта статуэтка не пользуется ее любовью.

– О нет, – покачала головой Слива Мэйхуа, – я люблю ее. Просто... просто я прижму ее к груди в тот миг, когда задумаю проститься с миром живых. Я не собираюсь дожить до того времени, когда превращусь в сморщенную уродину или меня окончательно истерзают болезни. Пока-то я преодолеваю их, но лишь только мне надоест терпеть боль, сама поднимусь в небеса. И две эти фигурки будут моими провожатыми.

Госпожа Мэйхуа таинственно замолкла, убрала статуэтку в белый мешочек и больше, сколько ни допытывалась Лан Эр, не отвечала на вопросы.

Сун не оставляла без внимания ни одной мелочи в обучении своей землячки – начиная с того, как правильно одеться, а потом раздеться, чтобы возбудить мужчину:

Красавица на ложе
Раскинулась игриво.
Вокруг нее цветы, цветы стоят кругом.
Постель благоухает благовониями,
Курильница бронзовая источает ароматы,
От которых кружится и туманится голова.
Красавица снимает верхнее платье,
Потом настает черед тонкой рубашки.
И вот ее тело обнажено, ее дивное белое тело!
Оно прекрасно, ах, как оно нежно и прекрасно!
И кожа ароматней всех цветов, и губы приоткрыты.

И яшмовая пещера ее увлажнена желанием
Дарить наслаждение и наслаждаться,
А значит,
Готова принять нефритовый жезл...

Конечно, часто бегать на уроки Лан Эр не могла, но Слива Мэйхуа считала ее весьма способной и прилежной ученицей. И вскоре сказала, что Лан Эр вполне готова взять свое от жизни. Ведь, кроме искусства любви, Лан Эр стала сведуща в пении и танцах, выучила наизусть множество стихов, постигла секреты ухода за лицом и телом. Как-то невзначай выяснилось, что она прекрасно рисует. Лан Эр взяла да изрисовала стены своего домика орхидеями. А еще на клумбах близ своего домика, «Тени платанов», она посадила четыре сорта орхидей, чтобы цвели в любое время года.

И вот она пошла проститься со своей наставницей. В подарок ей Лан Эр взяла ветку прекрасной белой орхидеи.

В доме госпожи Мэйхуа было полутемно. С трудом Лан Эр разглядела хозяйку, которая лежала на постели. Она была облачена в свой любимый наряд, в котором сочетались четыре цвета: белый – цветущей сливы, желтый – мелкой ароматной сливы, которая растет в Маньчжурии, темно-красный – как слива в период созревания, и почти черный – цвет переспелой сливы. Лан Эр восхитилась вкусом госпожи Мэйхуа. Но только собралась выразить свой восторг, как увидела, что ее учительница мертва.

Да-да, она лежала бездыханна, и смерть уже коснулась рукой ее лица, оставив на нем темные тени.

Левая рука Сун лежала на груди, в вырезе платья, и что-то крепко сжимала. Лан Эр посмотрела – и узнала статуэтку под названием «Летающий белый тигр»! Она уютно устроилась на мертвой груди, которая еще недавно была такой горячей, а потом похолодела.

Пальцы другой руки госпожи Мэйхуа держали белый мешочек. Лан Эр сразу узнала его – в нем еще недавно лежала эта статуэтка.

Дрожа от страха, Лан Эр вынула мешочек из мертвой руки, а затем, взяв двумя пальчиками статуэтку, спрятала ее туда. Потом еще постояла, глядя в застывшее лицо госпожи Мэйхуа, молча спрашивая – и словно бы читая ответ в неподвижных, слегка искаженных мучительной судорогой чертах...

Потом она вознесла молитвы своим предкам, моля их о покровительстве, поручила себя также и заботам Серебряной Фей – и подошла к шкафчику, где хранилась заветная шкатулка.

Та была на месте. Недолго думая, Лан Эр вложила туда белый мешочек, снова заперла шкатулку, спрятала ее под полкой и поспешно вышла из домика.

Опустив голову, возвращалась она во дворец, но ошибся бы тот, кто решил бы, что Лан Эр плачет. Лицо ее было нахмуренным и сосредоточенным. Она пыталась осмыслить случившееся... и молила всех богов, чтобы догадка, которая открылась ей, была верна... еще думала, что после смерти госпожа Мэйхуа принесла ей ничуть не меньше пользы, чем при жизни...

Наши дни, Франция

Вот так всегда – стоит заикнуться на какой-то неприятной мысли, как все начинает идти вразнос. Как будто приоткрывается некая щель в мироздании – и все гадости, которые там скопились, но до поры до времени как-то стеснялись усложнять твою и без того сложную жизнь, кидаются в нее толпой... Конечно, всем неприятностям проскользнуть не удастся, но зато успевают пара-тройка самых ретивых – и самых омерзительных.

Такой пакости да еще дважды подряд Алёна от судьбы и от любимого Муляна никак не ожидала!

Все началось утром, когда наша героиня отправилась на обычную пробежку по окрестностям. День был пасмурный, небо нависало низко, в тучах копился дождь. В подобную погоду Алёна любила бегать не по увалам и лощинам – там становилось жутковато. А уж когда ветер вдруг начинал перебирать желуди на дубовых ветвях или со свистом вырываться из-за поворота, оживали воспоминания о призраке велосипедиста, и, несмотря на то что эта история кончилась относительно благополучно¹⁴, по спине Алёны начинали бегать мурашки, так что все удовольствие от прогулки было смазано.

Слишком часто попадала писательница в Муляне во всякие немислимые переделки, отчего тот вполне заслужил от нее прозвище «криминальной деревни». И все же она любила, отчаянно любила эту бургундскую деревушку и всегда была рада случаю снова оказаться там.

Все окрестные дороги были ею избеганы и хорошо знакомы, и сегодня Алёна из-за нервозности, связанной с пасмурной погодой, отправилась вдоль железнодорожного полотна, которое проходило километрах в трех от Муляна. Цивилизация рядом, никаких страхов-ужасов, ни один призрак не выдержит такого соседства! Вдоль узкой асфальтовой полосы с интервалом в четверть часа проносились скоростные поезда, похожие на серых двуглавых, обоюдоострых змей, издававших при движении пронзительный шип. Плетви ежевики там и сям выползали на дорогу, словно змеи. У Алёны каждый раз невольно падало сердце при виде их. А еще ей попала на дороге змея – длинная и серая, как веревка. И прыжок нашей героини через нее вполне мог быть занесен в Книгу рекордов Гиннеса. Хотя не исключено, что там в самом деле валялась именно веревка, но так Алёна решила по здравом размышлении и довольно далеко от того места. Разумеется, она не стала возвращаться, чтобы проверить.

Странно, с чего вдруг сплошные змеиные ассоциации ей в голову лезут? Буйное воображение заставило Алёну более пристально всматриваться в обочины.

Роцца, мимо которой она бежала, закончилась. Чуть поодаль лежал заброшенный карьер, отделенный от дороги какими-то просто глобальными зарослями ежевики. Ягода сейчас, в середине августа, в самой поре, отчего кусты казались более черными, чем зелеными.

Переспелая ежевика – это вкусно. Сейчас ею все уже порядком наелись, однако Алёна вместе с Лизочкой и Танечкой, дочками ее друзей, Мориса и Марины Детур, все равно каждый день надевали длинные толстые перчатки – а как иначе с ежевикой-то обходиться? – и обшаривали небольшие заросли в огромном саду возле мулянского дома. Как правило, ягоду съедали сразу (с сахаром и молоком или без сахара, но с мороженым – чудесный десерт!), ну а если удавалось набрать и в окрестностях, она шла на пироги из овсяной муки, которые виртуозно пекла Алёна. Не сказать что наша героиня так уж любила готовить, но в Муляне на нее снисходило некое кулинарное вдохновение, как говорил Морис..

Здесь можно было бы набрать ежевики ведро, причем даже не углубляясь в заросли – с крайних, удобных веток. Останавливало Алёну лишь то, что перчаток и ведра у нее при себе не имелось. Хотя ведь тут всего в полусотне метров железнодорожное полотно... Вряд ли ягоды

¹⁴ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Ведьма из яблоневого сада», издательство «Эксмо».

экологически чистые. А вот сзади, метрах в двадцати, в лесу со стороны карьера, наверняка почище. Может, уговорить Мориса приехать сюда на машине, прихватив ведро? Без проблем удалось бы набрать на немалое количество джема...

Алёна решила посмотреть, есть ли там вообще ягода-то. Может, не одна она такая умная и шустрые бургундцы-муляны уже освоили эту плантацию? А то приедут с Морисом к разбитому корыту...

Наша героиня ступила на обочину и начала обходить кусты. Запах стоял сладкий-сладкий, вкусный-вкусный! Шмели носились над кустами, потому что на верхних, выше человеческого роста, ветках еще белели мелкие ароматные цветы. Ежевика разом и цвела, и переспевала – чудеса! Не удержавшись, Алёна шагнула ближе, сорвала ягоду, но неосторожно переступила – и зацепилась краем шортов за выступающую плеть. Та мигом вцепилась в джинсу, как голодный зверек. Алёна начала ее отцеплять, укололась, выпустила из руки ветку – и плеть с размаху хлестнула ее по голым ногам. Любительница вкусенького отпрянула, взвизгнув. Сзади откуда ни возьмись вывалилась еще одна ветвь и тоже хлестко прошла по ногам. Алёна пошатнулась – и навалилась на куст плечом. Несколько колючих лап мигом вцепились в майку, в голые руки...

Держидерево, ну самое настоящее держидерево! Ветви цепляются с такой жадностью, как будто изголодались по человечине!

Воображением писательница Дмитриева отличалась крайне буйным, иначе и не была бы писательницей. И панике склонна была поддаваться. Вот и сейчас, едва родился жуткий образ, она рванулась из объятий плотоядной ежевики – и одним прыжком выскочила на дорогу, даже не почувствовав боли, зато как ожгло болью через минуту! А при взгляде на собственные руки и ноги, покрытые извилистыми кровотокающими царапинами, ей стало просто худо.

Ну и ну... Жаркое лето на дворе, а тут такая картина... И даже не маслом, а кровью!

Ничего, крем «Спасатель», привезенный из России – с любовью, само собой, а как иначе?! – поможет. В два, максимум в три дня все заживет. На ней все с детства заживало как на собаке, по расхожему выражению. И вообще, дело могло быть хуже, если бы ветка вцепилась в лицо, философски рассудила Алёна.

Интересно, какой бес нарисовался в то мгновение за ее левым плечом и подслушал эту мысль?! Причем ведь, мелкий пакостник, подслушал – и не сразу начертобесил, а затаился. И сидел где-то в своем чертовом пекле, или где они там, бесы, сидят в свободное от работы время, и вынашивал планы, и строил козни, и предвкушал наслаждение, которое приберег на вечер...

День прошел более или менее нормально, причем было не так чтобы смертельно жарко, полупрозрачная блуза из марлевки с длинными рукавами и легкие льняные брюки очень хорошо скрывали повреждения, нанесенные лилейному Алёнину телу, обмазанному спасительным русским кремом.

– Слушай, а мы хотели тебя попросить завтра поехать с нами в Тоннер, в бассейн, – грустно сказала за ужином Марина, узнав о ранах приятельницы. – У Мориса урок поло, у нас с Лизочкой – плавание с тренерами, а Таня одна остается, за ней нужно присмотреть. Вот прямо, как назло, все наши уроки в одно время сошлись...

– Ничего, я поеду. Подумаешь, царапины! – героически сказала Алёна. – Залезем с Таником в лягушатник, никто их под водой и не разглядит.

На сей оптимистической ноте закончили ужин и пошли наверх – ванная помещалась на втором этаже, – купать девчонок перед сном. Этот веселый и шумный процесс уже почти закончился, когда Марина спохватилась, что забыла взять пижамы дочерей.

– Я схожу, – предложила Алёна.

– Они в спальне на Лизкиной кровати, – пояснила Марина.

Алёна вышла из ванной и включила свет на лестнице. На дворе еще было светло – всего девять вечера, – но ставни уже затворили на ночь, так что вокруг царил почти полная тьма. Ну

некого, совершенно некого, кроме нашей героини, спрашивать, почему она не включила свет и в спальне, а пошла к Лизочкиной кровати наугад. И врезалась – другого слова не подберешь! – лицом в распахнутую дверцу шкафа.

Ее никогда и никто не оставлял открытой, наверняка тут не обошлось без происков нечистой силы, и именно ее помянула Алёна полным набором всех инвективных и неформальных выражений, которые ей были известны. А поскольку она была все же писательницей, мастером слова, не побоимся этого слова, то знала их немало, так что перечисление заняло изрядное количество времени, Марина даже крикнула нетерпеливо:

– Алёна, ну где там пижамы?!

– Иду, – проскрипела Алёна и вошла в ванную.

Марина и обернутая в полотенце Лизочка остолбенели и онемели.

– А ты не видела принцессу? – кричала Танечка, все еще сидевшая в ванне спиной к Алёне.

Никто из взрослых не знал, что там была за принцесса и почему Лиза должна была ее видеть, но девчонки беспрестанно про нее болтали, неистово хохоча, и по условиям игры отвечать почему-то следовало: «Какой ужас!»

– Какой ужас, – сказала Лизочка тихо, но сейчас ее слова, кажется, не имели отношения к игре.

Танечка обернулась и испуганно вскрикнула.

– Боже... – протянула Марина.

– Ну, это вряд ли, – усмехнулась Алёна. – Скорее черт.

– Ты говоришь иногда – «черт подери», – плаксиво проговорила жалостливая Танечка. – Тебя черт подрал, да?

Алёна с Мариной переглянулись – и начали хохотать. Ну и востры же нынче пошли дети!

Ну да, им бы только над чем-нибудь посмеяться. Нет чтобы сразу бежать к холодильнику, хватать лед, прикладывать к разбитой физиономии... Куда там! Они хохотали!

Сказки дальних стран и далеких времен

Долго прикладывал Чжу к своим ранам целительные листья. Но не столько боль терзала его, сколько тоска – по Серебряной Деве, высоко в небесах летящей.

Летящая Фей. Серебряная Фей!

О, разве мало видел он жен и дев? Отчего ж ни разу не возмечтал сделаться стрелой, без промаха цель поражающей? Отчего при одном только воспоминании о небесном объятии вновь скрутила его страстная судорога, сбила с ног, заставила искать поцелуев цветов и объятий трав?

Настала глубокая ночь, все стихло и уснуло, только ветер никак не мог успокоиться да Чжу метался по лесу, словно смертельно раненный единорог, когда тихо и сладострастно усмехнулась белая орхидея у его ног. От озера донесся хохот розовых лотосов. И слива, трясясь от смеха, осыпала его лепестками, хотя было вовсе не время ее цветения.

Кидался Чжу туда-сюда, обезумев, всюду чудилась ему Серебряная Дева. И когда цветок магнолии приник к его лицу, дрожа от веселья, Чжу смял его губами и ладонями. Но... округлился, потеплел цветок в руках его.

Открыл Чжу измученные глаза.

Что это? Кто в его объятиях?

Брови – крылья зимородка, лицо словно бы умыто настоем орхидей и белых лотосов, стан – свиток дорогой ткани атласной. Синий шелк одеяний струился, словно туман, складки были запахом цветов полны. В волосах заколка из фиолетовой яшмы с изображением серебристой птицы...

– Меня зовут Серебряная Фей, – промолвила она.

– Я знаю, – тихо ответил Чжу, не разжимая рук. Испугался: вдруг она снова обернется цветком, звездой, усмешкой, улетит, исчезнет?!

– Жребий неба пал на тебя, – сказала Дева, не сводя с него затуманенных глаз. – Хочешь ли ты, чтобы я осталась с тобой?

Сизый туман сползал с ее плеч. Одежды ее стали прозрачными, словно вода в горном потоке. Она тихонько вздохнула, когда истаяли преграды между ладонями Чжу и ее станом, а вдаль, на горе Фэньшань, отозвались на ее вздох девять колоколов. Каждый год, едва приходила «белая осень» и выпадал иней, они начинали тихонько звенеть сами собой, но впервые со дня сотворения мира отозвались дыханию страсти.

– Мне чудится, если мы будем долго смотреть друг на друга, подобно белым лебедям, дети у нас могут возникнуть только из пламени взоров, – произнес Чжу, не слыша своих слов и не ведая, что говорит.

Она струилась за шелком одеяний своих вниз, вниз, и Чжу, смертельно боясь отпустить ее, тоже склонился долу. В миг поцелуя показалось ему, что он и Серебряная Фей стали созвездием Сюань-у – ведь оно изображает двоих, слившихся воедино!

Взошел полумесяц над ними, и был он прозрачнее белого шелка.

Поселились Чжу и Серебряная Фей во Дворце Вечной Ночи, что издревле воздвигнут для нежных утех. Едва проглядывало дневное светило, как Фей заливала солнечный костер слезами, чтобы не мешал, и вновь Небесные Часы струили время их любви.

Но однажды, в полудреме на серебряном плече, услышал Чжу шаги поодаль. Чья-то тень мелькнула среди диких смоковниц. Схватился Чжу за пояс – ох, нет ни пояса, ни ножа! В случае беды чем защитить возлюбленную? Оружие, что годится для сладострастной битвы, в настоящем бою лишь помеха!

Пригляделся Чжу пристальней – и вздохнул облегченно: да ведь это всего-навсего старушка древняя! Но куда идет она? Почему так глубоки и тяжелы ее вздохи? Что гнетет и беспокоит ее?

Подкрался Чжу поближе и спросил из зарослей, словно горный дух Уло, что ходит с поясом из повилики, ездит на упряжке из барсов:

– Пусть помогают тебе боги, матушка! Что ищешь ты? Открой свою печаль!

Старушка вздрогнула, закрыла лицо рукавом. Но тотчас руку опустила, сказала, скрывая свой страх:

– О горный дух! Не встречал ли ты Чжу-травозная, который много-много лет назад ушел в твои владения и не вернулся?

– Много лет назад?

– Да. Я была его нареченной невестой, имя мое – Ай. Он исчез, когда мне было шестнадцать лет, а теперь... О горный дух, если Чжу еще жив, передай ему – не отступают от людей злые хвори, а никто лучше Чжу не знал таинственных свойств лечебных растений. Пусть воротится он в дом свой, пусть снова больных исцеляет!

Пошла Ай дальше, а Чжу остался стоять, словно слова ее спутали ему ноги. Вот как далеко ушел он путем любви!

Неслышно возникла рядом Серебряная Фей, коснулась его плеча теплыми губами.

Глянул Чжу на ее светлый лик:

– О Фей, зовет меня дом, зовут люди. Пойдешь ли со мною – или останешься здесь, ждать наших новых свиданий?

Чуть нахмурилась Серебряная Фей, но тут же и усмехнулась:

– Я бы ждала тебя, да сердце ждать не может. Всякий день без тебя будет мне бесконечен, словно три осени сряду.

Схватил Чжу ее за руку:

– И мое сердце замрет в разлуке с тобой! Согласна ли ты называться моей женой?

Тронула Фей сухую ветку – та задымилась.

– Смотри – если дымок поднимется ввысь, ты пойдешь один, а я вернусь в небесные покои. Если расстелется дым по земле, и я расстелю судьбу свою тебе под ноги.

Затаил дыхание Чжу, затаила дыхание Фей. Задрожал дымок и прильнул к земле...

Наши дни, Франция

Когда утром Алёна встала на пробежку и прокралась в ванную умываться (за хлипкой скрипучей дверью чутко спала Танечка), то чуть не зарыдала, глядя на себя в зеркало. Опухоль-то спала (благодаря все тому же «Спасателю»), но вокруг одного глаза интенсивно сияло то, что французы называют очень деликатно – un bleu: синий, голубой. И оно было как раз того цвета, как Алёнина рубашка из марлевки, надетая маскировки царапин для. На «Голубых танцовщиц» Дега наша героиня, конечно, не тянула, но все же bleu тона активно преобладали в ее облике.

Конечно, если надеть самые широкие очки, прилегающие к лицу, пресловутого un bleu видно не будет. На улице, правда, довольно пасмурно, в очках Алёна будет выглядеть довольно странно... Да и ладно, может, солнце еще выйдет. А кроме того, в глазах трудолюбивых и милых, но довольно ортодоксальных бургундцев-мулянцев она со своими пробежками и так выглядит немножко la folle – сумасшедшей.

Что ж, каждому свое: кому пшеницу сажать-убирать, кому детективчики писать и по бургундским дорогам бегать...

– Ты уверена, что мы можем поехать в бассейн? – не без робости спросила Марина, когда после завтрака начали собирать вещи.

Морис поглядывал на гостью с нескрываемой жалостью. И ворчал, мол, даже он знает, что при ударе нужно немедленно прикладывать лед, тогда синяка может не быть... а вы обе такие безответственные... и вот – пожалуйста...

– Конечно поедем! – лихо ответила Алёна, которая, при всей своей безусловной безответственности, была человеком очень ответственным, а потому не могла допустить, чтобы любимые ею люди, можно сказать, ее семья, лишились такого удовольствия. – Надеюсь, нас не завернут от ge'sertion. Только бы дежурная не испугалась...

Столик при входе в бассейн миновали, впрочем, совершенно спокойно: дежурной на месте не случилось. Поскольку чуть припоздали, промчались на рысях в раздевалку, где никого тоже не было. Точно так же пустовали туалет и душевые. И вот четверка наших дам, предводительствуемая Морисом, вступила под своды основательной и респектабельной писины (извините, но именно так, la piscine, в женском роде, называется по-французски плавательный бассейн), состоящей из трех отсеков – для взрослых, для детей и для малышни. Народ из окрестных городков и деревень собирался сюда тоже самый респектабельный.

И вот вообразите картину, которая открылась многочисленным буржуазным взорам: впереди шествуют Морис с Мариной – оба стройные, даже худые, в консервативных темных, дорогих купальных костюмах, олицетворение бонтона и комильфо; за ними идут две хорошенькие, как ангелочки, девочки в закрытых купальничках (во Франции, надо сказать, считается жутко неприличным девочкам, даже самым маленьким, щеголять с голой грудью... лифчики там начинают носить чуть где что проклянется); а замыкает процессию высоченная и фактурная (бедра, бюст!) особа с разбитой физиономией, фингалом под глазом и кроваво исцарапанными ногами, которые вдобавок начинаются от ушей. И с руками хоть и не от ушей, но тоже в полосочку.

Проститутка-уголовница! Где такую нашли? Наверное, русская!

Да, Алёна ничуть не сомневалась, что все посетители бассейна мигом определили ее национальность. И опять благодаря ее внешности.

Вздернув подбородок – у советских собственная гордость, на буржуев смотрим свысока! – и сдерживая смех (плечи идущей впереди Марины аж тряслись по той же причине, да и Морис порой оглядывался и хитро подмигивал), Алёна довела Танечку до лягушатника и там уселась в самом глубоком местечке, где вода доходила ей, сидящей, аж до груди. Исцарапанные колени

поднимались над водой, блики играли на un bleu... Красотища! Неудивительно, что все, кто проходил к дверям во двор (здание было окружено лужайками с мягчайшей постриженной травкой, там можно было посидеть в шезлонге или поваляться прямо на траве, а потом, пройдя строгую систему душей и водных дорожек для ног, снова вернуться в бассейн) или возвращался оттуда, так и пялились на русскую уголовницу. А та сначала встречала прямо и открыто каждый устремленный на нее любопытный взгляд, но потом отвернулась – ей надоело строить из себя героиню фильма «Посол Советского Союза». Тем более что Танечке требовалось внимание: девочка съезжала с горки и желала, чтобы Алёна ее ловила.

Это было упоительное занятие для них обеих, они и не заметили, как миновал оплаченный час, и Морис замахал своей команде: пора, мол, двигать домой.

Алёна уже совершенно спокойно прошла сквозь строй взглядов, и скоро вся компания загружалась в машину, готовясь вернуться домой.

– Какие есть предложения? – спросил Морис.

В тот момент он выруливал из переплетения вполне средневековых улиц Тоннера. Автомобиль медленно проехал мимо самого любимого Алёной здания – дворца Крюсселей. Некогда в этом доме родился Шарль Д'Эон, один из загадочнейших персонажей русской и французской истории, не то мужчина, не то женщина (он принимал то один, то другой образ в зависимости от того, какие цели преследовал: как женщина соблазнил короля Людовика XV, как мужчина – императрицу Елизавету Петровну, а уж менее значимых побед в ипостасях обоего пола на его счету не считается). Здесь был музей, и толпа туристов уже окружила дом, ожидая открытия. Проехала мимо машина окружной жандармерии, вернулась и стала чуть поодаль.

– Хотят ли дамы сразу в Мулян или...

– Или что? – полюбопытствовала Алёна, поправляя очки.

– Сегодня воскресенье, – с таинственным видом напомнил Морис. – Все достопримечательности работают, все рынки, всё вообще!

– И что? Поедем в какой-нибудь замок? – спросила Марина. – Или на пюс?

Всем известен Marche´ au Rucе – Блошинный рынок. Это название самого крупного рынка подержанных и антикварных вещей в Париже. Но rucеs, пюсы, многочисленные «барахолки», по воскресеньям открываются чуть ли не на каждом рынке, в каждом квартале Парижа и в других французских городах и деревнях. Иногда они превращаются в целое событие для округи. И такие местные пюсы, которые по-другому называются vide-greniers, то есть «опустоши чердаки», Морис и Марина старались не пропускать. Очевидно, они уже наметили маршрут и на сегодня.

– А Талле нам не по пути будет? – нерешительно спросила Алёна. – Я бы еще туда заглянула. В прошлый раз экскурсию сократили: была закрыта выставочная комната – какой-то срочный ремонт понадобился, да и фрески в Башне Лиги обвалились.

– Серьезно?! – ужаснулся Морис. – Надеюсь, вас в то время там не было?

Марина перехватила взгляд Алёны в зеркальце (Марина сидела впереди, рядом с мужем, а Алёна на заднем сиденье, с девочками) и подмигнула подруге.

Им было что вспомнить! Два или три года назад наши дамы были отвезены Морисом на экскурсию в Шамбор. Поскольку сам он осматривал знаменитый шато Франциска I не раз и не два, ибо родом был из близлежащего Тура (о чем свидетельствовала даже его фамилия – Детур, Detours, как бы «Из Тура»), то решил вздремнуть в машине. Дамы же от достопримечательностей реки Луары (осматривали уже четвертый замок подряд!) до того устали и проголодались, что тоже решили пофилонить и контрабандно сбежать в «Макдоналдс» на заднем дворе замка. Сия «едальня» Морисом жестоко презиралась, и вход туда для семьи был настрого запрещен. Даже произносить название быстро было нельзя – между собой его называли «плохое место».

И надо же такому случиться: в то время, когда Марина с Алёной поехали бигмаки и американские пирожки, запивая фантой (фастфуд бывает иногда все же клинически вкусен), в

какой-то там опочивальне в Шамборе обвалилась лепнина с потолка. Никого не задавило, к счастью, но известие об этом немедленно было передано по радио и телевидению. И вот вообразите себе триллер: Морис дремлет в авто, слушая классическую музыку, как вдруг звучит сообщение, что рухнул потолок (так и было сказано сначала) в замке, в котором находились его обожаемая жена и ее лучшая подруга!

Дамы, счастливые, сытые и совершенно ни о чем не подозревающие, выходили из «Макдоналдса», чуть ли не поглаживая сытенькие брюшки, как вдруг завидели Мориса, который мчался к замку, даже не замечая двух наших преступниц.

– Граф с изменившимся лицом бежит к пруду, – хихикнула Марина. А потом забеспокоилась: – Что это с ним?

Они побежали следом, окликнули Мориса – и были просто поражены тем, с какими пылкими поцелуями тот на них накинулся. Потом рассказал жуткую историю про обвалившийся потолок, ну а дамы на голубом глазу уверили его, что катастрофа случилась уже после того, как они покинули Шамбор.

Пошли к машине. Вдруг Морис остановился.

– Девочки, не презирайте меня, – сказал он жалобно. – Я от стресса так проголодался, что сейчас рухну в голодный обморок. Да и вы, наверное, тоже. Пойдемте поедим, а?

– А куда? – невинно спросила Марина.

– Да хоть в «Макдоналдс»! – в отчаянии воскликнул Морис, глаза у которого горели голодным вампирическим пламенем.

– В плохое место?! – ахнула Марина. – Да никогда в жизни! Правда, Алёна?

– Никогда, – лицемерно поддержала та. – Вы идите, Морис, а мы вон там мороженое съедим.

И он, бедняга, пошел, ужасно себя презирая... А наши коварные интриганки просто посидели и похихикали на лавочке, потому что ничего, даже чудесного швейцарского мороженого «Ben & Jerry's Mocha Swiss Chocolate», уже не могли втолкнуть в свои переполненные животики.

Но, что характерно, с тех пор отношение Мориса к «Макдоналдсу» ничуть не изменилось в лучшую сторону. Напротив – даже еще усугубилось! Так что Марине с Алёной приходилось еще сильнее конспирироваться, когда они решались посетить «плохое место».

– Да нет, фрески обрушились в Талле раньше, – сказала сейчас Алёна, сдерживая предательски расплывающиеся в улыбку губы, – до моей экскурсии. Но обещали, что комнату и башню вот-вот откроют снова...

– Наоборот, – покачал головой Морис. – Ближайшие несколько дней замок будет вообще закрыт для посетителей, потому что там кто-то умер, какой-то посетитель. Я слушал радио, пока передевался после бассейна. Кстати, это случилось именно в тот день, когда вы там были, Алёна! Вы с моей женой просто притягиваете какие-то невероятные и неприятные происшествия.

– Так что ж мы сидим? – нетерпеливо воскликнула Марина. – Давайте послушаем радио, скоро как раз начнутся новости!

– Давайте лучше вон в то бистро зайдем, – предложил Морис. – Тогда мы сможем посмотреть новости по телевизору.

– Одно другому не мешает, – резонно заметила Марина и включила приемник.

Начало 20-х годов XX века, Россия

Из дневников и писем графа Эдуара Талле

Мне хочется вспомнить, как все было. То есть мне не хочется вспоминать, но я стал бояться, что с нами что-нибудь случится в России, и тогда никто ничего не узнает. А так... Быть может, хоть эти бумаги попадут Альберу. Нет, само собой, я от души надеюсь на лучшее, однако больше не верю стране, в которой был так счастлив на протяжении десяти лет, с тех пор как уехал из Маньчжурии...

Там осталось только самое страшное. А начиналось все чудесно. Воистину чудесно, ибо это страна чудес. Такая красота... такие поэтические легенды... В Маньчжурии очень многое связано с именем небесной красавицы, Серебряной Фей, и считается, что все ее пылкие встречи с земными мужчинами, в том числе с возлюбленным Чжу, происходили именно в Маньчжурии.

Не передать, как я был увлечен своей новой жизнью. Все навевало нам с Шарлотт мысли о любви, о неистовой страсти. Признаюсь, тогда я, наверное, несколько манкировал своими служебными обязанностями: супружеские обязанности влекли меня куда больше! На меня так действовала эта странная земля, что я думал только об одном.

И тут нам потребовалось ехать в Пекин в составе протестной делегации иностранных дипломатов, возмущенных обращением императрицы Цыси со своим племянником.

Я уже видел государыню раньше, когда вручал ей свои верительные грамоты. Шарлотт тогда тоже была со мной и, в числе жен других иностранных консулов и сотрудников посольств, была удостоена приема императрицы. И потом захлеб рассказывала мне о том, как их провели по приватным покоям и показали наряды государыни... в некотором роде национальные реликвии, вещи огромной ценности.

Шарлотт записала свои впечатления, и я очень любил перечитывать ее записи, потому что ни одному мужчине не удавалось увидеть то, что императрица показала женщинам. Не могу удержаться и приведу их здесь.

«О, ее наряды! Мне казалось, я брежу... Ничего подобного просто нельзя было увидеть в реальности!

Для повседневной носки у императрицы имелось триста платьев-халатов, которые хранились в лакированных коробках, обвязанных желтым шелком. Каждый халат отделялся жемчугами и нефритом. Мы не смогли посмотреть их все, на это потребовался бы целый день. Чаще всего государыня надевала халат из бледно-зеленого атласа, расшитого иероглифом «долголетие» и покрытого драгоценными камнями. Поверх набрасывала накидку в виде сетки, сшитую из жемчугов и отделанную кисточками из нефрита. Накидка затягивалась двумя нефритовыми пряжками. На правом плече с верхней пуговицы свисал шнурок с восемнадцатью большими жемчужинами, отделенными друг от друга плоскими кусочками прозрачного зеленого нефрита. Возле же пуговицы был прикреплен огромный рубин, от которого спускалась желтая шелковая кисточка, увенчанная двумя крупными жемчугами.

Придворная дама, которая показывала нам наряды, рассказала, что государыня, готовясь к встрече с иностранными дипломатами и их женами, придирчиво перебрала тридцать халатов. Но сочла, что ни один из них не годится, и велела принести еще несколько. Наконец выбрала то, в чем мы ее видели: голубой халат, на котором было вышито сто драгоценных бабочек. Ее руки украшали два браслета: один из жемчуга, другой – из нефрита. На пальцах было несколько нефритовых колец. На браслетах и кольцах тоже были изображены бабочки.

Меня поразила длина ее ногтей: в добрых три дюйма или даже чуть больше. Оказывается, чтобы предохранить длинные ногти на средних пальцах и мизинцах обеих рук, Цыси надевала драгоценные наконечники – этикие футляры длиной до восьми сантиметров.

А потом нас ввели в комнату, где показали драгоценности императрицы. С трех сторон помещение от пола до потолка было заставлено полками, на которых находилось большое количество коробок из черного лака – в них и лежат всевозможные драгоценности. Фрейлина, указывая на один из рядов коробок, расположенных с правой стороны комнаты, сказала: «Здесь императрица хранит самые любимые украшения – их она носит ежедневно. А в остальных коробках находятся украшения, которые она надевает только в особых случаях. В этой комнате около трех тысяч коробок с драгоценностями. Еще больше коробок находится в другой комнате, которая строго охраняется».

Придворная дама приказала служанке принести пять коробок из первого ряда одной из полок и поставить на стол. Открыла первую, и все увидели необычайной красоты пион, сделанный из коралла и нефрита. Его лепестки дрожали, словно у живого цветка. Пион нужно прикреплять к наколке на голове. Затем фрейлина открыла другую коробку и вынула из нее великолепную бабочку, тоже из коралла и нефрита. В двух коробках находились золотые браслеты и кольца, отделанные жемчугом и нефритом. В последних двух коробках были ожерелья из жемчуга. Таких изумительных вещей я никогда не видела!

Одна из фрейлин принесла несколько платьев-халатов. Я поразились их совершенной красоте, удивительной расцветке и красочной вышивке.

Затем мы увидели жемчужного аиста, обрамленного серебром, которого нужно прикалывать к волосам...

Мои воспоминания смешались. Это было такое чудо, столько впечатлений!

Еще, помню, нам показали знаменитый головной убор Цыси, украшенный 3500 жемчугами, различными по размеру и по форме, изумительного цвета. Когда ее величество полностью облачалась в свои наряды, прикалывала все броши и надевала туфли, расшитые жемчужными аистами, она выглядела словно «дама-аист»!

Потом нам показывали роскошные фарфоровые изделия и ковры. Некоторым из них несколько сотен лет. Например, уверяют, что фарфоровые статуэтки (их целая коллекция), изображающие пары, слившиеся в любовных объятиях, изготовлены более тысячи лет назад. О, я ничуть не сомневаюсь! Дворец императрицы – собрание чудес... изумительных чудес!»

Именно тогда Шарлотт впервые увидела то, что стало проклятием нашей жизни и чуть не стало причиной нашей смерти.

Это прозвучит странно, но с каждым днем я чувствую все большее облегчение от того, что мы лишились коллекции статуэток.

Ее никто не ищет. Возможно, она уже была найдена, но приглянулась кому-нибудь из власть имущих? Я слышал, в России сейчас грабят все, у кого есть хоть самая малейшая возможность. Что там какие-то статуэтки, если в руках новой власти баснословные сокровища всех музеев и хранилищ!

Думаю, мы не найдем ничего. Да и времени остается все меньше – тут ходят слухи о поезде, на котором в Европу поедет группа русских дипломатов и на который, возможно, удастся попасть и нам с Шарлотт. Вот что теперь волнует меня больше всего!

Иногда я верю в это. А иногда мне кажется, что мы погибнем здесь.

Неужели мы наконец-то вернемся в Талле?!

Наши дни, Франция

Информация, что по радио, что по телевидению, оказалась довольно скучной:

– Знаменитый замок Талле, в отличие от многих прочих старинных поместий Франции, никогда не был связан ни с каким скандалом. Он являл собой чудо архитектуры и внутреннего убранства благодаря семейным коллекциям графов де Талле и знаменитым Башне Лиги и Большой Галерее. Однако отныне его история обогатится загадочным происшествием, случившимся в конюшне замка. Как мы уже передавали, там позавчера было обнаружено мертвое тело некоего посетителя. По словам одного из гидов, тот господин был на экскурсии днем, однако труп нашли только вечером, когда одна из графских собак забрела в конюшню и начала лаять. Удивительно, что спутница погибшего (а по словам гида, мужчина был не один, а с дамой), не подняв тревоги, уехала без него. Впрочем, гид не исключает, что ошибается и они просто стояли рядом. В карманах умершего обнаружены документы на имя жителя Болоньи Карло Витали. Согласно информации, которую дал прессе лейтенант окружной жандармерии Жоэль Ле Пёпель, синьор Витали скончался от внезапного сердечного приступа, так что нет оснований предполагать в происшествии нечто большее, чем несчастный случай. А теперь вы можете увидеть несколько кадров, которые успел сделать своим мобильным телефоном один из туристов, оказавшийся вблизи конюшни в это время...

Алёна едва сдержалась, чтобы не ахнуть, увидев на экране ту самую дверь конюшни, в которую она позавчера вбежала, чтобы застегнуть брюки. Из нее четыре человека выносили пятого. Алёна успела увидеть темноволосую голову, но лица не разглядела, лишь смятую белую рубашку, джинсы – и нелепо повисшую ногу в коричневом мокасине.

– Бог ты мой... – пробормотала она.

Ее никто не услышал: дети были заняты чипсами, а взрослые слушали, что говорил дальше знаменитый диктор Жан-Пьер Перно, кумир французских пенсионерок и домохозяек:

– Сегодня мы можем уточнить некоторые детали случившегося. Из осведомленных источников стало известно, что Карло Витали состоял в некоей противозаконной организации, которая ответственна за ввоз нелегальных китайских эмигрантов в страны Евросоюза. Как удалось выяснить, спутницей его в замке была китайка. Однако комиссар Ле Пёпель сообщил, что ни личность, ни местонахождение этой дамы не установлены.

– Бог ты мой! – повторила Алёна.

– Да, и не говори, – кивнула стоявшая рядом Марина. – Ты их не видела случайно?

Наша героиня пожала плечами. Она и в самом деле не знала, что ответить. Совпадение? Но ведь та красивая китайка, которую Алёна неплохо рассмотрела, была в компании именно с итальянцем. С этим? С другим? В замке она совершенно не обратила внимания, во что был обут спутник экзотической красотки, а в конюшне заметила только башмак. На видео же разглядеть мертвого не смогла. Вроде у того итальянца была белая рубашка... Или нет? Да, на нем был легкий синий пиджак, очень мягкий, льняной, наверное, а под ним... кажется, в самом деле белая рубашка. Китайку Алёна помнила очень хорошо – ее изящную фигуру, прелестное лицо, ее зеленое платье, тоже, видимо, льняное, потому что опять же очень мягкое.

И что получается? Получается, что этот Карло Витали (почему-то знакомая фамилия, кстати... а, был в девятнадцатом веке в России скульптор такой итальянского происхождения Иван Витали) почувствовал себя плохо, зашел в конюшню посидеть в тишине, да и умер? Был ли мужчина еще жив, когда она заметила его ботинок? И если бы Алёна подняла крик, а итальянец сказал, что ему плохо, она позвала бы на помощь и человек остался бы жив? Хм, неизвестно, может, турист уже умер к тому времени.

Странно... Почему после экскурсии он пошел не врача искать, а отправился в конюшню? Прошло минут пятнадцать после окончания осмотра замка, Алёна успела поговорить с гидом и

искала место, где бы заняться своими брюками. А Карло Витали сидел в тот момент за тюками с сеном и умирал...

Но китайка-то что же? Или она была сама по себе? Только если Витали занимался организацией нелегальной эмиграции из Китая, присутствие рядом с ним китайки более чем объяснимо.

С другой стороны, элемент случайности тоже нельзя исключать. Ведь упомянутые элементы иногда такое вытворяют! Не далее как минувшей зимой Алёна могла в этом убедиться, свернув не в ту сторону на бульваре Мальзерб в Париже и оказавшись объектом преследования одновременно французской полиции и русских разбойников с большой дороги¹⁵.

– Что-то они об ограблении молчат... – пробормотал тут Морис.

– О каком ограблении? – изумленно уставились на него Марина и Алёна.

– А я не говорил? По радио упомянули, что... Погодите, вот. Слушайте!

Диктор Перно продолжал:

– Нам также стали известны некоторые подробности ограбления шато Талле, случившегося также позавчера. Одна из уборщиц оставила открытым окно в выставочной комнате, пока нельзя сказать точно, случайно или намеренно. Эта девушка приезжала в замок на работу из Троншуа, где снимала жилье, однако до сих пор найти ее не удалось, и полиция лишена возможности задать ей необходимые вопросы. Что же касается похищенных предметов, то любителям осматривать уникальные коллекции Талле нет причин беспокоиться. Видимо, грабители не слишком хорошо ориентировались в коллекциях, потому что украденной оказалась лишь коллекция китайских фарфоровых статуэток весьма сомнительного содержания и сомнительной ценности, в большинстве своем – копии уже нашего времени. А теперь переходим к новостям, поступившим из Парижа, где сейчас идет очередная забастовка...

– Вот и доказательство того, что уборщица ни при чем, – прокомментировала услышанное Марина. – Если бы она устроилась в Талле с целью выяснить, как подобраться к ценностям замка, наверное, пропало бы что-нибудь в самом деле ценное, а не какие-то там копии.

– Однако девушку не нашли, – возразил Морис. – Такое ощущение, что она ударилась в бег. А если бы была ни при чем, с чего бы ей скрываться?

– Да она небось на уик-энд уехала, – усмехнулась Марина. – Никто же не говорит, что уборщица сбежала, ее просто не могут найти.

Тут оба супруга искательно уставились на нашу героиню, так что Алёна сразу поняла: друзья заразились от нее страстью к расследовательской деятельности.

Она не знала, что сказать. Хотя бы потому, что в памяти возникли слова гида, который показывал на статуэтки в туалетной комнате: «Вы видите здесь копии, изготовленные лет десять назад, когда во Франции воскрес интерес к Китаю вообще и ко времени правления императрицы Цыси в частности. Граф Талле счел, что семейные реликвии могут быть интересны посетителям шато, но все же их надо оберегать. Сама же коллекция хранится в выставочной комнате, однако вам не удастся ее увидеть, к сожалению».

Так кто говорил правду, гид или диктор? Возможно, гид нарочно отводил глаза посетителям, чтобы ни у кого из них не возник нездоровый интерес к статуэткам?

А красивая китайка тогда очень огорчилась...

Впрочем, при чем здесь китайка? Она, если была связана с Карло Витали, занимается нелегальной эмиграцией, а не статуэтками сомнительной ценности и сомнительного содержания, как деликатно выразился диктор Жан-Пьер Перно.

Что еще говорил гид про выставочную комнату? Нечто вроде: там внезапно возникли небольшие неполадки... потребовалась уборка... разбилось окно... на сегодня доступ туда закрыт.

¹⁵ Читайте роман Елены Арсеньевой «Письмо королевы», издательство «Эксмо».

Видимо, в то время ограбление уже было обнаружено. Странно, конечно, что в шато не мелькнуло ни единого полицейского. А впрочем, может быть, все они тусовались в выставочной комнате и Алёна их просто не заметила? Небось старались особо не высовываться, чтобы посетителей не распугать.

Кстати, интересно, громогласное извещение о смерти Карло Витали и об ограблении Талле сделает рекламу старому шато? Или наоборот – поток экскурсантов станет меньше?

– Ма, так куда же мы поедем? – начали канючить Лиза и Таня, которым, понятное дело, телевизионные новости и разговоры взрослых были совершенно ни к чему. – Домой? Или на какие-нибудь *vide-greniers*? Помните, каких мы там кукол покупали? И маленькие велосипедки нам с Таней...

– Между прочим, – не без лукавства сказал Морис, – отсюда не очень далеко до упомянутого в полицейской хронике Троншуа. И сегодня там как раз *vide-greniers*. Сколько я помню, очень много народу на него собирается, а нам пора подумать уже не о велосипедиках, а о велосипедах... Ну как? Едем туда?

– Да! – вскричали Лиза и Таня.

Алёна с Мариной переглянулись, и наша героиня подумала: «Троншуа... Где-то я уже слышала это название! Точно слышала, причем еще до телепередачи. Или опять что-то уже насочиняла? Нет, не вспомнить...»

– Конечно, едем, – сказала она.

А Марина вздохнула и усмехнулась:

– О, уже загорелись серые глаза! Опять потом будешь мне из России звонить, чтобы я из-под земли тебе вырыла полицейского агента Диего Малгастадора?¹⁶ Вижу, ты уже готова начать новую авантюру!

– Знаешь, Мариночка, – пожала плечами писательница Дмитриева, – если я буду во все авантюры ввязываться, то долго не проживу. Нынешнее происшествие не имеет ко мне никакого личного отношения, да и Диего Малгастадор все же в Париже служит, а не в жандармерии¹⁷. Так что все будет тихо и спокойно, клянусь.

«Нет, Шуйский, не клянись!» – мог бы выразиться в тему великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин, да вот беда – его поблизости на сию пору не случилось.

¹⁶ Эта история рассказывается в романе Елены Арсеньевой «Письмо королевы», издательство «Эксмо».

¹⁷ Полиция во Франции занимается раскрытием преступлений, совершаемых в городах, жандармерия – в сельской местности.

Вторая половина XIX века, Китай

Итак, Лан Эр изрисовала стены своего павильона орхидеями, посадила вокруг цветы, а потом остатками своего годового жалованья подкупила двух евнухов – носильщиков императорского паланкина...

Когда императору приходила охота заняться любовью среди бела дня, его несли из дворца в «Павильон воды, деревьев и чистого цветения». Путь пролегал по запутанным дорожкам Запретного двора. Только от евнухов-носильщиков зависело, какой дорожкой нести паланкин. И вот однажды они, словно невзначай, выбрали обходной путь и двинулись к «Тени платанов».

Император удивился: дом был расписан цветами! Рядом покачивались под ветерком чудесные орхидеи, а на пороге стояла красавица в платье цвета зари и напевала прелестным голоском:

Я скучаю одна.
Почему он не приходит?
Неужели не знает,
Что мой цветок
Цветет для него?
Пройдет много дней.
Цветок отцветет и засохнет.
Кому я буду нужна?

И тут Сянфэн узнал певицу: да ведь это та маньчжурская девчонка, у которой слишком тесное лоно! Но как изменилась, похорошела! Нюх опытного распутника подсказывал, что изменилась она не только внешне – девушка бросала такие взгляды, принимала такие позы... Император решил, что до «Павильона воды, деревьев и чистого цветения» еще слишком далеко, а Лан Эр близко. Он спустился из паланкина и вошел в ее домик.

И остался здесь до вечера.

Однако не успела ошеломленная Лан Эр привести себя в порядок после высочайшего – и очень пламенного – визита, как явился Главноуправляющий Палаты Важных дел в сопровождении евнуха и объявил, что государь дарует ей титул сожительницы – «бинь» – и повелевает явиться к нему на ночь.

Лан Эр вымыли, умастили, завернули в пух цапли...

На сей раз возглас «Время пришло!» раздавался у дверей императорской опочивальни трижды, прежде чем дверь открылась, и на вопрос: «Оставить или нет?» – был дан ответ: «Оставить...»

Ответ оказался правильным! Сын Неба, у которого не было наследника, вскоре узнал, что Лан Эр беременна, а спустя девять месяцев она родила ему сына, которого назвали Тунчжи.

Произошло чудо, которого ожидали годами!

Все свершилось, как в стихах:

Женщина – чаша для колдовства.
В ней – киноварь.
Семя мужчины, словно капля свинца,
Упадает в ту чашу.

Словно кузнец, мужчина мехи раздувает и воздымает огонь.
Чаша нагрета, раскалена наслаждением!

Смешались свинец и киноварь.
Они кипят, они бурлят —
Они обращаются в ртуть.
Она подвижна, она жива,

Она текуча, она быстра.
Мир начался —
Ребенок зачат.

Конечно, престиж Лан Эр во дворце взлетел теперь до небес. С ней носились, ей угождали, и даже сама императрица Цициан удостоила ее своим расположением. Лан Эр с невероятной скоростью прошла оставшиеся три стадии возвышения – Фей, гуй Фей, хуан гуй Фей. Однако, как ни назови воробья, он соловьем не станет. Лан Эр по-прежнему оставалась не более чем наложницей. В любую минуту император мог предпочесть ей другую. Их же вон сколько – не счесть! И каждый год во дворец привозят новых и новых юных красавиц. А она... А для нее он был единственным. Может быть, дело было в том, что Лан Эр расцвела для любви, а во дворце больше не в кого было влюбиться... не в евнухов же. Вот она и влюбилась в императора Сянфэна, вернее, в его власть, в его могущество, и мечтала, чтобы он со своим могуществом принадлежал только ей. Женщина не может быть властительницей, но добивается своего через мужчину, которым научается управлять.

О, как желала этого Лан Эр! Мучительная жажда власти изгрызала ее изнутри, словно крыса, которую сажают на живот приговоренного к смерти, покрыв сверху крепко привязанным глиняным горшком, – чтобы выбраться, крыса должна прогрызть себе выход через тело человека, через его внутренности. Такова была одна из самых жестоких казней, и раньше, когда Лан Эр слышала о ней, у нее мурашками покрывалось тело. Теперь же ей казалось, что те мучения – ничто по сравнению с муками, которые терзали ее. Причем она понимала, что сделать ничего не сможет, не ей поколебать вековые узаконения, которые требовали: у императора должны быть наложницы, и чем больше, тем лучше. Но если Лан Эр не способна поколебать узаконений, она способна избавляться от тех, кто может стать опасными соперницами к обладанию единственным для нее мужчиной и на пути к власти!

Однако, чтобы добиться своего, нужно знать не только способы вызывать желание, страсть. Нужно знать нечто иное!

С тех пор Лан Эр стала навещать в дворцовое книгохранилище, и скоро в ее дом (о, теперь ей принадлежал не жалкий домишко «Тень платанов», а был просторный и светлый «Узор листвы на дорожке ветер колеблет» – чем длиннее название, тем выше престиж наложницы!) переключали трактаты о растениях, сочинения о взаимодействии веществ, именуемом химией, и Лан Эр читала их так же внимательно и вдумчиво, как некогда стихи. Но от них, крепко надеялась она, ей будет побольше пользы, чем от стихов.

А еще Лан Эр иногда доставала из тайника белый шелковый мешочек, который некогда вынула из мертвых пальцев Сливы Мэйхуа, заглядывала в него, смотрела на фарфоровую статуэтку, которая изображала любовную позу «Летающий белый тигр», – и снова затягивала завязки мешочка.

И думала, думала, думала...

Наши дни, Франция

Троншуа оказался одним из тех маленьких и беспредельно уютных городков, которых рассеяно великое множество вдоль дорог Франции и которые производят на туристов (в основном русских) одновременно умилительное и сногшибательное впечатление. От шоссе вверх шла довольно широкая улица (каменные старинные двухэтажные дома затейливой архитектуры, сады, выющиеся розы... полный набор, короче!), и по обе стороны ее практически плечом к плечу стояли торговцы подержанными вещами. Алёне уже приходилось бывать на различных *vide-greniers*, но такой обширной ярмарки она еще не видела. Стоял полдень – разгар торговли!

Морис, Марина с девчонками и Алёна медленно брели в гору, останавливаясь чуть ли не на каждом шагу и что-нибудь рассматривая. Здесь было и откровенное старье, и вещи совершенно новые, очень хорошего качества. А цены вызывали нервический смех у нашей героини, доселе покупавшей все в парижских магазинах, назвать которые дешевыми – все равно что назвать Париж столицей Гренландии.

Первыми, конечно, принялись канючить девчонки – они не могли оторвать глаз от двух маленьких расшитых бисером бархатных сумочек на длинных веревочках, тоже унизанных бисером. Алёна, конечно, как добрая фея-крестная, купила им эти сумочки. А потом ободки для волос, и клипсы – в такие-то годы клипсы носить, ну куда катится мир?! – и еще какую-то дребедень. Наконец Марина строго запретила подруге баловать девиц, приказав подумать о себе.

Алёна и начала. Буквально через десять шагов ей на глаза попался очаровательный браслет – разумеется, не золотой, разумеется, с поддельными жемчужинами, но чудно красивый, весь из разнокалиберных цепочек, миленько и нежно звенящих на запястье и красиво ниспадающих на кисть. Алёна вообще обожала всякую бижутерию, а в последнее время ее одолевала просто-таки страсть к различным браслетам, поэтому она немедленно выложила одно евро (ну вот самое пречестное слово, именно столько было запрошено за ювелирное чудо!) и нацепила браслет на запястье.

Глазастый и очень хозяйственный Морис в это время присмотрел высокую, плетенную из ивовых прутьев корзину для грязного белья, а Марина обратила внимание на совсем новые банные полотенца и салфетки для стола по никакой цене. За все уплатили, но приобретения оставили (неохота было таскать туда-сюда) у хозяев, которые клялись, что раньше чем через два часа с места не сойдут и вещи пребудут в сохранности.

Спустя метров сто дорога раздваивалась, и некоторое время компания топталась на перекрестке, решая, куда лучше пойти – направо или налево. Двинулись направо, потому что впереди замаячил велосипед. Пока Марина и Морис его осматривали, Алёна (она в технике ничего не понимала, а кроме того, ей было дико стыдно, что она совершенно не умеет кататься, и ее терзала зависть...) углядела еще один чудненький браслетик. На сей раз довольно грубый и даже варварский на вид, но она любила варварские украшения. Этот был из мягко изогнутых оловянных овалов и ромбов, в которые вправлены черные вставки – то ли из смальты, то ли даже агатовые. Вещь казалась невероятно оригинальной, особенно потому, что совершенно не сочетаемые вещи сочетались в ней просто гениально. Левое запястье Алёны было сковано часами, так что второй браслет поселился на правом, хоть «жемчуга» первого смотрелись рядом с ним, мягко говоря, не очень. Просто обе новые цацки нравились ей одинаково сильно, и расстаться с какой-то из них она просто не могла.

Алёна как раз расплачивалась за браслет – он стоил аж пять евро, смеху подобно! – когда рядом послышался насмешливый хриплый, словно простуженный голос:

– Поздно, роуэрон!¹⁸

Алёна изумленно глянула через плечо. Но фраза, произнесенная веснушчатым, наголо бритым мужчиной в мешковатых джинсах и красной футболке навывпуск, адресовалась не ей, а худенькой смуглой женщине с очаровательной, изящной, хоть и совершенно плоской фигурой, обтянутой коротким черным платьицем, и с прекрасными длинными ногами в черных модных шлепанцах со стразами. Голова женщины тоже была обрита наголо. Лицо наполовину прикрыто черными очками, такими же огромными, как у Алёны (неужели тоже скрывает синячище или просто следует моде?), на запястьях – связки черных браслетов, в ушах – черные серьги-ромбы. А ее длиннющие ногти – даже не ногти, а когти – были покрыты черным лаком, так же как и ногти на ногах. Писк моды, что ли? Алёна вспомнила декадентского красавчика-туриста, виденного в шато Талле и получившего от нее прозвище Черный Валет. Тот тоже имел черный лак на ногтях. Вообще они с этой черной дамой словно выпали из одной карточной колоды, правда, валет был довольно лохмат, а сия дама, напротив, лысая.

Бррр...

Лысая красотка, видимо, положила глаз (очень может быть, тоже черный, но за очками не разглядишь) на браслет, который приглянулся Алёне. Но поздно, в самом деле поздно, как заметил ее спутник.

Алёна послала в очки черной дамы извиняющуюся улыбку, но ответной улыбки удостоена не была. Смуглая женщина повернулась к бритому мужчине и что-то быстро, неразборчиво сказала ему. А тот в это время чесал ногу, задрав брючину. Странно это выглядело, честное слово... Хотя что странного? Ну, чешет человек ногу и чешет... После того, что сказала спутница, он глянул снизу на Алёну, пожал плечами, одернул штанину и, взяв лысую красавицу за руку, увлек в толпу, которая на ярмарке все прибывала и прибывала.

Подожли Алёнины друзья.

– О, еще один браслет! – ахнула приметливая Лизочка. – А мы купили велосипед для папы, теперь пойдем для нас и для мамы искать. И еще мы видели Жильбера и Жаклин.

Это были соседи по Муляну, владельцы практически всех полей в округе, великие труженики и милейшие люди.

Двинулись дальше по рыночной улице. На перекрестке стояла большущая, выше человеческого роста, бочка. Рядом на столике – корзина с бокалами и три бутылки разного вина: розового, белого и красного. Видимо, местный винодел продавал напитки своего производства. Бокал вина стоил евро. Алёна с уважением посмотрела на корзинку с бокалами и на другую такую же, стоявшую под столом, – для использованной посуды. Она уже усвоила, что ни один уважающий себя французский винодел никогда не нальет вино в пластиковый стаканчик, даже на пробу случайному прохожему. Лучше закупит по оптовой цене дешевеньких бокалов побольше в какой-нибудь ближней фабрике стеклянных изделий.

Всем сразу ужасно захотелось пить. Для детей нашелся апельсиновый сок, Марина и Морис пили красное вино, Алёна, конечно, белое. Чудо из чудес!

– Попробуйте еще розового, у отца лучше всего получается розовое вино, – сказала очень немолодая и очень толстая дама, сидевшая около бочки на раскладном стульчике, который невозможно было разглядеть: только четыре тоненькие ножки торчали из-под ее юбки, что смотрелось ужасно смешно.

– Лучше на обратном пути, мадам, – пообещал Морис с улыбкой, – не то разморит нас на солнце, а нам еще велосипеды искать.

– Мадемуазель, – сурово поправила хозяйка бочки и взглянула на Мориса с обидой и подозрением: а не вознамерился ли этот мсье немедленно покуситься на ее девственность? Затем строго, с нажимом, повторила: – Мадемуазель!

¹⁸ Роуэрон – пупсик (франц.).

– Ах, извините, – смешался Морис и даже покраснел. – Непростительная оплошность с моей стороны!

Алёна и Марина подозревали, что покраснел Морис так же, как и они, от усилий не расхотаться, однако старая дева была польщена его почтительностью и милостиво подсказала:

– Вон там, на верхней дороге, Жак Бланкет продает почти новый велосипед.

– Отчего же он его продает... мадемуазель? – осведомился Морис.

– Жак стал слишком толст, потому что пьет пиво, – презрительно сообщила мадемуазель. – Если пить вино, так растолстеть невозможно.

Морис сдавленно согласился – и компания поскорей ретировалась, пока были силы сдерживать смех.

Пока дошли до верхней дороги, Алёна украсила свое правое запястье еще одним – за два евро – браслетом, в котором сочетались голубая эмаль и бирюза. Причем с трудом застегнула новое приобретение – два предыдущих мешали.

– Ты его так потеряешь, – покачала головой Лиза. – Дай мне какой-нибудь поносить, а?

– Бери! – великодушно протянула Алёна руку. – Какой ты хочешь?

Лиза выбрала оловянный. Конечно, он оказался великоват для тоненькой ручки, так что пришлось подвернуть концы, а уж потом застегнуть.

– Только не потеряй, ладно? – попросила Алёна. – Мне он очень нравится.

– Мне тоже, – сообщила Лиза. – Я не потеряю!

Девочка радостно чмокнула Алёну в щеку, сочувственно спросив:

– Твоя bleu болит?

– Совсем нет, – улыбнулась Алёна. Лизочка об этом спрашивала уже раз седьмой за день! Приятно, когда о тебе так беспокоятся, верно? Тем более – любимое дитя.

– А мне браслет?! – возмущенно воскликнула Танечка. – Я хочу с жемчужинками.

«Жемчужинки» были ей немедленно вручены, и Алёна осталась при одном бирюзовом браслете, который теперь держался на руке идеально.

Тем временем Морис и Марина нашли человека с велосипедом, Жака Бланкета, и теперь стояли, полуотвернувшись, делая вид, что хохочут вовсе не над ним, а просто так, от радости жизни. Строго говоря, и в самом деле хохотали они вовсе не над ним, потому что продавец оказался не так уж и толст – во всяком случае, значительно уступал в габаритах мадемуазель, оставшейся около бочки.

– Вот клеветница! – возмутилась Марина, хихикая.

– Очень может быть, – задумчиво заговорила Алёна, – что в незапамятные времена наша мадемуазель – как бишь ее? – была влюблена в мсье Бланкета, а тот ее отверг, и она до сих пор не может его простить.

– Моро, – сказал Морис.

– Что? – не поняла Алёна.

– Не заметили? На бочке стояла надпись: «Les vins de Моро», «Вина Моро». То есть героиню вашего нового сюжета зовут мадемуазель Моро.

Тут Алёна вспомнила, как сочиняла сюжеты про посетителей шато Талле. И еще какое-то воспоминание зацепилось было за это, но тут Лиза с Таней в один голос закричали: «А вон еще велосипеды! Детские! Для нас!» – и мысль улетучилась.

Начался процесс покупки велосипедов, а Алёна опять пошла вдоль рядов, поглядывая на коробки с бижутерией, но ничего достойного внимания не нашла. В толпе ей опять попались лысая изящная дама и ее бритоголовый кавалер. Почудилось или из-под черных очков был брошен внимательный взгляд на Алёнино запястье? А может, и нет, потому что худые, смуглые руки дамы оказались уже чуть не до локтей унизаны разнообразнейшими браслетами. Истинная маньячка, ей-богу!

Такое ощущение, что лысая маньячка скупила на ярмарке все, что заслуживало внимания, потому что Алёне больше не встретилось ни одного приличного браслета, и она вернулась к Детурам. Те являли собой предовольную компанию: с помощью Жака Бланкета и его соседа удалось решить проблему двухколесного транспорта для всей семьи, включая детей, – за какие-то сто евро были куплены четыре замечательных велика, считая тот, который ждал Мориса у продавца.

Потом они еще что-то покупали, какие-то столь же необходимые, сколь и ненужные хозяйственные мелочи... Алёна, например, обзавелась крошечным и совсем новеньким электромассажером для лица. В косметическом магазине в Париже он стоит 150 евро, а тут – пятнадцать. Нет, ну почувствуйте же разницу! Правда, в массажере не оказалось батареек, и Алёне не удалось убедиться, что прибор выполняет свои функции, но она надеялась на лучшее.

Сказки дальних стран и далеких времен

И вот вернулся Чжу в свою хижину, привел с собой межзвездную красавицу. Но щемило у него сердце: как войдет она в убогое жилище? В его хижине столбы и балки из нетесаного камня, крыша пыреем и молочаем крыта, заросла дикими тыквами, а окна затянуло шелком паутины. В доме нет и хворостины, чтобы разжечь очаг! А ну как глянет Фей на эту нищету – да и взвьется в небо высокое, растает там, подобно звезде Тайбэй¹⁹, что тает на восходе солнечном?

Напрасно Чжу терзался страхом. Чуть ступил он через порог – остолбенел. Что за чудо тут на глазах вершится? Кто играет, кто шутит в его хижине бедной? Потертая оленья шкура, которая еще отца Чжу защищала от холода, сделалась ароматным покрывалом из шерсти черной лисицы; не тыквы-горлянки, а резные ларцы с сухими душистыми травами стоят на яшмовом столике. В зеркале, похожем на цветок водяного ореха, отразился сам Чжу – да не в грубых пеньковых одеждах, а в парчовых и шелковых, пурпурных и белых. Рядом Фей в наряде простом, но от такого не отказалась бы и дочь князя: рубашка цвета сливы с белыми нижними рукавами, юбка из тончайшего шелка с лазоревым отливом и узором в виде облаков, золотые шэн²⁰ в высокой прическе...

Улыбнулась Фей, ожидая увидеть на лице Чжу отражение своей улыбки, но тот смотрел растерянно:

– Что скажут люди! Нигде не встретишь такой роскоши. Подумают, что я убил кого-то и ограбил, а затем накупил всякого добра. Молю, верни мне мои бедные одежды и убогие стены, иначе больные побоятся прийти ко мне за помощью!

Брови Серебряной Фей стали подобны двум туго натянутым черным лукам.

– Скажи, возлюбленный мой, зачем хочешь ты уподобиться ничтожнейшим, вместо того чтобы возвысить их и сделать подобными себе?

– Как совершить это? Я способен только лечить...

– Отчего же так тусклы лица у людей? Равно тусклы – у больных и здоровых.

– Как бы ни старался я, люди умирают в свой срок. Все предопределено в жизни, и никто тут не властен. А век человека недолог.

– О нет! Жизнь можно сделать бесконечной! Я покажу тебе линшоу – дерево долголетия. Оно растет на равнине Дугуан, там, где находится центр земли и неба, и похоже на бамбук, но листья его и трава, что стелется вокруг, зелены зимой и летом. Цветет линшоу дивно, благоухает сладостно!

– Продлив жизнь людям, мы продлим их мучения на земле. Смерть милостиво прекращает их беды и страдания.

– О мой милый, мысли твои не ладят одна с другой! Зачем же длишь ты людские мучения с помощью целебных трав?

– Жалость к несчастным влечет меня по такому пути.

– Жалость? Не лучше ли назвать это жестокостью?

– Подумай, что говоришь ты, Серебряная Фей?! Несчастные благословляют меня!

– О Чжу, не ищи в моих словах обидного смысла. Послушай. Трава ланду, что растет на горе Дакуй и тоже дарует долголетие, пригодна и для исцеления болезней желудка. Невежда может лишь спазмы и колики снять с ее помощью, а человек сведущий приготовит такое снадобье, которое излечит от минутной хвори, но и в то же время продлит жизнь человеку... Исцели судьбу – исцелишь и болезнь, так учили меня души, что ведают судьбою. Я встречала их в

¹⁹ Звезда Венера в древней китайской астрономии.

²⁰ Шэн – особая заколка для волос, напоминающая спицу с двумя дисками.

созвездия Байдоу, в Северном ковше²¹. Если человек будет счастлив, хвори его минуют куда скорей, чем от снадобий. Много лет не выпускала я тебя из своих объятий, но разве покрыли морщины твой лик? Побелели волосы? Позволь мне, пока ты будешь врачевать язвы своих пациентов, украсить их жизнь!

– Как же ты сделаешь это? – недоверчиво спросил Чжу.

Серебряная Дева отодвинула циновку от входа, и Чжу разглядел, что все селение как бы подернуто мглой. Только силуэт Фей сиял на ее фоне.

– Жизнь людей затуманена Нелюбовью. Я рассею сумрак светом Любви.

– Хватит ли у тебя сил?

– Если собрать волю воедино, уподобишься богам, говорят мудрецы. А теперь расскажи, что заботит и терзает людей в твоём селении.

– Здесь ничто не изменилось за годы! Все тот же голод. И опять женщины истомлены тяжким трудом до того, что утрачивают силы рожать детей. Пусты их дома, и сердца их пусты. Не звенит здесь и смех влюбленных: мало у нас в селении девушек. Чуть подрастет у кого-то красивая дочь, ее забирают в прислужницы или наложницы к богатым. Угрюмы юноши наши – нет у них подруг. Те немногие девушки, что остаются, не радуют мужчин... Да и знаешь ли ты, Серебряная Фей, до чего тяжела судьба бедняка? С утра до ночи занят он только лишь мыслями о непосильном труде – когда отдаться заботам сердечным? Изнуренный бедностью теряет умение любить, а значит, теряет и счастье.

– О Чжу! – воскликнула его небесная возлюбленная. – Смотри! Смотри же!

Взметнулся белый шелк ее рукавов – словно метель осенила землю.

Вздых сорвался с уст Фей легким ветерком. Смех росой осыпался. Заблестели глаза, будто луна и солнце разом, а волосы распустились, опутали все вокруг сияющей пряжей. И не узнал Чжу родного селения!

Где ветхие хижинки? Дворцы на их месте воздвиглись. Не скудные клочки земли, многолетним трудом отнятые у гор и камней, а тучные поля зеленеют вокруг, словно блаженство чунхуа – двойного цветения – снизошло на них. Травы кругом восцвели и застрекотали цикады. Росистые орхидеи, каких не видел никто ни на земле, ни в небесных садах, засмотрелись в прекрасное Озеро Грома, а ведь только что на том месте была зловонная лужа...

– Что это, Фей?! Что? – вне себя от восторга спрашивал Чжу.

– Смотри, смотри... – пела в ответ его возлюбленная.

Она ли это парит вдали – и рассыпается разноцветными облаками заката? Вот излилась теплым дождем; вот, обернувшись серебристо-белым драконом Байчи, обвила темно-синее небо вязью иероглифов – непонятных, но прекрасных своей загадочностью... Но все это были только игры, только шалости и забавы. Никто не знал, и Чжу тоже, что же замыслила Серебряная Фей. Никто не ведал, что за нее пламя заката и головокружение цветов опьянят сердца...

²¹ Байдоу – созвездие Большой Медведицы.

Наши дни, Франция

Тут же, неподалеку от торжища, оказались раскинуты прилавки и палатки с едой. Подавали картошку фри и французские охотничьи колбаски с виноградной горчицей – все это обо- жали и Детуры, и примкнувшая к ним Алёна.

Откуда вообще возник миф, будто французы не едят хлеба? Свои длинные багеты они поглощают в огромном количестве! Что и подтверждалось в импровизированной ярмарочной едальне. Причем багеты местных артизанов²² не чета парижским, которые, конечно, кажутся вкусными, но лишь до той поры, пока не отведаешь багета из деревенской пекарни!

Все вокруг запивали острейшие колбаски, как ни странно, пивом. Видимо, бургундцам уже несколько приелось их лучшее в мире вино, вот они и перешли на сей презираемый и Алёной, и ее друзьями напиток. По-русски это называется так: захотелось барыньке вонючей говядинки...

Пришлось пить пепси, но удовольствие от еды было несколько испорчено.

– Сейчас бы вина... – грустно произнес Морис. – Того замечательного, из бочки...

– Так в чем же дело? – воодушевилась Алёна. – Надо вернуться к бочке и растворить перец, соль и жиры.

– А также углеводы, – поддакнула Марина, налегая на картошку.

– А домой как поедем? – сердито спросил Морис. – Я же за рулем. Лучше не искушай! А вам, медам, можно.

– Нет, в знак солидарности и я буду страдать, – засмеялась Марина. – Приедем в Мулян – и немедленно в подвал за шабли! Еще и вкусней покажется.

Алёна кивнула, а про себя решила, что страдать, даже в знак солидарности, не будет, а все же улучит минутку – и втихую сбегает к бочке, глотнет вина, на сей раз не белого, а розового, и, если понравится, возьмет бутылочку с собой, домой, в Нижний Горький – место ее постоянного проживания в России.

Улучать ей ничего не пришлось. Когда наевшаяся компания, ведя в поводу велосипеда, дошла до пресловутой бочки, Марина вспомнила, что забыла купить кастрюльку для приготовления фондю, которую заметила у какой-то торговки.

– Идите, идите, – коварно предложила Алёна. – Велосипеды вот здесь поставьте, около стеночки, а я посижу и посторожу.

Лишь только Детуры, большие и малые, скрылись за поворотом, она подошла к мадему- азель Моро и попросила большой бокал розового вина.

– Paternel!²³ – закричала мадемуазель. – Принеси бутылку розового, у меня кончилось!

В соседнем доме открылось подвальное окно – и оттуда ловко, как шар, выкатился на улицу маленький, толстенький седоголовый старикан с красной физиономией истинного бур- гундца-винодела. Алёна только сейчас обратила внимание на название улицы: guelle Carnet, переулок Погребов. Ну очень в тему!

Выкатился старикан, конечно, не из простого погреба, а из винного. В руке он держал стеклянный кувшин розового вина (из кувшина, между прочим, в процессе выкатывания из окна не было пролито ни капли – в знак того, что профессионализм не пропьешь!), а под мыш- кой – запечатанную бутылку с этикеткой, на которой было написано: «*Les vins de Moro*», и даже номер телефона виноторговца значился. Похоже, папаша Моро не сомневался, что покупатель- ница, раз глотнув его розового, непременно захочет взять целую бутылку. И, не исключено, потом вновь обратится к виноторговцу за новыми поставками.

²² Artisan – ремесленник, кустарь (франц.).

²³ Папаша (франц.).

Ну, про «потом» говорить рано, а пока Алёна и в самом деле решила купить бутылку розового с собой. Она с удовольствием осушила один бокал и попросила второй, поставила купленную бутылку рядом с велосипедами и села на низкую ограду с фужером в руке.

Это было просто райское блаженство. Рядом, за оградой, цвели на кусте немыслимые розовые розы, пахнувшие так, что голова кружилась... Не исключено, конечно, что кружилась она также от розового вина, от солнца, от переполненного желудка и вообще от радости жизни. Да еще и шмель кружился над розами и басовито сообщал всем на свете, что у него тоже все великолепно.

Захотелось снять очки, подставить лицо солнцу, но Алёна боялась, что при виде ее синяка от нее разбегутся и разлетятся все, включая и шмеля, вино прокиснет, а розы завянут. Нет уж, не надо!

– Нравится? – спросил старикан, вкатываясь обратно в погреб и улыбаясь на прощание. – Можете не сомневаться, розовое шабли Гийома Моро – лучшее из обычных вин в округе!

Алёна растерянно кивнула, внезапно кое-что вспомнив.

«Здесь неподалеку, километрах в двадцати, есть городок, который называется Троншуа, и там мсье Гийом Моро продает в базарные дни вино из своих погребов, красное, розовое и белое... так вот розовое – одно из лучших обычных шабли, которые я пробовал». Вроде так сказал гид из шато Талле. Вот почему фамилия Моро показалась Алёне знакомой, вот откуда она знала название городка раньше, чем услышала про ограбление замка. Троншуа... Девушка, которая, очень может быть, имеет отношение к ограблению в Талле, тоже из Троншуа. Снимала здесь комнату, потом исчезла... А если спросить у мадемуазель Моро, знает ли она что-нибудь об этой истории?

Да ну, ерунда, наверняка полиция уже всех перетормошила. И все же за спрос денег не берут... Алёна спустила ноги с ограды и направилась было к мадемуазель Моро, как вдруг увидела, что приближаются Морис, Марина и дети.

Лизочка бежала со всех ног, личико обеспокоенное, губы дрожат. Подскочила к Алёне и схватила ее за правую руку:

– La dame, она принесла... она отдала тебе le bracelet?

Когда Лиза волновалась, она всегда мешала русские и французские слова, причем начинала и на том, и на другом языке говорить неправильно, и порой понять ее было довольно сложно.

– Какая дама?

– Ну, такая... la chauve... лысая...

– Что-то я не пойму, – растерялась Алёна.

– Ну я же говорила, что она его просто забрала! – сердито сказала Марина, подходя. – Или вы, девчонки, все выдумали? Браслет потеряли и сочинили в оправдание сказку про лысую тетку?

Лиза расплакалась, а Таня обиженно закричала:

– Нет, мы не выдумали! Ничего, ничего не выдумали! У Лизы le bracelet забрали, а я свой не потеряла, вот он! – И она отдала Алёне браслет с жемчужинками.

– Слушай, ты извини, – виновато заговорила Марина, – какая-то темная история... Мы пока, извини за выражение, какелон покупали...

– Что? – испуганно воскликнула Алёна.

– Ну, фондюшницу, – хихикнула Марина. – Она по-французски так называется – saqueleon. Так вот, мы с Морисом ее рассматривали, а девчонки тарасились на всякие стеклянные фигурки из местной verrière, и у Лизки упал с руки браслет. Тут к ним подошла какая-то лысая, в черном платье, в темных очках и... Что именно она сказала, Лиза?

– Она сказала: «Девочка, ты браслет потеряешь, лучше давай я его сама отнесу той даме avec un bleu... с синяком...» – сквозь слезы выговорила Лизочка.

Марина сочувственно поглядела на очки, надежно скрывавшие недавно появившееся украшение Алёниной физиономии:

– Лизка растерялась и отдала браслет. И все, лысая как сквозь землю провалилась вместе с ним! Только, может, это выдумка?

– Нет, правда! – еще пуще заплакала Лиза. – Она нам с Танечкой *les tablettes de chocolat*, шоколадки, дала, маленькие такие. Мы их съели, а обертки в сумочки положили. Посмотрите, *si ne croyez pas*, если не верите...

– Тише, моя радость! Я верю. – Алёна подхватила девочку на руки и снова села на ограду. Затем взглянула поверх склоненной Лизочкиной головы на подругу. – Понимаешь, Мариш, та лысая тоже на браслет глаз положила, но я успела купить его раньше. Однако она, зараза, по всей видимости, не успокоилась: как только увидела его у Лизочки – сразу и выпыганила. Да ладно, шут с ней, пусть это будет самой большой потерей в моей жизни, – усмехнулась Алёна, целуя Лизу. – Успокойся, мое счастье, такая ерунда не стоит твоих слез, браслет мне не очень-то и нравился.

Врать, конечно, нехорошо, но ведь во спасение...

– Ага, Лизочка-то и радость твоя, и счастье, а я кто? А я никто, что ли? – внезапно зарыдала Таня, пытаясь разнять руки, обнимавшие сестру, и самой забраться к Алёне на колени.

– Ты? – Писательница Дмитриева никогда не лезла за словом в карман, не растерялась и тут: – Ты мое сокровище, *mon tre'sor*!

– А я не *tre'sor*?! – снова залилась слезами притихшая было Лиза.

Алёна и Марина переглянулись. Девчонки явно устали. Они не привыкли пропускать дневной сон, их надо было срочно везти домой и укладывать спать.

Спешно двинулись к стоянке, причем Алёне пришлось поочередно нести на руках то Лизу, то Таню да еще вдобавок спрятать в свою сумку их новенькие бисерные сумочки, которые обеим почему-то мигом разонравились. А на стоянке их ждал сюрприз: выяснилось, что в «Пежо» Мориса могут поместиться либо люди, либо велосипеды и прочее барахло, в том числе какелон и Алёнино вино.

– Вот черт, я как-то не подумал... – простонал Морис, то растерянно глядя на свою команду, то с упреком – на «Пежо», который почему-то оказался не резиновым.

– Поступим так, – решительно сказала Алёна. – Вы, Морис, едете домой, а я караулю тут велики. Высаживаете семейство и возвращаетесь за нами.

– Нет, мы без велосипедов не поедem! – зарыдали девчонки пуще прежнего.

– Какие-то проблемы? – послышался рядом веселый голос. – Мы не можем вам помочь?

Это были соседи – Жильбер и Жаклин. Они мигом оценили ситуацию и предложили довести Марину и девочек в своем «Рено». Обрадованный Морис начал устраивать велосипеды в «Пежо», но оказалось, что они занимают весь багажник, все раскладное заднее сиденье и захватывают даже переднее. То есть Алёне сесть некуда.

– Не мучайтесь, – сказала она самоотверженно. – Вы поезжайте двумя машинами...

– Я вернусь за вами через час! – пообещал Морис.

– И не вздумайте! – возразила Алёна. – Вон там остановка автобуса, который идет через Нуайер. Там я сойду, а оттуда до Муляна рукой подать.

– Ничего себе, рукой подать, – шесть километров! – ужаснулась Марина. – Хотя для тебя это ерунда, конечно...

– Вот именно! – радостно заявила наша героиня, которая по утрам часто бегала в Нуайер и обратно за милую душу. – Через час дойду, ничего страшного. Я с удовольствием прогуляюсь, честное слово. Тем паче после такого мощного обеда...

– Автобус пойдет через сорок пять минут, – сообщил Морис, бросив взгляд на расписание.

– Вот и отлично, – кинула Алёна.

На том и порешили.

30-е годы XX века, Париж

– Зинаида Николаевна! Милая моя! Как я рад, что вас встретил!

– Профессор! Боже мой, профессор... не верю глазам своим...

– Да, знаю: и похудел, и похужел, и постарел. Все мы не молодеем, тем паче в ту пору, в которую нам жить привелось. Только вы – как юная девочка, с вашими необычайными рыжими волосами.

– Бросьте, Игнатий Викторович, меня уже седой можно называть, а не рыжей. Как вы? Как супруга?

– Благодарение богу, все наши живы пока. Конечно, тоскуем по России, но... но... «Ужель прошло – и нет возврата?» – кажется, так вы некогда писали? Но нет, не станем вспоминать. А Дмитрий Сергеевич как?

– Слава богу, пишет, много пишет. Конечно, и он в постоянных мыслях о России... но и мы тоже стараемся о прошлом пореже вспоминать. Нет в России жизни в это паскудное время!

– Эх, время... Иной раз я диву даюсь, что мы еще живы после всего, что перенесли. Время бежит, а мы все живем... Сколько же мы с вами не виделись? Неужто встречались последний раз на похоронах профессора Шахматова, царство ему небесное?

– Нет, если не ошибаюсь, и после того сводила нас судьба – в приемной комиссарши всех театров и зрелищ, госпожи, ах нет, товарища Андреевой...

– Ох, не напоминайте, Зинаида Николаевна, не напоминайте мне о том позоре! Доведен я был до отчаяния, вот и явился к этой... господи, прости, не ведаю, как назвать... милостыньки просить... К счастью, после того как вы с Добужинским ушли, хохоча, и мне омерзительно стало, я тоже ушел.

– О, вы слишком строги к себе, профессор, и деликатны чрезмерно. Господи, прости... Прости, господи! Она самая настоящая прости-господи! Всегда такой была, еще в ту пору, когда Савву Морозова в могилу свела. А потом при своих пристроилась, кому она всю жизнь помогала. Вы знаете, к слову, отчего мы с Добужинским тогда хохотали?

– Да нет, не слышан.

– Ну как же! Помните, Марья-то Федоровна, товарищ Андреева, в каких перьях, в каких шелках хаживала в восемнадцатом году на фоне разоренного, голодного Петрограда? А ее красный автомобиль помните? Все думали, она так выражала свою радость от победы большевиков, а она просто дура, бестактная дура. В тот день Добужинский вошел к ней в кабинет, к комиссару всех театров, а она стоит посреди кабинета в каком-то безумном зеленом платье... вокруг картонки с туфлями, множество картонок... И плачущим голосом вопиет: ни одни-де туфли к платью не идут, вы же художник, сделайте что-нибудь! Заставила его модель туфель придумать, которые шли бы к платью...

– Господи, господи, ты все зришь... отчего ж не наказуешь?!

– Господь-то все зрит, но, кажется мне, просто отступился. До подобных тварей дотронуться омерзительно, вот он руки и умыл. Особенно до этих двоих, Андреевой с Горьким. Еще в Петрограде в восемнадцатом слышала: буревестник в стервятника превратился, живет на счет большевиков. Рассказывали, Гумилева, когда его, мальчика светлого, к расстрелу приговорили, спастись не пожелал...

– В самом деле? А я слышал, якобы и Горький, и Андреева лично к Ульянову-Ленину обращались, но именно он не пожелал.

– А хотите еще один вариант? Ульянов-Ленин решил выполнить просьбу, но, когда позвонил в Петроград, в Чрезвычайку, оказалось, что Коля уже казнен... Не знаю, где правда, и никто не знает. Я Горькому не верю, он Николая к своей любовнице, к Варваре, очень сильно ревновал. А теперь засыпал ее тряпками, одел, как куклу, возит везде с собой и по магазинам,

и по складам. Вообще спятил, да и давно. Я отлично помню, он еще в восемнадцатом начал жадно скупать всякие вазы и эмали у презренных «буржуев», умирающих с голоду. У большого старика Епифаньева, интеллигентного либерала, сам приехал смотреть остатки китайского фарфора. И как торговался! Рассказывали, квартира бывшего буревестника на Кронверкском имеет вид музея – или лавки старьевщика, пожалуй. Ведь горька тут участь Горького, мало он понимает в предметах искусства, несмотря на всю охоту смертную. Часами сидел, перетирая эмали, статуэтки, любуясь приобретенным... и, верно, думал бедняжка, что это страшно «культурно»! А потом стал скупать и порнографические альбомы. Но и в них ничего не понимал. Мне один антиквар-библиотекарь с невинной досадой говорил: заплатил-де Горький за один такой альбом десять тысяч, хотя тот и пяти не стоит. А я ему в ответ: мил-человек, да пусть его пролетарское жопавытирательство хоть бы и вовсе разорилось, вам-то что за печаль?

– Зинаида Николаевна! Госпожа Гиппиус! Сударыня! Эка вы...

– Что, смутила вас? Неужто русского человека еще чем-то смутить можно?

– Оно конечно, да все ж вы... как вспомню...

– Вы, разумеется, вспоминаете мои белые платья и черные бархатные кюлоты? М-да, я была другой, и все было другим. Да вот тот же Горький! Буревестник-буревестник, а кем стал? До меня тут давние сплетни из Совдепии дошли: говорят, он едва не угодил в лапы своим же приятелям-чекистам. Чуть ли не сам Ульянов-Ленин его выручал. Горького ведь «ромовая баба» очень сильно невзлюбил...

– Кто?!

– Глеб Зиновьев, председатель Петросвета. Он так разъелся на партийном пайке, что стал на бабу похож, ну а поскольку к бутылочке непрестанно прикладывается, его и прозвали «ромовой бабой». Но я не о Зиновьеве речь веду. Горький попался на том, что коллекцию антикварных редкостей норовил продать за границу по бросовой цене. Разумеется, не сам-один, с курируемой им экспертной комиссией. А может, наоборот, стоимость их завышал, чтобы побольше комиссионных в свои лапы огрести, точно не могу сказать. Притом пытались они подменить кое-какие экспонаты... Горький-то, я уж говорила, страстью к китайскому фарфору преисполнился ну просто патологической. Что ни день, в свою Оценочно-антикварную комиссию Народного комиссариата торговли и промышленности наезжает. А там вещи откуда? Из имущества, конфискованного во дворцах и особняках знати, в банках, антикварных лавках, ломбардах и тому подобное. Часть отобранного должна была попасть в музеи, а часть собирались продать с молотка за границей. Не брезгали и тем, что чекисты отнимали у грабителей. Вор у вора дубинку украл! Ходили слухи, ограбили на вокзале французского консула, да в числе прочих вещей унесли его чемодан с коллекцией порнографических статуэток. Консул в чеку ринулся, еще не зная, что Россия нынче не та, что власть у татей ношных с кистенями. Ну, там его так настрашали, что он на все рукой махнул и уехал ни с чем. Жизнь, как говорится, дороже! А между тем вроде бы грабителей настиг патруль, и вещи забрали. Но статуэтки потом Горькому достались.

– Зинаида Николаевна, да неужто это правда?

– Хм, как сказать, Игнатий Викторович, за что купила, за то и продала. Может, и слухи, да мне, знаете ли, все слухи, которые этих тварей чернят, милы. А еще говорят, что он в своих бабах запутался окончательно. Живет теперь с Мурой Будберг, Варвару от себя отослал, у них дочь родилась, Ниночка, как две капли воды – папаша, только усов нет. Их якобы наш буревестник снабдил кое-каким награбленным антиквариатом – да и поселил за границей. Финансово поддерживает. Все, видимо, что по закромам чужим нашарил, теперь продает за границей. А впрочем, живет припеваючи за счет издания своих богопротивных сочинений. Большевики-то на него надыхаться не могут!

– Ненавидите вы его...

– Ненавижу. До смерти буду ненавидеть. Вон, Ульянов-Ленин помер уж сколько лет назад, а разве моя к нему ненависть за то, что он сделал с Россией, меньше стала? Так и к пособнику их ненависть не утихает. Слезы мои ее не гасят, а разжигают.

– Понимаю вас... Понимаю. Ну ничего, им еще отольются наши слезы! Сами еще кровавыми слезами заплачут! Я вам как историк скажу: революция пожирает своих вождей. Они все пожрут друг друга!

– То же и Мережковский говорит непрестанно. И я согласна с этим. Они все обречены.

И мы простим, и Бог простит.
Мы жаждем мести от незнания.
Но злое дело – воздаянье
Само в себе, таясь, таит.

Наши дни, Франция

Для начала Алёна снова прошла по ярмарке, высматривая воровку. Правда, сама хорошенько не знала, что устроила бы, увидев ее, но что-нибудь устроила бы точно, за наглый грабеж, и кого – ребенка! Было жаль браслета, слов нет, но куда больше было жаль Лизочку, испытывшую такой стресс. Конечно, стресс для ранимой-то детской души!

При виде Лизиных слез Алёну охватило просто бешенство. Девочку, вернее, обеих девочек она любила как родных, сестрички выросли у нее на глазах, даже, можно сказать, и у нее на руках: приезжая довольно часто в Париж, Алёна нянчилась с ними, возила в коляске, гуляла, играла, строила песочные города, покупала игрушки, рисовала и лепила из пластилина, читала книжки, которые сама же и привозила, даже рисковала ради них жизнью...²⁴ За Лизочкину слезинку наша героиня без раздумий сжила бы со свету не одну лысую воришку, а десяток!

Но бодливой корове, как известно, бог рогов не дает, и Алёна злодейку не нашла. Да и не такая дура та лысая, чтобы ждать, когда возмущенная дама с синяком ее разыщет и навтыкает по первое число!

И тут Алёна аж споткнулась. Секундочку! А откуда лысая знала, что у нее пресловутый *un bleu*? За очками же ничего не видно, сама нарочно проверяла... Возможно, лысая просто догадалась? Или у нее самой разбита физиономия, потому она и носит тоже очки, вот и сообразила? Рыбак рыбака, так сказать...

А может, лысая уже где-то видела Алёну без очков, с синячищем? Но где? Единственное место, где наша героиня сегодня выставляла на всеобщее обозрение свою физиономию, – бассейн. Ну и еще дом Детуров. Но последний вариант отпадает – дома, в Муляне, лысой точно не было. Да вроде и в бассейне тоже... Или Алёна просто не заметила там ее, пакость такую. Жаль, что придется распрощаться с мыслью напакостить «черной даме» в ответ – лысая исчезла. Значит, надо заняться поисками горничной из Талле.

Зачем? Почему надо? Да просто потому, что делать больше нечего. До прихода автобуса еще полчаса.

Алёна направилась в сторону Ruelle Carnet. Мадемуазель Моро встретила ее как родную и немедленно кликнула своего шарообразного папашу, который с готовностью снова выкатился из погреба, а вслед за ним, вообразите, вылез – правда, не столь проворно – продавец велосипедов Жак Бланкет. При виде его мадемуазель Моро зарделась: видимо, романтическая догадка писательницы Дмитриевой была не столь далека от истины.

Алёна спросила бутылку белого вина с собой и бокальчик – на месте. Это была четвертая порция за день, многовато для ее отнюдь не луженой глотки и слабого организма, однако нашей героине уже было море по колено.

– Мадам, вы русская? – спросил Жак Бланкет. – Я сразу догадался. Ведь вы исключительно красивы!

Нет, само собой, французы весьма галантны, но чтоб до такой степени... Разглядеть исключительную красоту под черными очками, скрывающими синячище, это ж кем надо быть?!

– *Coureur!*²⁵ – проворчала мадемуазель Моро, давая ответ на незаданный Алёнин вопрос. И еще довесила от души: – *Putassier!*²⁶

²⁴ Подробнее читайте в романах Елены Арсеньевой «Поцелуй с дальним прицелом» и «Дневник ведьмы», издательство «Эксмо».

²⁵ Бабник (*франц.*).

²⁶ Потаскун! (*франц.*)

– Спасибо, мсье, но... – пробормотала наша героиня, еле удерживаясь от смеха и делая вид, что поперхнулась вином. – Но ведь мои очки...

– Вы хотите сказать, что они скрывают вашу красоту? – прищурился потаскун и бабник. – От Жака Бланкета невозможно скрыть подлинную красавицу, у Жака Бланкета глаз такой – видит женщину насквозь! Тридцать лет назад я сказал Манон Моро, что вижу: больше всего на свете она мечтает выскочить за меня замуж. И Манон так обиделась на правду, что с тех пор отказывала мне шестнадцать раз! А сегодня я видел еще одну красавицу, которая обиделась на меня за то, что я сказал правду.

– Неужели и ей ты сказал, что она мечтает выйти за тебя замуж, старый ты bavard?²⁷ – ехидно засмеялась мадемуазель Моро.

– Нет, я ей сказал, что она такая красивая, что даже бритая голова ее не портит, но с длинными волосами выглядела бы куда лучше, и ее мужчина немедленно сделал бы ей предложение, – гордо сообщил Жак Бланкет. – Хотя, между нами, мужчина, который бреет подмышки и все руки, не мужчина, а сущий pidermon.

Вот теперь Алёна в самом деле поперхнулась (по-прежнему от смеха), сразу смекнув, о ком речь. О лысой воровке и ее кавалере!

Значит, у бритоголового и веснушчатого мужчины бритые руки и ноги? Вот что показалось ей странным, когда парень чесал ногу, задрав штанину, – нога была безволосая. Однако редкость для мужчины!

Потом он одернул штанину, потому что лысая ему что-то сказала... Что? Это было как-то связано с Алёной?

Вообще ситуация становилась очень интересной... Получается, лысая и правда где-то видела Алёну с синяком? Где именно? Только в бассейне, снова подумала наша героиня...

Собственно, неудивительно, что она ее не заметила, ведь была чуток не в себе из-за всеобщего внимания. Тогда дежурная писины могла лысую запомнить... Выходит, «черная дама» живет где-то в районе Тоннера, не нарочно же девица потащилась в бассейн, чтоб Алёну выслеживать. Зачем ей? Браслетика козырного тогда на писательнице еще не было, так что повода ее преследовать не имелось...

Или все же имелся? Но какой?!

Черрррт, четвертый стакан вина – явно перебор. Мысли путаются, и язык заплетается. А ведь главный вопрос так и не задан!

– Мсьедам²⁸, – промямлила Алёна, – вы не слышали, какое несчастье случилось на днях в Талле?

Красные лица бургундцев мигом посерьезнели.

– О, конечно, – кивнул папаша Моро. – Всех замучила вопросами полиция. Особенно нас с Манон, потому что именно в нашем доме снимала комнату та девушка, уборщица.

– Такая миленькая особа, – огорченно сказал Жак Бланкет. – У нее очаровательная улыбка! Я не верю, что малышка замешана в какой-то преступной афере.

– А я верю, – с грозным выражением обернулась к нему мадемуазель Манон. – Иначе почему бы она уехала так внезапно? Оставила записку: «Я должна срочно съездить в Париж, у меня неприятности» – и исчезла!

– Ну, насколько мне известно, девушка оставила не только записку, но и деньги в оплату за жилье, – заметил папаша Моро и украдкой подмигнул Бланкету. – Так что была в полном праве уехать куда и когда угодно.

– А кстати, вы не знаете, откуда она? – с самым невинным и безразличным видом спросила Алёна.

²⁷ Болтун (франц.).

²⁸ Обычное во Франции обращение к компании мужчин и женщин.

– Не знаю, откуда, но знаю, что шлюха, – проворчала Манон.

– Девушка из Парижа, – ответил папаша Моро, ухмыльнувшись словам дочери. – Она рассказывала, что учится в Школе искусств в Лувре, а во время ваканс (надо заметить, что французы никогда не употребляют слово «каникулы», говорят только vacances!) устраивается на работу в разные замки, чтобы, так сказать, приобщаться к красоте.

– Не удивлюсь, если приобщается она именно для того, чтобы уменьшать количество этой красоты. И из каждого замка что-нибудь тащит. У нее внешность типичной авантюристки, – сурово заявила Манон.

Папаша Моро снова подмигнул Бланкету.

– Ну, не знаю, все мечтают о лучшей доле, даже авантюристы, – философски проговорил тот. – Девочка хотела найти работу получше, не уборщицы, но это было невозможно.

Можно себе представить. Французская провинция оскудевает людьми именно потому, что здесь не найти работы, вот все и перебираются в крупные города. Обычное развитие капитализма!

– Вообще-то, странно, – сказала Алёна, – что, работая в Талле, она поселилась в Троншуа. Это ведь не очень близко!

– В Талле не найдешь жилья, – пояснил Жак Бланкет. – Здесь, в округе, масса народу поступает именно так: живут в одном месте, работают в другом. Большинство обслуживающего персонала замка, несколько гидов живут в Тоннере, многие – в Монбаре, ну а у нас жила одна Чжэн.

– Чжэн? – удивилась Алёна. – Вроде бы китайское имя, верно?

– Конечно, – фыркнула Манон. – Девчонка ведь и не француженка. Она китаянка!

Вторая половина XIX века, Китай

В дворцовом хранилище книг Лан Эр наткнулась на записки Ли Чжу – путешественника, некогда побывавшего за тысячи, тысячи ли от родного края – в стране под названием Франция. Было это давно, за несколько поколений до рождения Лан Эр. В ту пору в той стране властвовала правительница с именем, которое Лан Эр, как ни пыталась, не смогла прочитать. Ли Чжу ставил рядом иероглифы благополучия и несчастий, пытаясь передать ее имя. Видимо, такой она и была: приносила людям несчастья ради своего благополучия. Несколькими десятилетиями позже, когда во дворце появились люди, сведущие в европейских языках, Лан Эр узнала имя правительницы: Екатерина Медичи. В ее стране титул звучал так: королева. Она свела в могилу очень многих своих сановников, в основном тех, кто с ней спорил, как именно нужно поклоняться их главному божеству. Ради уничтожения своих противников королева однажды вывела на улицы сотни единомышленников, и те всю ночь жестоко убивали приверженцев иной веры. Кроме того, Екатерина Медичи прославилась как большой знаток ядов. У нее были помощники, разделявшие с ней это увлечение. Правильное звучание их имен Лан Эр тоже узнала много позже. Их звали Козимо Руджиери, мэтр Рене, Тихо Браге. Все они были великими учеными своего времени – например, Тихо Браге занимался исследованием звезд и их движения. К таким людям Лан Эр относилась восторженно. Может быть, Тихо Браге видел среди звезд Серебряную Фей, которой якобы была обязана своим происхождением Слива Мэйхуа?

Но Ли Чжу поднимал на смех и Тихо Браге, и Козимо Руджиери, и саму королеву Екатерину Медичи. Путешественник называл их варварами, потому что они пользовались грубыми ядами, которые назывались у европейцев мышьяком и кантареллой и которые действовали очень быстро, отчего сразу указывали на отравителя. В противовес им Ли Чжу превозносил своих соотечественников, жителей Поднебесной, а также живущих через море обитателей маленькой островной страны Нихон, Родины Солнца. Именно у Ли Чжу обнаружила Лан Эр упоминание об алхимике Ге Хуне. Она начала искать его труды и труды нихонских ученых, нашла... и надолго потеряла покой от тех возможностей, которые теперь перед ней открывались. Ведь целью ее жизни было стать для императора единственной, не только в постели (этого она уже почти добилась с помощью премудростей, которым ее научила Сун Мэйхуа), но и на троне.

Но если Лан Эр ничем не интересовалась, кроме своих планов, то мысли императора довольно часто бывали весьма далеки и от любви, и от постели. Он-то как раз думал только о троне, потому что в то время жизнь в Поднебесной была далеко не безоблачной. В Китае шла Вторая опиумная война.

Еще с конца XVIII века, когда иностранная, в частности английская, торговля с Китаем сосредоточилась в руках Ост-Индской компании, большое распространение в Китае получила контрабандная торговля опиумом. Ост-Индская компания взяла в свои руки производство наркотика в Бенгалии и хотела узаконить сбыт опиума.

Тогдашний китайский император Даогуан осознал всю пагубность опиокурения для своих подданных, приводившего к подрыву здоровья населения, разложению нравов, разорению ремесленников, упадку дисциплины в армии. Он потребовал от британских и американских торговцев прекращения опиумной торговли. А по его приказу у торговцев были конфискованы наличные запасы опиума – свыше 20 тысяч ящиков – и уничтожены.

Правительство Великобритании тотчас объявило эти действия незаконными и послало к китайским берегам эскадру. В апреле 1840 года англичане официально объявили Китаю войну, получившую название Первой опиумной войны.

Китайское правительство, боясь разгрома, пошло на уступки. Однако британцам так и не удалось добиться формальной легализации ввоза опиума в Китай, хотя контрабандная торговля фактически не запрещалась. Чтобы вообще легализовать ее, британцы и американцы развязали Вторую опиумную войну.

Тем временем в стране и так шла гражданская война! Образовалось Тайпинское государство, которое мечтало отъединиться от имперского Китая. Ослабленный заботами Сянфэн совершенно перестал обращать внимание на те вещи, которые творились в его дворце.

А между тем во дворце творились странные дела...

Началось все с того, что около маленькой калитки в заборе, окружавшем дворец (как известно, во всяком, даже самом высоком и неприступном заборе непременно сыщется маленькая потайная калиточка), порой появлялись мальчишки с какими-то узелками. Они стучали особым образом, и на стук появлялся молодой евнух по имени Бао, который узелки забирал, отдавая взамен мелкую монетку. Мальчишки убегали, а евнух украдкой нес узелки в павильон, где жила Лан Эр. Бао знал, что в узелках находятся большие жабы. Даже ему противно было заглянуть внутрь, а что делает с жабами любимая императорская наложница?! Говорят, их желчь как-то используют для приготовления приворотных зелий... Ну что ж, во дворце давно болтали: Лан Эр, дескать, опоила императора любовным напитком, то-то он без нее ни одной ночи не проводит.

Бао был влюблен в Лан Эр (да-да, и евнухи способны любить, пусть и безответно... а некоторые даже и не безответно, как мы узнаем вскорости), а потому не мог думать ни о чем другом, кроме как о любви. Но ему было страшно, что владычица его грез уподобляется старой, отвратительной ведьме из лесной хижины, потому Бао старался не смотреть, что делает с жабами Лан Эр.

Она же варила вовсе не приворотное зелье, а яд. Насаживала жабу на вертел над очагом и поджаривала. Как только кожа жабы начинала пузыриться, яд капал в специально подставленный поддон. Согласно научным трактатам, его следовало высушить и в таком виде хранить многие годы.

Однако Лан Эр понимала: всякий яд должен быть испытан. И вот она вдруг сделалась очень доброй и милой со всеми, кто ей только попадался во дворце, – и с придворными дамами, и со служанками, и с евнухами, и со стражниками, и с кухонными мальчишками. Раньше была заносчива и своенравна, а теперь просто не узнать ее стало! И для всех-то у нее припасен какой-нибудь маленький подарочек, какая-нибудь сладость, ею самой приготовленная. И так заботливо Лан Эр всегда о здоровье осведомляется, спрашивает, не болит ли что...

Не болело. Разве что слегка расстраивался желудок. Так ведь чем легче опорожняется кишечник, тем человек счастливей, как уверяют мудрецы.

Но Лан Эр хотела совершенно другого! В чем дело? Почему ей не удавался яд, приготовленный по рецепту отъявленных убийц из страны Нихон? Жабы не те? Наверное... Но других добыть не удалось. Да и опасные опыты с ними пришлось прекратить, потому что поползли по дворцу слухи – мол, колдовством занимается любимая наложница императора...

Лан Эр испугалась и на время притихла. В книгохранилище больше ни ногой, сидела себе в своем павильоне и пела нежные песни, которые во множестве узнала от Сливы Мэйхуа. Но украдкой, когда точно знала, что ее никто не увидит, читала старинную рукопись, которую утащила из хранилища. Рукопись эта была посвящена яду гу.

Рецепт его приготовления, по описанию, был чрезвычайно прост: внутрь большого глиняного горшка нужно посадить самых ядовитых существ – скорпионов, змей, многоножек, пауков. Сильнейший должен был съесть остальных и вобрать их яд. Ну а потом из него следовало выдавить этот яд – и пустить его в дело.

Просто? Так только кажется! Опять начали по ночам сновать вокруг дворца мальчишки с узелками, и опять преданный Бао носил те узелки к павильону, в котором жила Лан Эр...

Наши дни, Франция

Алёна чуть не выронила бокал. Китайка? Еще одна?! Не много ли китайок сновали в день ограбления вокруг шато? Та красотка с итальянцем, теперь уборщица... Хотя что тут удивительного: китайцев во Франции не меньше, чем русских или евреев.

– Китайка?

– Ну да. Только не настоящая.

– Как не настоящая?!

– Не из Китая, а из России. Из какого-то дальневосточного города... Владо... стоко...

– Из Владивостока?

– Вот-вот, – обрадовался Жак Бланкет. – Ее предки давным-давно поселились в России, но сохранили свои традиции. А она ненавидела и эти традиции, и Россию, хотела жить во Франции, с детства мечтала. Ее прадед некогда служил у француза и сохранил об этом самые восторженные воспоминания. У Чжэн была настоящая навязчивая идея, и наконец она ее осуществила. Правда, не слишком была довольна жизнью здесь. У нее вроде бы был какой-то мужчина, но потом оказалось, что у него есть другая... В общем, обычная история. У всех неудачная любовь бывает, вот и у Чжэн тоже.

– Чжэн... – повторила Алёна. – Красивое имя.

– А ей не очень нравилось, – сказал Жак Бланкет. – Она говорила, что этим именем можно назвать и мужчину, и женщину. Правда, второе имя у нее очень женственное, но его я забыл, что-то вроде Фен или Фан... но означает оно «аромат», а вместе оба имени переводятся так – «Возносящийся вверх аромат». Красиво!

Папаша Моро снова подмигнул, Манон фыркнула.

– У китайок не только имена красивые, они и сами хороши собой, – сказала Алёна, надеясь таким невинным способом выведать, как выглядела загадочная горничная, однако не учла бурного темперамента мадемуазель Моро.

Та бросила уничтожающий взгляд на Алёну, вскочила так стремительно, что крошечный стульчик, на котором сидела толстуха, опрокинулся, – и кинулась прочь.

– Хм, а ведь Манон приревновала китайку к тебе, Жако! – ухмыльнулся папаша Моро. Теперь уж Бланкет залихватски подмигнул:

– Если я вижу, что женщина красива, то не упущу возможности сказать ей об этом!

– А еще какой ты возможности не упустил? – подначивал папаша Моро. – Столько сплетен о Чжэн собрал... Она сама тебе рассказывала? В постели женщины очень откровенны! Давай, признавайся, я ничего не скажу Манон!

Несколько мгновений Бланкет медлил – на лице его отчетливо читалось желание наврать с три короба. Однако то ли постыдился, то ли не поверил, что папаша Моро не проболтается дочери. Ведь та тогда уж точно никогда не ответит согласием на его, Бланкета, очередное предложение руки и сердца.

– Не было ничего, – вздохнул мужчина. – Я только один раз ей письмо написал, да она не ответила...

– Может, Манон перехватила? – заулыбался папаша Моро. – Дочка у меня ревнивая – просто страсть! Вся в свою мамашу покойную.

– Папаша Моро, ты отстал от жизни! – захохотал Бланкет. – Сейчас никто не пишет писем на бумаге, не отправляет их в конвертах. Все строчат sms и передают по телефону. Или отправляют послание по электронной почте. Но я не знал e-mail Чжэн. Да если бы и знал, что проку: компьютера-то у меня нет! Зато как раз в тот день, когда замок позавчера утром ограбили, я слышал, как она говорила с кем-то по телефону и диктовала свой номер: 06 45 22 16 59. У меня память хорошая, и номер я запомнил сразу. Телефон мобильный, в нем 06

впереди, значит, можно написать sms, подумал я. И написал. И отправил сразу же. Но ответа так и не получил. Может, она просто хотела, чтобы я за ней ухаживал подольше? Но Чжэн исчезла, и я ничего не успел...

– Папаша! – послышался разъяренный голос Манон. – Долго вы будете болтать? Обедать давно пора, все стынет!

– Пошли, Жак, – весело сказал папаша Моро. Затем винодел посмотрел на Алёну. – И вы пойдёте, мадемуазель. Манон бывает иногда злющей, но готовит великолепно. Такой суп из courges, как делает она, вы нигде не пробовали, клянусь!

Алёна не сомневалась, что не пробовала: даже само существование супа из courges, как называют во Франции кабачки цукини, было для нее открытием. Однако желудок все еще отягощали охотничьи колбаски – наверное, их следовало растворять гораздо большим количеством вина или вообще не вином, а чем-нибудь покрепче, – и упоминание о еде не вызывало энтузиазма. Да еще очень своевременно пришло в голову, что через пять минут отправляется автобус на Нуайер. Поэтому наша героиня торопливо поблагодарила, простилась с новыми знакомыми, – но только выскочила из guelle Carnet, как мимо просвистел темно-серый «Мерседес», остановился напротив дома Моро и властный мужской голос, почему-то показавшийся Алёне знакомым, окликнул:

– Мсье Моро, мсье Бланкет, минутку!

Те двое оглянулись. Из автомобиля вышел невысокий худой мужчина в невзрачном джинсовом костюме – черноволосый, кудрявый, с роскошными, просто пушкинскими бакенбардами.

При виде его Алёна споткнулась.

– У меня еще пара вопросов относительно известной вам Чжэн Фанг, – громогласно заявил вновь прибывший. – Нужно кое-что уточнить. Может быть, пройдем в дом?

– Конечно, мсье Ле Пёпль, – забормотал папаша Моро с виноватым видом, – прошу вас, проходите!

Ле Пёпль... Да ведь это фамилия того самого лейтенанта окружной жандармерии, который ведет дело об ограблении замка Талле... Как его назвал диктор? Точно, Жоэль Ле Пёпль! И кстати, Алёна же его знает! Фамилию слышит впервые, а так-то знает – именно Жоэль прошлой зимой доставил ей массу неприятностей самого разнообразного свойства. Конечно, мужчина великолепно танцевал аргентинское танго – а наша героиня, напоминая, была неистовой поклонницей этого танца и старалась не пропускать ни одной милонги (так называется вечеринка, где танцуют только аргентинское танго), в каком бы городе она ни оказывалась, в первую очередь в Париже, – но даже и это не могло служить извинением его поведению. Сначала Жоэль едва не сдал Алёну своему приятелю, лютому полицейскому агенту Диего Малгастадору, а потом предложил помочь ей сбежать при условии, что она немедленно отдастся ему. И где? В каком-то зачуханном «Смарте»! Спаслась Алёна от его домогательств только истинным чудом²⁹.

Правда, зимой парень служил в Париже. Значит, его перевели? Интересно, перевод из Парижа в провинцию – это повышение или понижение? Ну, если раньше Жоэль был просто агентом, а теперь лейтенант, кроме того, «мерс», на котором он сейчас приехал, не чета тому «Смарту», то, выходит, все же повышение.

А где Диего? Его тоже перевели в жандармерию?

Алёна огляделась, не то надеясь, не то опасаясь, что откуда ни возьмись вдруг вынырнет смуглый, поджарый, словно гончий пес, злой, неистовый, неутомимый и неутомимый испанец. Но Жоэль был один.

²⁹ Прочитайте роман Елены Арсеньевой «Письмо королевы», издательство «Эксмо».

Она пожала плечами. Можно, конечно, передать через новоиспеченного лейтенанта привет для Диего, напомнить о его обещании пойти с ней на мильонгу и танцевать только с ней (под своим первым именем – Карлос – Диего Малгастадор был известен всем любителям аргентинского танго в Париже и считался там супертанцором!), только неохота с Жоэлем общаться. Вот окажется Алёна в Париже – сходит в клуб «Le 18», где прошлой зимой развернулись достопамятные события, да и потанцует с Карлосом. Нет – значит, не судьба. Сейчас же надо поспешить на автобус, а то еще уйдет. Как тогда добираться до Нуайера? На такси можно разориться, а попутку ловить... Нет уж, садилась Алёна Дмитриева пару раз в попутную машину, так неведомо как жива оставалась. Больше она рисковать не хочет!

Сказки дальних стран и далеких времен

В третьем весеннем месяце, когда цветут персики и сливы, а на небе нет ни облачка, в светлые ночи собираются юноши и девушки вместе и танцуют «лунные танцы» под звуки тростникового лушэна³⁰, звоны колокольчиков, перепевы двадцатипятиструнных сэ³¹, речитатив барабанов... Раз в году бывал раньше этот праздник. Но в селении, где жили Серебряная Фей и Чжу, каждая ночь была теперь лунной, каждую ночь заводила молодежь дурманные танцы.

Где та печальная пора, когда сердца юношей томились безлюбыем? Фей обернулась волшебной жемчужиной, и светила эта жемчужина так ярко, что в ее лучах все девушки сделались невиданными красавицами. А тем юношам, которым не хватило невест в селении, привела серебряная чаровница новых прелестниц. Откуда они взялись, неизвестно, но в блеске их лиц меркло пламя свечей.

Каждая ночь цвела теперь сладострастными вздохами. Впервые узнали люди, что можно совокупляться не только ради продолжения рода или повинуюсь естественной потребности освобождения плоти, но и обнимать друг друга ради наслаждения. Овладели они искусством любовных игр, прихотливых и переменчивых: научились становиться на ложе страсти то фениксами, порхающими в красной пещере, то летающими белыми тиграми, то скачущими дикими лошадьми, то любящими ласточками, то прихотливыми рыбками, то величавыми единорогами, то легкими мотыльками, то громадными птицами, которые царят над темным морем, то поющими обезьянами, что держатся за дерево, то темными цикадами, цепляющимися за ветку... Мужчины и женщины научились наслаждаться слиянием, а оттого еще сильнее полюбили друг друга.

Красно-зеленые птицы бииняо поселились теперь чуть ли не на всех крышах. У этих диковинных птиц по одной ноге, одному глазу и одному крылу. Поодиночке суждено им ковылять по земле крошечными шажками, поэтому они всегда летают лишь парами, став символом неразлучной любви. Да, много стало отныне в селении неразлучных пар – бииняо и людей!

Наделила Фей счастьем и тех женщин, чьи сердца и тела уж увяли для страсти, но еще тосковали о нежности. На Горе Утренних Облаков, что поднималась неподалеку от деревни, из предрассветного тумана возникло чудесное дерево. Стоило женщине подойти к нему, воздеть руки и воскликнуть в полный голос: «О дерево инь, серебряное! Отринь от меня одиночество, даруй счастье! Не оставь своей заботой!» – и тут же туманное, зыбкое дерево приняло вид той самой женщины, которая молила о милости. На руках-ветках появлялись почки, которые раскрывались цветами, похожими на лотосы, а на месте опавших лепестков созревали дивные, драгоценные плоды. Увидев людей, они начинали смеяться – это были дети, мальчики и девочки, живые и теплые, которых можно было баюкать и нежить, целовать и голубить, – счастье, как яблоко, падало в руки матерей!

И только Ай, старая Ай не захотела принять любви и молодости от Серебряной Фей. Только она молчала, когда жители селения благословляли чародейку, словно доброго духа Тай-фэн, который приносит успокоение и счастье...

Благодарственные возгласы людей облаком летали над полями, горами, лесами, пока не попали на глаза Юйцяну – богу злого ветра. Ужасен облик Юйцяна! У него лицо человека, тело огромной птицы, из ушей свисают синие змеи. От взмахов его крыльев вздымаются на море

³⁰ Духовой музыкальный инструмент, состоящий из бамбуковых или тростниковых трубочек.

³¹ Древний музыкальный шипковый инструмент. Есть легенда, что изначально в царстве Чжао был изобретен 25-струнный сэ, звук которого считался совершенным. Когда же сэ попал в царство Цинь, известное своими варварскими обычаями, двое братьев подрались из-за сэ, разбив его на две неравные части: двенадцатиструнную и тринадцатиструнную. Так якобы и появились две разновидности гучжэна, современного инструмента, который используется при исполнении народной музыки.

волны высотой в три тысячи ли, а на суше бушуют страшные тайфуны. Можно ли ожидать добра от такого чудовища?

И вот схватил Юйцян облако благодарности и метнул его далеко-далеко, дальше страны, что лежит за Северным Морем, дальше Янь-Цзыго, Царства Черных Одежд. Долетело облако до Юду – Царства Тьмы, и его жители, черные птицы и черные крылатые змеи, черные барсы и черные волки, набросились на него, стали швырять и бросать, пока не забросили на север царства Лиин, где жил бес-оборотень. Звали его Цюнни.

Не имел Цюнни облика, который можно было бы удержать словами. То напоминал он однорукого, трехногого и трехглавого великана, то оборачивался свирепым крылатым тигром, то козлом с ядовитыми рогами, то птицей-змеей с четырьмя крыльями, с шестью глазами и тремя ногами – куда бы ни прилетала эта птица, в тех краях начиналось всеобщее смятение и раздор.

Увидел Цюнни белое облако благодарности – и ох какой черной завистью наполнилось его сердце! Разодрал он облако в клочки, развеял его по ветру, а потом принял облик птицы-змеи, взмахнул всеми своими крыльями и полетел быстрее ветра по небу, в мгновение ока очутившись в селении, где жила Серебряная Фей.

Ядовитая слюна птицы-змеи падала на землю тут и там, и выросли из нее цветы клеветы с черными и белыми лепестками. Смотришь на белый лепесток – а он кажется черным, смотришь на черный – видится белый лепесток. Цюнни обернулся двоюродным братом старой Ай и вышел ей навстречу. Да, любил бес-оборотень принять вид чьего-нибудь родственника и рассорить людей! Едва завел он речь о Серебряной Фей, как понял: не зря старуха всю жизнь носила имя Ай, что значит – «полынь»... Показал он Ай черно-белые цветы – и улетел восвояси. Только сказал на прощание: «Яд из этих цветов будет вечен и вековечен, и чем жарче бьется рядом с ним человеческое сердце, тем верней будет его действие: верней, сильнее и смертоносней!»

Собрала Ай большой букет и понесла по деревне. В какой дом ни войдет, везде цветок оставит. Аромат их был подобен слюне Цюнни – сочились они ядом клеветы. Ох, зря винят в бедах и несчастьях недобрых богов! Боги только злоумышляют, а злодействует – человек.

Наши дни, Франция

Вскоре выяснилось, что Алёна устала за этот день больше, чем думала. Да еще автобус оказался из медлительных: отправился не по скоростной дороге, а в объезд, тащился через все городки и деревеньки, встречавшиеся на пути. Пассажиров было мало: ну кто в наше время во Франции ездит на автобусах, когда в каждом дворе стоит по несколько автомобилей? Но то ли водитель оказался очень ответственным человеком, то ли сам процесс доставлял ему огромное удовольствие, однако он неумолимо тормозил на каждой пустой остановке, открывал дверцу и ждал не меньше двух-трех минут, прежде чем двинуться дальше. Вскоре Алёне стало казаться, что на самом деле автобус вовсе не пустой, просто другие пассажиры незримы. Может, водитель их видит, а она нет? Неплохо так кататься в автобусе, полном призраков, – никто не толкается, не ругается.

С призраками или нет, автобус наконец дотащился до Нуайера. Алёна вышла и немедленно ринулась в туалет. А потом свернула в магазинчик – купить мороженое. Только здесь продавалось ее любимое «Rhum-raisin», ромовое с изюмом, имеющее пусть слегка синтетический, но все же обворожительный вкус детства. И точно так же, как некогда в детстве, хрустели вафли – очень вкусные, нигде больше ей таких есть не приходилось.

Идти через весь городок с подтаявшим мороженым не хотелось. Да и жара к вечеру почему-то не спала, а еще пуще разошлась, поэтому Алёна свернула в самое, кажется, прохладное место города – в старую, еще восемнадцатого, а может стать, и семнадцатого века, каменную городскую прачечную на берегу реки Серен. И села там на каменную ступеньку, прислонившись к каменной стене.

В России в былые времена зимой стирали в прорубях, а здесь даже в самые студеные зимы реки толстым слоем льда не покрываются, вот и придумали некое строение на берегу реки. Горожанки – не самые знатные, конечно, а их служанки – выходили из дому с узлами грязного белья, собирались в прачечной, становились на колени над канавкой и стирали, били вальками (кстати, интересно, пользовались ли вальками француженки или они – сугубо русское изобретение?), полоскали белье, а потом, выкрутив его, цепляли на крюки, нарочно для этого подвешенные к балке над головами. Между прочим, бить вальками, вообще стирать по-русски, по-старинному, называлось «прати», отсюда и слова «прачечная» и «прачка». А местное стиральное заведение именовалось «lavoir» и означало место для стирки белья, устроенное на реке или пруду. В Муляне тоже имелся такой лавуар, но там прудик заглохший, заросший травой, и домик маленький, скромненький, а в Нуайере – настоящая римская купальня, только без фресок на стенах.

Станным образом Алёне всегда становилось легче на душе, когда она приобщалась к чему-то безусловно старинному. Уж казалось бы, во Франции старина на каждом углу, а все равно приятно было в этом лавуаре посидеть и попредставлять себе прачек с картин Фрагонара или Греза – как стоят они на коленях, подоткнув под них свои пышные юбки, чтоб не мерзнуть на студеных камнях...

Хотя нет, женщины на картине Фрагонара, которая так и называется – «Прачки», – в нарядных, легких платьях вешают белоснежные простыни в старинном, невероятно красивом саду рядом с мраморной скульптурой льва. И прямо слышно, когда глядишь на полотно, как ветер хлопает мокрыми простынями и шумит в листве высоченных платанов...

Алёна доела мороженое, ополоснула пальцы в исторической лохани и сунула руку в сумку – за платком. Потянула бумажный квадратик, за него зацепились наушники плеера, за наушники – что-то бисерное, длинное... Ах ты, господи, у нее в сумке вечно черт ногу сломит! Ой, это же сумочки девчонок, бисерные сумочки, купленные на ярмарке в Троншуа. А вдруг сестрички сейчас горько рыдают, вспоминая свои покупки, думают, что потеряли? Надо бы

позвонить, успокоить их... Однако из Нуайера мобильная связь не проходит – городок в низине лежит, между отрогами Бургундских гор, не так чтобы очень высоких, но все же представляющих неодолимую преграду для сигналов сотовой связи.

Пора возвращаться. Наверное, Марина уже беспокоится, а позвонить и сообщить о себе можно не раньше чем через полчаса, а то и минут через сорок, когда Алёна поднимется по довольно крутой дороге...

Она вышла из лавуара и направилась к городским воротам, по пути наводя порядок в сумке. Одна из бисерных сумочек выскользнула, упала на дорогу, раскрылась... Изнутри вылетела шоколадная обертка: маленькая, как этикетка от спичечного коробка, очень красивая, лаково-блестящая, черная с алой надписью «Le château Archambeaux».

Что? «Замок Аршамбо»? Но ведь так называется отель в Нуайере! Единственный отель, но больше тут и не нужно, в этом игрушечном городке.

Интересно, откуда в Лизкиной сумке бумажка от шоколадки, какие могут получить только постояльцы отеля вместе с чашкой кофе в тамошнем баре? Лизу кто-то угостил?

Стоп... Алёна выхватила вторую бисерную сумочку, Танину, и раскрыла ее – там лежала такая же бумажка. Ну конечно! Лизочка, рыдая, рассказывала, что тетенька, обманом отнявшая браслет, дала им с Таней шоколадки...

Очень мило! Выходит, лысая пакость, обокравшая детей, живет в Нуайере? В местном отеле? Между прочим, Алёна только что его миновала. Но если так, она не упустит возможности выяснить кое-какие отношения!

Наша импульсивная героиня развернулась на месте и ринулась к отелю.

За столиками перед входом, как всегда, сидели несколько туристов, попивавших местную самогонку, называемую ратафьей – божественный напиток! – или разнообразнейшее «бургундское» нуайерского производства. Ни лысой, ни ее бритоголового и конопатого приятеля среди них не было.

Алёна вошла в холл и несколько мгновений стояла, размышляя, не снять ли очки: в небольшом зальчике было довольно темно.

– Вам угодно номер, мадам? Или вы кого-то ищете? – раздался мужской голос.

Писательница обернулась, пытаясь разглядеть лицо человека, стоящего напротив высокого, узкого, довольно плотно занавешенного окна. По голосу можно было понять, что он довольно молод.

– Я хотела бы поговорить с кем-то из хозяев, – не очень решительно начала Алёна, – кое-что у них спросить...

– Я племянник мадам Аршамбо, владелицы отеля, меня зовут Эсмэ. Я помогаю тете и, может быть, смогу ответить на ваш вопрос, – проговорил мужчина чрезвычайно любезно.

Алёна в сомнении смотрела на него. Сомнение было вызвано прежде всего тем, что она не видела, с кем разговаривала. И еще имя такое странное, старинное... Вроде был такой бургундский граф Эсмэ, прославившийся... А бог его знает, чем он там прославился, тот граф, главное, что он был и звали его Эсмэ. Имя как раз для Нуайера с его лавуаром!

А впрочем, есть же режиссер Эсмэ Ламмерс. То есть имя и современное, просто очень редкое.

Снять, что ли, очки? Да нет, молодой человек еще испугается, сочтет ее беглой преступницей и ничего не скажет.

– Я ищу... – с запинкой заговорила Алёна, не зная, как половчей представить ситуацию, – я ищу одну даму. Мы сегодня виделись на ярмарке в Троншуа и... и я купила одну вещь, а потом произошло недоразумение, и мы... и та дама уехала, а вещь случайно осталась у нее. Вот я и хотела бы спросить у нее...

– Недоразумение? – хмыкнул невидимый Эсмэ с гораздо менее утонченной интонацией. – Ничего себе недоразумение: с чужой вещью отбыть восвояси! А как зовут даму?

– К сожалению, не знаю, – пожалала плечами Алёна. – Предполагаю только, что она остановилась в вашем отеле, причем не одна, а со своим спутником. Он высокий, бритоголовый, веснушчатый и, знаете, такой как бы рыхловатый. Одет был сегодня в красную майку, а женщина в черное платье, и она вся такая смуглая, худенькая и... тоже без волос. Есть у вас постельцы с такими приметам?

– А этот... – Молодой человек подумал и поправился: – Эта особа не была ли еще и в огромных темных очках вроде ваших?

– Ну да! – обрадовалась Алёна. – Вы ее знаете?

– Да как вам сказать... – Голос Эсмэ как-то странно вздрогнул, и Алёна вдруг поняла, что собеседник с трудом сдерживает смех. – Конечно, я видел тут, в отеле, эту пару. Они снимали у нас номер, но выписались еще утром и отбыли в неизвестном направлении. Значит, вы говорите, посетили Троншуа... Ну, где они теперь, никто не знает, так что ничем вам не могу помочь, извините. А впрочем, стойте! – воскликнул молодой человек, хотя Алёна и так стояла неподвижно, разочарованная. – Они же собирались быть вечером в Тоннере, как я мог забыть?... Ведь на этих днях около дворца Крюссолой проходит слет трансвеститов.

Алёна так изумилась, что в растерянности потянула с носа очки.

– А при чем тут трансвеститы? – спросила она растерянно, глядя на невысокого черноглазого парня с длинными темно-каштановыми, собранными в хвост волосами, которого теперь видела куда лучше, чем через темные очки.

– Ну вы же наверняка слышали про Шарля-Женевьев-Луи-Огюста-Андре-Тимоте Д’Эона де Бомона? – спросил весело Эсмэ. – Он родился во дворце Крюссолой, а потом запросто бывал во дворцах королей. Никому так и не удалось выяснить, мужчиной он был или женщиной. Ну и эта братия, которая сама в своем поле путается, выбрала его своим святым покровителем. Наверное, он в гробу, бедняга, переворачивается!

– А может, и нет, – усмехнулась Алёна. – Но все же я не пойму, с чего вы взяли, что эта парочка – трансвеститы?

– Вы их только один раз видели? – улыбнулся Эсмэ, откровенно разглядывая Алёну и, однако, отнюдь не выказывая признаков страха при виде ее синяка. – А я несколько дней подряд. Они ежедневно являлись в разных ипостасях: то он... я хочу сказать, то высокое веснушчатое существо напяливало на себя парик и платье, то маленькое смуглое. Вы, наверное, обратили внимание: они оба с бритыми головами, на ногах и на руках никакой растительности, фигуры – тоже не поймешь, мужские или женские. Я так и не понял, это два парня или мужчина и женщина, которые такую ролевою игру затеяли. Высокий на мужчину, вообще-то, больше похож, и дама из него несколько мужеподобная получалась, ну а маленький, когда парнем одевался, всегда усики налеплял на лицо. А наряды у них – закачаешься! Сплошь самые дорогие марки. Когда моя тетя увидела красное платье веснушчатого, то чуть не поседела от зависти.

Алёна схватила за стойку и спросила севшим голосом:

– Извините, нельзя ли мне воды?

20-е годы XX века, Россия

Из дневников и писем графа Эдуара Талле

Если бы я только мог понять, почему получил этот подарок, может быть, я увидел бы хоть какой-то смысл в том, что происходило с нами потом. Но я искренне не подозреваю ни о чем до сих пор. Не вижу причин ни для слишком щедрого дара, ни для последующих гонений. Но однажды у ворот дома, в котором мы жили с Шарлотт в Мукдене, появился человек в красной одежде. Судя по золотому поясу – курьер для особых поручений, прибывший напрямик из Пекина.

Я был изумлен. Если бы курьера направил ко мне наш посол граф Готье, то явился бы один из служащих посольства. Граф никогда и ничего, ни при каких обстоятельствах, не доверял местным курьерам, даже самых пустяков. Да и обо всяком посланнике мне первоначально сообщалось по телеграфу, установленному в посольстве в Пекине и в консульских помещениях в Мукдене и Шанхае. Приходилось думать, что курьер в красном прибыл ко мне в обход всех церемоний от какого-то пекинского чиновника.

Разумеется, его появление меня насторожило. Однако я не мог его не принять. Я тогда не знал еще китайского языка, да и позже не освоил его достаточно свободно (смею сказать, что иностранцу это вообще не под силу, мы в лучшем случае научаемся понимать лишь общий смысл фраз), поэтому позвал своего переводчика. Тот был родом китаец и понимал все оттенки сказанного, однако, вот беда, не мог их донести до нас, а также путался в тонкостях при передаче наших слов. В общем, общение в Китае было весьма сложным делом. Тем более в ситуации, которая носила какой-то двусмысленный оттенок. А именно двусмысленность при появлении странного курьера я сразу почувствовал. И по той важности, с какой держался посольный, и по тому неистовому смущению, в которое вдруг впал мой переводчик. Он словно бы не верил своим ушам, слушая то, что говорил посланец!

В конце концов переговоры окончились, посольный отвесил низкий поклон (я к таким уже привык, а первое время мне все казалось, будто я играю в каком-то спектакле, но не знаю роли) и удалился. Тут толмач с нижайшим же поклоном передал мне нечто, обернутое лоскутом красно-золотого шелка, и пояснил, что это подарок императрицы Цыси.

– Кому?

– Господину консулу.

– То есть мне?!

– Да, ваша милость.

– От императрицы?!

– Да, ваша милость.

– Но почему? За что?

– Это мне неизвестно, ваша милость.

– Так что же ты не спросил?!

– Я спрашивал.

– И что сказал посольный?!

– Государыня ни перед кем не обязана отчитываться в своих поступках, вот что он сказал.

Я молча кивнул. И велел отнести сверток в кабинет, желая распаковать его сам.

Снял шелк – под ним оказалась шкатулка из змеиной серебристо-белой кожи. Я подумал: вдруг там находится нечто особенное... быть может, имеющее отношение к сотрудничеству наших двух стран, то, что не должен был видеть никто, кроме меня.

Каково же было мое изумление, когда я узрел... узрел те самые фигурки, о которых мне когда-то рассказывала жена!

Да, да, в шкатулке находилась коллекция эротических статуэток, якобы изображающих Серебряную Фей и ее любовников в различных эротических позах. Я кое-что знал о китайском искусстве любви и сейчас узнавал «Вращающегося дракона» и «Любящих ласточек», «Летающих бабочек» и «Бамбуковые палки у алтаря», «Танец двух фениксов» и «Скачущих диких лошадей», «Летающего белого тигра» и «Рог единорога», «Слонов» и «Веселую обезьяну»...

Впрочем, я думал вовсе не о фривольностях. Я думал о том, что передо мной сокровище национального значения и уникальной ценности. Или, может быть, копии?

И я позвал Шарлотт. Она ведь искусствовед, причем занималась керамикой и знает толк в фарфоре. К тому же видела подлинники.

Шарлотт сразу подтвердила мои подозрения: статуэтки были копиями. Однако великолепного качества. Шарлотт сказала, что смогла распознать это только потому, что видела оригиналы.

Слова жены меня немного успокоили. Подарок был щедрым, но не настолько, чтобы я ощущал себя в неоплатном долгу. Иначе то, что я его принял, было бы опасно по отношению к моим служебным обязанностям.

– Не могу понять, что значит такой дар, – напряженно произнесла Шарлотт.

– Честно сказать, любимая, я тоже мало что понимаю. Но, может быть, императрица просто пожелала выразить свое расположение новому консулу...

– Я бы сказала, что так женщина может выразить расположение мужчине, которого она хочет затащить в свою постель!

Шарлотт всегда была очень раскованна в выражениях. Именно поэтому отец был против нашего брака, считая, что ее происхождение – ведь она из семьи буржуазной, даже, можно сказать, престолярной, – накладывает на нее неизгладимую печать, которая может помешать моему подъему по карьерной лестнице. Ни красота Шарлотт, ни ее необычайная для женщины образованность его не смягчили. Отец даже заявил, что я предал свое сословие, женившись на ней. А Шарлотт, наоборот, помогала мне, была другом и советчиком. У нее потрясающее чутье на людей! Конечно, ее страшно раздражали моя нелюбовь к грубой лексике, мои попытки обуздать ее вольные словечки. Впрочем, должен признать две вещи. На людях моя жена держала себя безукоризненно. А во-вторых, когда Шарлотт порой роняла такие словечки в постели, я... Дьявольщина, меня они необычайно возбуждали! И сейчас... сейчас мне смертельно захотелось повторить с ней те уроки, которые давали статуэтки. Но тут же до меня дошел смысл ее слов.

– Ты с ума сошла, моя дорогая! Императрица... и я? Кроме того, она женщина преклонных лет!

– Ты ее видел только раз, и то мельком. А я могла наблюдать за ней. Такая женщина никогда не будет достаточно стара для любви. Она вообще не может быть «преклонных лет». У нее на лице – вечная красота, а в теле – вечная молодость.

– Шарлотт! – Я начал злиться. – Прекрати! Я не знаю, что означает странный подарок, но он просто не может быть тем, о чем ты говоришь. Скорей всего, тут какая-то попытка взятки... боюсь, что ее чиновники начнут со мной переговоры в обход посла... Я слышал, что у него какие-то нелады с министром иностранных дел, ходят даже разговоры о его смещении. Возможно, императрица ищет их примирения?

– И обращается поэтому в консульство в Маньчжурии? Она что, считает, что ты можешь повлиять на позицию Готье? Что за ерунда!

– Не такая уж и ерунда, – пробормотал я. – Знаешь, мне кое-что пришло в голову... Ты не поверишь, но я действительно могу оказать некое воздействие на Готье. То есть не я, а мой дядя Шарль. Ведь он муж племянницы Готье.

– Что? – изумилась Шарлотта. – Не может быть! Как так вышло, что я ничего не знаю?

– Это семейная тайна. Видишь ли... Мелина содержится в психиатрической лечебнице – несчастная сошла с ума во время родов. Ребенок появился на свет мертвым, ей пришлось испытать страшную боль, и она лишилась рассудка от шока. Шарль любил ее, но с тех пор прошло уже несколько лет, а бедняжка неизлечима. Дядя начал поговаривать о расторжении брака. Что ж, его можно понять.

– Да... – прошептала Шарлотт. – Но девушка...

– В том-то и дело, что в редкие минуты просветления она все осознает и любит его по-прежнему. Развод с Шарлем означает для нее гибель – не останется ничего, что будет держать ее на свете.

– Боже мой... – Шарлотт опустила глаза, полные слез.

– И Готье очень надеется на моего отца, который один только и имеет влияние на Шарля. Отец вырастил своего брата после смерти родителей, у него в руках деньги, на которые живет Шарль. Я не знаю, как наша семейная тайна стала известна китайцам, но, если бы им удалось каким-то способом привлечь меня на свою сторону, я воздействовал бы на Готье через отца... Ну, это в идеале, конечно. Они могли рассчитывать на меня, не ведая, что мы с отцом в ссоре.

– Но каким образом китайцы проведали о тайне?! – воскликнула потрясенная Шарлотт.

– Говорю же, не знаю. Я не знаю!

Я и в самом деле не знал, верно ли догадался. Но такой ответ был ближе всего к истине. Что еще я мог предположить? Не ту же ерунду, которая взбрела в голову моей ревнивой жене...

Наши дни, Франция

– Вам плохо? – испугался Эсмэ, подскакивая к Алёне.

– Нет, ничего, – с трудом выговорила та. Но больше сдерживаться не могла – начала хохотать.

Молодой человек попятился. Кажется, если бы гостя рухнула в обморок, он отреагировал бы более спокойно.

– Извините, – смогла наконец сказать Алёна. – Дело в том, что я на днях видела такую странную пару в Талле. И про себя назвала так: «красная дама, черный валет». Она высокая, в красном платье в индийском стиле, он очень сублильный, с черными усиками, черным лаком на ногтях, с длинными черными волосами... А сегодня встретила лысую даму, всю в черном... ногти на ногах тоже чер... черные... – Алёна опять начала задыхаться от смеха. – И подумала: она как раз под пару тому «валету»... Только сегодня она была дама, а ее спутник... спутница... он, она... он тоже был лысый... лысая... Ой, я не могу!

И она расхохоталась так громко, что из соседней комнаты донесся изумленный женский голос:

– Что там происходит?!

– Все в порядке, тетя, – отозвался молодой человек, подмигивая Алёне ярким нахальным глазом, – мы говорим о слете трансвеститов.

– Нашел о чем говорить с приличными людьми! – возмущенно отозвались из соседней комнаты.

Затем на пороге показалась крошечная дама в платьице, из-под которого торчали сухонькие ножонки в босоножках на каблучицах и высоченной платформе, с пышной прической, накрашенная сверх всякой меры, прижимавшая к себе той-терьера, который немедленно и пискляво залаял, уставившись на Алёну выпученными глазками. Отчего-то такие... господа, прости... шмакодявки собачьего мира терпеть нашу героиню не могли, в то время как могучие псы относились с подобострастием и не то что тьякнуть на нее не смели – всяко ластились и лезли под руку: погладь, мол, богиня... Впрочем, мадам Аршамбо тоже уставилась весьма неодобрительно на Алёнин синяк. Его обладательница пожалела, что расслабилась и забыла надеть очки. И вот вам результат – немедленно выведена из разряда приличных людей... мадам Аршамбо только окинула ее взором и, даже не кивнув, скрылась за дверью вместе со своей собачонкой.

Алёне, конечно, следовало обидеться, что какая-то бургундская карлица смеет неодобрительно смотреть на русскую красавицу, писательницу и все такое, но рядом давился хохотом Эсмэ, а смех, сами понимаете, штука заразительная. Алёна ринулась прочь из отеля и дала себе волю уже за дверью. Сидевшие за столиками уважаемые господа туристы воззрились на нее несколько испуганно, тем более что следом выскочил Эсмэ, который тоже не в силах был справиться со смехом. Молодой человек схватил Алёну за руку и потащил за угол. В крохотном средневековом тупичке – два шага на два, носившем название Колесный тупик, оба принялись хохотать, бессмысленно-блестящими глазами глядя друг на друга, и продолжалось так до тех пор, пока Эсмэ вдруг не придвинулся к Алёне, не схватил ее, не прижал к себе и не чмокнул в губы, чуточку приподнявшись на цыпочки, чтобы оказаться одного роста с ней.

Она так изумилась, что на миг замерла в его объятиях, и Эсмэ, видимо, воспринял это как одобрение, потому что попытался целоваться уже по-взрослому, да еще и руки в ход пустил. Но тут уж Алёна ожила и оттолкнула его с такой силой, что парень ударился спиной об источенную временем дубовую дверь, около которой они стояли. Средневековый колокольчик над дверью хрипло, но достаточно громко звякнул, и изнутри отозвалось дребезжащим голосом замшелого призрака:

– Это ты, Гастон-Луи?

– Нет, это Эсмэ, – выкрикнула Алёна, – принес вам горячий привет от мадам Аршамбо! И она с силой толкнула молодого нахала в приоткрывшуюся дверь, а сама кинулась прочь.

Между прочим, не так уж наша героиня была и изумлена. Во Франции вообще особенное отношение к красивым женщинам. Мужчина не постесняется подмигнуть понравившейся даме, одобрительно улыбнуться, восхищенно повести глазами и даже интимно шепнуть, проходя мимо:

– Tu es belle!³²

Или чуть сдержанней:

– Vous êtes belle extraordinairement!³³

Во всяком случае, Алёне слышать такое в свой адрес приходилось довольно часто. Бывало даже, что какой-нибудь галантный парижанин говорил Лизочке и Танечке, завидев их в компании Алёны:

– Vous êtes des vraies beautés. Et ressemblez beaucoup à votre maman³⁴.

Сначала девчонки наивно объясняли, что Алёна вовсе не их мамочка, а всего лишь мамочкина подружка, но потом привыкли к комплиентам и только вежливо бормотали в ответ:

– Да, мсье! Мерси, мсье!

Впрочем, комплименты комплиментами, но, честно сказать, с поцелуями на Алёну пока еще не набрасывались. С другой стороны, должна же провинция чем-то отличаться от столицы!

Алёна довольно часто бывала в Нуайере, но, как правило, только на главной улице, где находились магазины, маленькая галерея и кафе. Ну и еще на боковой улице Острых Ножей (интересно, имелась где-то еще и улица Ножей Тупых?) как-то довелось побывать – причем тоже при весьма острых обстоятельствах³⁵, поэтому неудивительно, что ей казалось, будто Нуайер весь такой плоский и узкий. Однако сейчас переулочки сплетались, как нити паутины, образуя некий лабиринт, и минуло не меньше получаса, прежде чем Алёна из них выбралась и оказалась у городских ворот – но не тех, через которые пришла, а тех, через которые нужно было выйти, чтобы попасть на дорогу в Мулян.

Вертлявый малый лет двадцати пяти, в шортах, открывавших тощие ноги, и в длинном, чуть не до земли, черном фартуке, протиравший столики перед кафе, названным в честь города «Noyers sur Serein», «Нуайер на Серен», улыбнулся Алёне и помахал ей рукой. Наша героиня в ответ едва шевельнула уголком рта: с некоторых пор (точнее, в течение последних тридцати минут) она не доверяла нуайерцам.

Писательница Дмитриева вышла из ворот, привычно перекрестившись (справа налево, кстати) на статую Пресвятой Девы, стоящую в маленькой нише и, как всегда, украшенную бусами из шиповника и бумажными цветами, и быстро зашагала по знакомой дороге. Справа каменная, изрядно осыпавшаяся, увитая виноградом стена подпирала склон; высоко-высоко видны сквозь деревья стены старого, ну очень старого, вовсе уж средневекового, заброшенного шато, куда даже туристы остерегались ходить, настолько там все было на грани жизни и смерти; слева текла быстрая Серен с зеленой водой и заливными лугами, на которых паслись очень толстые и очень коричневые коровы, а рядом с ними коричнево-белые лошади, очень похожие на толстых коров.

Сзади послышался громкий треск, Алёна шагнула на обочину, пропуская автомобиль, мельком удивляясь, почему он так трещит, однако внезапно рядом с ней поравнялось и при-

³² Ты красавица!

³³ Вы необычайно красивы!

³⁴ Ну и красотки же вы! Очень похожи на мамочку!

³⁵ Об этом можно прочитать в романе Елены Арсеньевой «Ведьма из яблоневого сада», издательство «Эксмо».

остановилось одно из самых странных средств передвижения, виденных ею в жизни. Это был остов, каркас гоночной машины, очень напоминавший клетку или плетеную корзину на небольших колесах. В клетке сидел человек в каскетке, надетой задом наперед, и в больших мотоциклетных очках. У него были темно-каштановые выющиеся волосы, собранные в хвост. Обтянутые джинсой худые колени торчали чуть не выше головы: игрушечная гоночная машинка была явно седоку не по росту.

– А ты что, раньше никогда не целовалась? – нахально спросил он. – Почему так испугалась?

Алёна строптиво дернула плечом и пошла дальше. Тарахтелка ожила и потащилась следом.

– Пожалуйста, можно я тебя подвезу? – прокричал Эсмэ (ну разумеется, это был он).

– А мы что, уже перешли на «ты»? – холодно спросила Алёна. Хотя вопрос был, конечно, риторический. Во Франции вообще с этим быстро, а в особых случаях – даже стремительно.

Эсмэ только кивнул, улыбаясь до ушей. У него были отличные зубы. Хорошо, что он целовался, а не кусался, подумала Алёна, и ей стало смешно. Однако мальчишке незачем знать о ее мыслях.

– Откуда ты узнал, что я пошла через эти ворота? – спросила она, с ледяным выражением глядя сверху вниз (жаль только, ее старания пропадали втуне, ибо холодность взора была смягчена темными очками, вновь водруженными на нос).

– Мой друг Мишель увидел тебя и сразу сообщил мне... Мишель – официант в кафе «Noyers sur Serein», – пояснил наглый мальчишка. – Когда ты убежала, я позвонил ему и попросил последить за дорогой. Если бы ты пошла через другие ворота, мне бы позвонил Алексис, заправщик с автостанции.

– Смотри-ка, у тебя кругом свои люди! – неприязненно проронила Алёна. – И никто не спросил, зачем тебе это нужно?

– Конечно, свои, – кивнул Эсмэ, – я же вырос в Нуайере и всех тут знаю. Я же наследник тетушки, так что когда-нибудь и отель, и кафе, и заправка, и несколько магазинов станут моими. Никто ни о чем меня не спрашивал – разумеется, парни не хотят портить отношения с будущим хозяином. В Нуайере не так просто найти хорошую работу, да и вообще в округе на много миль непросто.

– От души надеюсь, что тебе еще долго ничего не светит, – ехидно бросила Алёна. – Твоя тетушка прекрасно выглядит.

– Ага, то-то ты при виде ее бросилась бежать, – с той же интонацией отозвался Эсмэ.

– Ты прекрасно знаешь, почему я бросилась бежать! – невольно засмеялась Алёна и села в машинку, причем ее коленки тоже мгновенно поднялись выше головы. – Обещаешь вести себя прилично и не лезть ко мне в этой корзине на колесах? Ты ее сам сделал? Довольно шаткое сооружение! Боюсь, если снова распустишь руки и я тебя толкну, мы просто опрокинемся и свалимся в канаву.

– Я бы не прочь свалиться куда-нибудь с тобой в обнимку, – пробормотал неисправимый Эсмэ, но Алёна сделала вид, что не слышит, так что он не стал распускать руки и включил зажигание своей таратайки. – А машину я купил через Интернет. Она называется «*mióche Renault*», «малыш «Рено». Их делают на заводе «Рено», хотя, кажется, и другие марки тоже есть. Это модная игрушка как раз для сапрагне, для сельской местности. Я люблю такие смешные игрушки!

«Игрушка» лихо сорвалась с места и понеслась вперед... через мгновение оказавшись довольно далеко от того поворота, где начинался путь в Мулян.

– Или ты повернешь, или... – крикнула Алёна, пытаясь перекрыть рокот мотора – разумеется, никакие глушители тут предусмотрены не были, как и в мопеле.

– Или что? – проорал несносный юнец, поворачивая к ней свои насмешливо поблескивающие очки, в которых Алёна увидела свое отражение.

Она сунула руку в сумку:

– У меня тут электрошокер. Тебе понравится получить разряд?

Конечно, это был блеф чистой воды. Однако купленный на ярмарке массажер вполне сошел бы за мини-электрошокер – у Эсмэ нет времени особо приглядываться!

– Сразу видно, что ты хорошо разбираешься в электричестве, – засмеялся Эсмэ. – Мы сидим в сплошном проводнике – кругом одни металлические детали! Тебе и самой достанется, так что лучше не рискуй.

Да, в школе по физике у Лены Володиной была слабая, хлипкая, дрожащая такая троечка, поставленная исключительно за необыкновенно красивые глаза...

– Не беспокойся! – весело кричал Эсмэ, разгоняя свою таратайку. – Я еду по этой дороге, во-первых, потому, что по тому крутому подъему, который ведет к Муляну, моя игрушка не поднимется, а во-вторых, здесь нам придется проехать через Тоннер. Разве тебе не нужно в Тоннер?

– А зачем мне в Тоннер?

– Как зачем! А найти лысую даму, которая у тебя что-то украла, ты разве уже не хочешь? Я же говорил, она будет на слете трансвеститов!

– О боже, я совсем забыла...

– Вот видишь, как хорошо, что я тебе напомнил! – захохотал Эсмэ.

Алёна не стала уточнять, что именно из-за него она забыла обо всем, в том числе и о лысых трансвеститах, свистнувших ее браслет. Еще возмнит о себе...

– Что ж, в Тоннер так в Тоннер! – крикнула наша героиня, крепче схватилась за край «корзинки» и зажмурилась, потому что Эсмэ прибавил скорость – и ветер с силой ударил в лицо.

Вторая половина XIX века, Китай

Положение в стране стало настолько тяжелым, что император начал беспокоиться о своей жизни, о своей семье. Британцы, да и его собственный брат Кун, который пытался налаживать отношения с «проклятыми белыми дьяволами» и верил, что они сильнее «детей драконов», вполне могли подослать к Сянфэну наемных убийц. Во всем мире император безоговорочно верил теперь только трем людям: сыну, однако тот был еще младенец, от него помощи никакой, своей жене, императрице Цициан, и Лан Эр. Сянфэн решил: если он погибнет, брат заберет царство у сына. Значит, должны быть назначены регентши. Конечно, это будут Цициан, а также Лан Эр, как мать ребенка. Причем, поскольку регентшей при сыне императора может быть только императрица, Лан Эр получила этот титул, не став женой Сянфэна.

Отныне ее звали Цыси, что означало – Западная императрица.

Императрица Цыси. Но не жена императора...

Лан Эр пришла в исступление.

Конечно, ее новое имя красивое, но она должна быть единственной! Она ни с кем не желает делить власть над императором!

Казалось бы, Лан Эр уже так набила себе руку на изготовлении хитрых ядов, что запросто способна избавиться от Цициан. Однако в Поднебесной существовал старинный жестокий обычай: если Сын Неба называл императрицей не только жену, но и возвысившуюся наложницу (такие случаи бывали в истории), то в случае смерти императрицы наложница должна быть убита рукой самого Сына Неба и уложена в могилу госпожи. Ведь она считалась как бы тенью императрицы, а тень не может жить самостоятельно... Поэтому хочешь не хочешь, а Цыси приходилось даже беречь Цициан. А та была такая ласковая, так привязалась к малышу Тунчжи и к Цыси, что даже называла ее младшей сестрой.

«Какая жалость, что ты – жена моего императора! – иногда с тоской думала Цыси. – Какая жалость, что ты – преграда на пути моем и я ненавижу тебя! Я бы хотела любить тебя, как сестру!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.